

13 - 14 - 15

СОЧИНЕНІЯ
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ИЗЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

<http://royal.org.pl>

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ВОСЕМЬСОТЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

(1821—1825)

(ОТРЫВКИ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА)

М. И. Анненковой.

КАМЕНКА.

I.

Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ посѣтилъ Каменку впервые, осенью въ 1821 году, послѣ своего неожиданнаго перевода въ южную армію, въ полтавскій полкъ, изъ распущеннаго, за неповиновеніе, семеновскаго гвардейскаго полка.

Никогда потомъ, въ немногіе годы молодой и бурной, рано погибшей жизни, Бестужевъ не могъ забыть ни своего заѣзда въ этотъ красивый уголокъ кievской Украйны, ни его радушныхъ обитателей.

Это было въ концѣ ноября.

Его однополчанинъ по гвардіи и теперь ротный командиръ по полтавскому полку, Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль, собирався тогда въ свое родовое, миргородское помѣстье, село Хомутѣцъ.

— Хочешь, Миша,—сказалъ онъ ему:—я по пути заѣду на именины въ Каменку... тамъ, въ екатерининъ день, весело,—барышни, танцы... а главное, увидишь общество замѣчательныхъ, истинно умныхъ русскихъ людей.

Ротный любилъ Мишеля, покровительствовалъ ему и былъ радъ доставить ему развлеченіе. Они поѣхали.

Дорога въ этой части чигиринскаго уѣзда шла изви-

стыми, лѣсистыми холмами. Погода была мгlistая, съ небольшимъ морозомъ. Дубовыя, липовыя и грабовыя рощи, захваченныя раннимъ снѣгомъ, еще не потерявъ всѣхъ листьевъ, стояли то темными, то багрово-золотистыми островами, среди опустѣлыхъ, бѣлыхъ полянъ. Рѣдкіе села и хуторы, съ историческими именами: Субботово, Смѣла, Мотрошиня и Лебединскій монастыри, напоминали гетманщину и недавніе, послѣдніе дни Запорожья.

Верстахъ въ сорока отъ Чигирина, извилистый проселокъ сталъ круто спускаться въ долину. Подъ пригоркомъ, пересѣкая Каменку на двѣ части, текла еще незамѣрная рѣка Тясминя. Сквозь морозную мглу блеснули маковки двухъ церквей, обозначились новые, вдаль уходящіе холмы и обширное, въ нѣсколько сотъ дворовъ, населенное малороссами и евреями, мѣстечко. На возвышенномъ взгорьѣ сталъ виденъ большой, двухъ-этажный, помѣщичій домъ, съ пристройками, — за нимъ старый садъ, красивыми уступами спускавшійся къ рѣкѣ. Барскій дворъ былъ оставленъ возками, санями. Кучера водили упаренныхъ лошадей. Прислуга суетилась межъ домовъ и дворовыми постройками.

— А знаешь ли, кого еще мы можемъ здѣсь встрѣтить? — сказала спутникъ Мишелю, при спускѣ въ улицу, называя ему обычныхъ каменныхъ гостей; сюда эти дни ждали гостя изъ Кишинева... онъ уже навѣщалъ Каменку минушею весной...

— Кто такой?

— Пушкинъ...

— Можетъ ли быть?

— Увидишь.

Любопытство Мишеля было сильно возбуждено, и онъ не помнилъ, какъ вѣхалъ въ ворота и какъ ступилъ на крыльцо.

Восемнадцатилѣтній, темнорусый, голубоглазый и средняго роста юноша, Мишель въ это время съ виду былъ еще почти ребенокъ. Сильно впечатлительный, добраго и нѣжнаго сердца, онъ, подъ надзоромъ страстно его любившей матери, сперва воспитывался въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, въ пансіонѣ какого-то парижскаго эмигранта-аббата. Образованіе ему было дано въ духѣ того времени, чисто французское, такъ что, до поступленія въ гвардію, онъ даже съ трудомъ говорилъ по-русски.

Опредѣляясь въ полкъ, изысканный, чувствительный и нѣж-

ный вопль не могъ равнодушно видѣть мученій мухи, комара. Полковая учебная стрѣльба бросала его въ краску и приводила въ дрожь. Затянутый въ узкій офицерскій мундиръ, съ высокимъ, жесткимъ воротникомъ и острыми длинными фалдочками, онъ, когда былъ веселъ, своимъ звонкимъ, задорнымъ смѣхомъ и рѣзвостью, а когда скучалъ, — томностью робкихъ, разсѣянныхъ глазъ, красиво-вьющимися кудрями и вздохами, напоминалъ скорѣе дикую, несложившуюся дѣвочку, чѣмъ сына Марса. Не желалъ, впрочемъ, отстать отъ товарищей, онъ любилъ себя показать лихачемъ, гарцовалъ по Невскому на красивомъ скакунѣ, участвовалъ въ дружескихъ попойкахъ, въ карточной игрѣ и прочихъ холостыхъ кутежахъ. Но его любимымъ занятіемъ было чтеніе.

Западные и преимущественно французскіе историки, философы, романисты, поэты и экономисты были Мишелемъ съ жадностью прочитаны въ богатыхъ библіотекахъ его московской и петербургской родни. Съ книгой Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, съ разсужденіемъ о законахъ Монтескье, съ Вольтеромъ и Дидеро онъ ознакомился съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и съ Плутархомъ, Гельвеціемъ, Кондильякомъ, Гольбахомъ, Вателемъ и Руссо. Изъ русскихъ писателей онъ увлекся фантастическими балладами Жуковскаго и плакалъ надъ «Лизой» Карамзина. Но его идеаломъ былъ Пушкинъ... Мишель зналъ наизусть почти всѣ его стихи, въ томъ числѣ его неизданныя, смѣлыя и пламенные сатиры, ходившія въ то время въ безчисленныхъ спискахъ и читавшіяся на расхватъ: Лицинію, Деревня, Кинжалъ, Чаадаеву, на Аракчеева, Голицына и другія.

И вдругъ, этотъ Пушкинъ, этотъ идолъ молодежи, полубогъ, могъ быть дѣйствительно здѣсь же, въ Каменкѣ. Не шутить ли товарищъ? не издѣвается ли безъ жалости надъ юнымъ поклонникомъ любимца парнасскихъ боговъ?

Виновица имениннаго сѣзда, еще сохранившая слѣды былой, замѣчательной красоты, величественная и любезная семидесятилѣтняя старушка, Екатерина Николаевна Давыдова была урожденная графиня Самойлова, сестра извѣстнаго канцлера и племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Отъ перваго брака у нея былъ сынъ, — извѣстный защитникъ Смоленска и герой Бородина и высотъ Парижа, гене-

раль Николай Раевскій, два сына котораго, ея внуки, были друзьями Пушкина. Ея сыновья отъ второго мужа, Давыдова, старшій—Александръ и младшій—Василій Львовичи, жили съ матерью. Высокій, тучный, свѣтлорусый и величавый, отъ природы неподвижный, лѣнивый и всегда полудреmlющій Александръ Львовичъ, какъ и его мать, весьма схожій съ дѣдомъ Потемкинымъ, былъ женатъ на красавицѣ-француженкѣ, графинѣ Граммонъ. Василій Львовичъ, совершенная противоположность брату Александру, впоследствии женатый на миловидной и доброй, дальней родственницѣ, Александрѣ Ивановнѣ, былъ съ виду въ покойнаго своего отца, — роста ниже средняго, съ курчавыми, темными волосами, веселый, со всѣми общительный, говорливый и живой.

Оба брата воспитывались въ петербургскомъ пансіонѣ аббата Николь, служили, какъ всѣ тогда, въ военной службѣ, одинъ въ кавалергардахъ, другой адъютантомъ князя Багратиона — въ гусарахъ, отличились въ двѣнадцатомъ году и теперь находились въ отставкѣ, старшій — генераломъ, младшій — полковникомъ. Александръ Львовичъ съ семьей жилъ въ нижней, лѣвой части каменнаго дома; Василій — въ особой пристройкѣ, въ правой. Средину нижняго этажа, съ своими дочадами, занимала старушка-мать. Она вставала рано, обходила въ пристройкахъ разныя рукодѣля, кружевницъ, коверщицъ и швей, навѣщала оранжерен, цвѣтники и свѣряла свой берегетъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ на садовой полянѣ, передъ домомъ. Всѣ обѣдали, пили чай и ужинали внизу у старушки, бесѣдуя въ общей, огромной, увѣшанной фамилными портретами, нижней гостиной. Верхній этажъ и одинъ изъ флигелей служили для прїѣзда гостей.

Къ Каменкѣ принадлежали семнадцать тысячъ десятиинъ земли, унаслѣдованной ея владѣлицей, благодаря дядѣ, свѣтлѣйшему Потемкину, то-есть чуть не половина Чигиринскаго уѣзда, и Екатерина Николаевна заранѣе рѣшала почти всѣ уѣздные выборы, говоря одному—ты, батюшка, будешь предводителемъ, другому—тебѣ быть исправникомъ, или судьей.

Въ семейные праздники въ Каменку съѣзжались, кромѣ другихъ сосѣдей, Лопухиныхъ, Орловыхъ, родные хозяевъ, изъ Кіева Александръ и Николай Раевскіе, Поджіо и др. А теперь здѣсь былъ и недавно женатый на сестрѣ Раев-

скихъ, служившій въ Кишиневѣ, генераль Михаилъ Орловъ, съ своимъ адъютантомъ, Охотниковымъ, генераль князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій и московскій гость, также бывшій семеновецъ, капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ.

Мишель съ товарищемъ подѣхали къ началу молебна. Всѣ гости были въ сборѣ, стслушали исполненное пѣвчими многолѣіе, поздравили именинницу и въ ожиданіи пирога, размѣстились вокругъ хозяйки въ гостиной и частью въ залѣ. Слуги разносили чай. Степенный и важный дворецкій, Левъ Самофлычь, съ порога поглядывалъ, все ли въ порядкѣ въ залѣ и въ столовой.

Прерванный молебномъ разговоръ оживленно продолжался. Мишель разсѣянно прислушивался къ толкамъ лицъ, которымъ передъ тѣмъ былъ представленъ. Съ нимъ заговорилъ младшій Раевскій. Но онъ и его едва слушалъ, оглядываясь и ища кого-то счастливыми, смущенными глазами.

Французскій говоръ здѣсь преобладалъ, какъ и во всемъ тогдашнемъ обществѣ. До слуха Мишеля долетали слова:— «кортесы рѣшили» — «Меттернихъ опять» — «силы якобинцевъ» — «Аракчеевъ» — «карбонары»... Кто-то передавалъ подробности о недавнемъ, неудачномъ, хотя столько пророчившемъ вторженіи въ Турцію изъ Кишинева грека-патріота, русскаго флигель-адъютанта, князя Ипсиланти.

— Это сильно озадачило, смѣшало нашъ кабинетъ,— произнесъ въ гостиной молодой женскій голосъ: — добрая попытка не умереть...

— Да, но бѣдная родина Гомера и Ѳемистокла!—возразилъ другой голосъ, и въ немъ Мишель узналъ своего ротнаго: — ждите... не скоро вернется законное наслѣдіе четырехвѣковой жертвѣ турецкихъ кинжаловъ и цѣпей...

— Австрійцы вторглись въ Неаполь и мы же, имъ въ помощь, стянули войско къ границѣ,—толковали въ залѣ.

— И все Меттернихъ, Аракчеевъ.

— Но у насъ Сперанскій, Мордвиновъ...

— Придетъ пора!

— Два года назадъ, Зандъ расправился съ предателемъ Коцебу...

— А вы знаете новую сатиру Пушкина на Аракчеева?—спросилъ кто-то Раевского, въ двухъ шагахъ отъ Мишеля.

— Какъ не знать!.. «Достоннь лавровъ Герострата?»—отозвался тотъ.

— Нѣтъ, а эти:

«Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести,
Кто-жь онъ, преданный безъ лести?»

— «Просто фронтовой солдатъ!»... еще бы!—да гдѣ же онъ самъ? ужли еще спать?—произнесъ Раевскій и, обратясь къ Мишелю, сказалъ: — ты желалъ съ нимъ познакомиться... хотите на верхъ?

— Постой, постой,—крикнулъ Раевскому младшій Давыдовъ, держа листокъ бумаги:—Омелько пошелъ будить Пушкина, а онъ ему сказалъ и записалъ въ постели вотъ этотъ экспромтъ...

Давыдовъ прочелъ стихи: «Мальчикъ, солнце встрѣтить должно».

— Мило! прелесть!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Мишель пошелъ за Василиемъ Львовичемъ.

Поднявшись изъ сѣней, по внутренней, круглой, полутемной лѣстницѣ, Мишель и его провожатый остановились вверху, у небольшой двери. Мишель почему-то предполагалъ увидѣть Пушкина не иначе, какъ демонически-растрепаннаго, въ странномъ и фантастическомъ нарядѣ, въ красной фескѣ и въ пестромъ, цыганскомъ плащѣ. Раевскій постучалъ въ дверь.

— Entrez! — раздался за порогомъ негромкій, пріятный голосъ.

Къ удивленію Мишеля, Пушкинъ оказался въ щегольски сшитомъ черномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Его непокорныя, вьющіяся кудри были тщательно причесаны. Онъ сидѣлъ у стола. Свѣтлая, уютная комната, окнами въ садъ, на Тясминъ и зарѣчные холмы, была чисто прибрана. Ни безпорядка, ни сора, ни слѣдовъ воспѣваемаго похмеля.

— Бессарабскій... онъ же и бѣсъ арабскій!—сказалъ съ улыбкой Раевскій, представляя Мишелю пріятеля.

— Чтò, пора?.. развѣ пора?—торопливо спросилъ Пушкинъ, виопыхавъ подбирая на столѣ клочки исписанныхъ бумагъ, комкая ихъ и пряча въ карманы и столъ.

Мишель съ трепетомъ вглядывался въ эти клочки, въ этотъ столъ и въ знакомыя по наслышкѣ, выразительныя черты любимаго, дорогого писателя.

— Пирогъ остынетъ,—съ укоромъ сказалъ Раевскій.

— Ну, вотъ! — поморщился Пушкинъ, оглядываясь на дверь:—душенька, какъ бы безъ меня?

— Безъ тебя! да что ты? развѣ забылъ:

«Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя...»

— Оставь, голубушка! ужь лучше и впрямь о пирогахъ,—
уныло отвѣтилъ Пушкинъ, поглядывая, все ли спрятали
со стола.

— Нѣтъ, — вдругъ перебилъ, заикаясь, краснѣя и самъ
себѣ удивляясь, Мишель: — нѣтъ, это неподражаемо, вос-
торгъ... «Недвижный стражъ дремалъ»... я все знаю... или это:

«И неподкупный голосъ мой
Быль эхомъ русскаго народа...»

Пушкинъ, надѣвая перчатки, радостно и ласково глядѣлъ
на худенькаго и голубоглазаго офицера, въ стянутомъ
воротникѣ и со вздѣрнутыми, въ видѣ крылышекъ, эполе-
тами, неловко и съ нерусскимъ выговоромъ произнесшаго
передъ нимъ его стихи.

— А это? — почти вскрикнулъ взволнованнымъ, дѣтски-
сорвавшимся голосомъ Мишель:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію царя?»

Пушкинъ помолчалъ, взялъ шляпу.

— Не увидишь, милый, не увидишь, славный! — сказалъ
онъ съ горечью и, обратясь къ Раевскому, прибавилъ: —
объясни ему это, Николай.

— Да почему же? — спросилъ, замедлясь у двери, Раев-
скій: — развѣ тотъ, въ Грузинѣ, не допустить?..

— Малюта Скуратовъ! врагъ честныхъ Адашевыхъ! —
проговорилъ Мишель.

— Да онъ съ искоркой! — вполголоса сказалъ пріятелю
Пушкинъ, спускаясь по лѣстницѣ.

Мишель слышалъ эти слова и былъ внѣ себя, на седь-
момъ небѣ.

Въ теченіе всего того дня, за завтракомъ, обѣдомъ и
чаемъ, Мишель не спускалъ глазъ съ дорогого гостя. Онъ
любовался его шутками, остротами и шаловливымъ ухажи-
ваньемъ за двѣнадцатилѣтнею, быстроглазою и хорошенькою
Адель, дочерью старшаго Давыдова, которой Пушкинъ, какъ
узналъ Мишель, передъ тѣмъ написалъ извѣстные стихи:
«Играй, Адель».

Вечеромъ молодежь танцевала. Сосѣднія дамы и дѣвицы
пѣли итальянскія арии и французскіе романсы. Въ карты

никто не игралъ, да и некогда было. Общая, дружеская и разнообразная бесѣда длилась далеко за полночь.

Лежа въ постели, въ комнатѣ, также отведенной наверху и случайно по сосѣдству съ Пушкинымъ, Мишель долго не могъ заснуть.

— «Какая разница!» — разсуждалъ онъ: — «этотъ домъ. это общество и тѣ, гдѣ я прежде бывалъ! Правду сказали товарищъ: вотъ истинно-умные русскіе люди... И какъ здѣсь все просто, безъ чопорности и праздныхъ затѣй... Ни лишней, толкущейся, напыщенной челяди, ни всѣхъ обычаевъ стараго барства... А разговоры? Давно ли, въ видныхъ, даже гвардейскихъ семьяхъ, какъ о чемъ-то обычномъ, шли пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ? часто ли и понемногу, или рѣдко, но мѣтко? Давно ли, не на моихъ ли глазахъ, нечистые на руку офицеры жаловались начальству, что товарищъ этого назвалъ негодяемъ, тому нанесъ ударъ по лицу? А здѣсь — два генерала, Волконскій и Орловъ, у нихъ въ полкахъ, какъ говоритъ Сергій Ивановичъ, отмѣнены палки, солдатское хозяйство отдано самимъ солдатамъ, заведены батальонныя школы, бібліотеки. И все у нихъ тихо, солдаты отъ нихъ безъ ума. Что это значитъ? и почему во главѣ правленія стоитъ ненавистный всѣмъ Аракчеевъ, а не Мордвиновъ и не Сперанскій, которыхъ всѣ такъ любятъ и отъ которыхъ такъ много ждутъ? Боже, смилуйся надъ родиной. Вѣдь я такъ ее сильно, такъ горячо люблю. Ты — высшая правда, наше спасеніе и любовь!» Мишель заснулъ, вспоминая книгу Эккартсгаузена, которую нѣкогда такъ зачитывался: «*Dieu est l'amour le plus pur*».

На другой день, когда часть гостей разъѣхалась и, кромѣ двухъ-трехъ постороннихъ, остались близкіе друзья хозяевъ, Пушкинъ, исполняя желаніе дамъ, прочелъ вслухъ конченнаго весной въ Каменкѣ «Кавказскаго плѣнника» и наброски новой поэмы «Братья разбойники». Восторгъ слушателей, особенно Мишеля, былъ неописанный. «Мнѣ душно здѣсь, я въ тѣсь хочу!» шепталъ Мишель, забывая окружающихъ и мысленно слѣдя за узниками, разбивающими цѣпи. Онъ сильно обрадовался, когда узналъ, что его полковой товарищъ, по просьбѣ хозяевъ, рѣшилъ еще погостить въ Каменкѣ.

Тѣсный кругъ собесѣдниковъ, по вечерамъ, собирался на половинѣ младшаго Давыдова. Разговоръ сталъ еще увле-

кательнѣе, живѣе. Толковали о недавнихъ столичныхъ новостяхъ: объ удаленіи, по доносу Фотія, министра Голицына, о запрещеніи книги преосвященнаго Филарета и «естественнаго права» профессора Куницына, о голодѣ въ смоленской губерніи, откуда пріѣхалъ Якушкинъ, о пророческихъ радѣніяхъ модной сектантки Татариновой и о новыхъ движеніяхъ въ Испаніи и Пьемонтѣ. Кто-то сказалъ, что готовится распоряженіе о закрытіи всѣхъ масонскихъ и другихъ, тайныхъ и явныхъ, благотворительныхъ обществъ въ Россіи. Послѣдняя новость вызвала большіе споры.

Больше другихъ, горячо и съ сердцемъ объ этомъ говорили младшій хозяинъ, Василій Львовичъ, и его товарищъ по петербургскому пансіону аббата Николь, князь Волконскій. Старшій Давыдовъ, Александръ, слушалъ общіе толки нехотя и разсѣянно, то морщась, то снисходительно улыбаясь, курая сигару и лишь изрѣдка, хриплымъ, лѣнивымъ басомъ, вставляя свое слово.

II.

Въ памяти Мишеля особенно вѣзался послѣдній изъ тогдашнихъ вечеровъ въ Каменкѣ.

Мужчины, какъ всегда, пообѣдавъ, собрались покурить въ большомъ, съ мягкой мебелью, кабинетъ Василя Львовича. Орловъ переглянулся съ Волконскимъ и, сказавъ что-то Якушкину, сѣлъ въ общій кругъ, къ столу, поглядывая на Пушкина. Они втроемъ какъ бы о чемъ-то между собою условились.

— Господа,—сказалъ Орловъ, какъ всегда, по-французски:— у меня къ вамъ просьба; мы каждый день толкуемъ, споримъ, и все, кажется, безъ толку. Говорятся умныя вещи, а не сходимся ни въ чемъ, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ правда. Попробуемъ вести разговоръ по-парламентски.

— Это какъ?—спросилъ ничего не подозрѣвавшій младшій Раевскій.

— Выберемъ предсѣдателя... вотъ, кстати, на столѣ и колокольчикъ,—улыбнулся черноглазый и статный красавецъ Орловъ.

— Bravo! — подхватилъ Пушкинъ, садясь съ ногами на диванъ:—будетъ старое вѣче...

— Республики въ Новгородѣ и Псковѣ процвѣтали семь вѣковъ!—не громко, но рѣшительно, проговорилъ Мишель.

— Искорка!—разсмѣялся Пушкинъ:—но кого же въ предсѣдатели?

— Вамъ, Николай Николаевичъ! васъ выбираемъ!—обратился Якушкинъ, очевидно по условію съ другими, къ младшему Раевскому.

— Тебѣ, тебѣ! — крикнулъ Пушкинъ, аплодируя другу.

— Избираемъ, просимъ!—подхватили остальные.

Всѣ тѣснѣе сдвинулись, съ трубками и сигарами, вокругъ большого, укрытаго ковромъ, стола. Тяжело изъ угла, съ своей гаванной, подвинулся въ креслѣ и старшій, какъ всегда, плотно поѣвшій, Давыдовъ.

— О чемъ же пренія?—полушутя и полуважно спросилъ, берясь за колокольчикъ, Раевскій.

— Да вотъ, — началъ Якушкинъ: — чего ни коснешься, рѣчь невольно заходитъ о томъ же незримомъ, безъ видимой должности и власти, человѣкѣ, который, между тѣмъ, теперь вся сила и власть... Вы, разумѣется, понимаете, о комъ говорю?

— Еще бы, — отозвался Василій Львовичъ.

— Протей-министръ, — произнесъ Волконскій.

— Дионисіево ухо, — сказала, поджимая подъ себя ноги, Пушкинъ.

— Онъ лазутчески, подъ личиной скромности, — продолжалъ Якушкинъ: — какъ змѣй, какъ тать вползаетъ всюду, все порочить и хулить, ловко сѣя недовѣріе въ монархію къ лучшимъ силамъ страны.

— Къ нему, въ Грузино, — подхватилъ Василій Давыдовъ: — уже ѣздить не только члены государственнаго совѣта, даже министры...

— А ты, Базиль, хотѣлъ бы, — хрипло прокашлявшись, перебилъ брата старшій Давыдовъ: — чтобъ всѣ ѣздили къ твоему краснобаю, Мордвинову, или къ этой раскаявшейся, семинарской Магдалинѣ, — къ Сперанскому?

— Не перебивать, не перебивать! къ порядку! — услышались голоса.

Раевскій позвонилъ. Александръ Львовичъ, брезгливо пыхтя, опустилъ спину въ кресло, а подбородокъ въ жабо.

— Такъ вотъ господа, — продолжалъ Якушкинъ: — слыша это, всѣ мы, между прочимъ, знаемъ, кто въ настоящее время противится и лучшимъ мыслямъ государя... въ томъ числѣ предположенію о волѣ крестьянъ... Поставимъ вопросъ: возможна ли, желанна ли эта воля?

— Еще бы, — живо отвѣтилъ Волконскій: — дарована сво-

бода, завоеваннымъ, прибалтійскимъ эстамъ и латышамъ... а сильная, древняя Россія...

— Побѣжденные ликуютъ, побѣдители порабощены! — произнесъ съ чувствомъ Орловъ.

— Гоняемся за славой освободителей и повелителей всей Европы, — проговорилъ младшій Давыдовъ:—а дома—военныя поселенія, Татаринава, Фотій и Магницкій.

— Такъ тебѣ, Вася, хотѣлось бы освободить своихъ крѣпостныхъ?—спросилъ Александръ Львовичъ.

— Да, да, и тысячу разъ да!—съ жаромъ и твердо отвѣтилъ младшій братъ.

Александръ Львовичъ грузно повернулся лѣнвымъ, тучнымъ тѣломъ, попробовалъ опять прокашляться и привстать.

— А кто будетъ, Базиль, тебѣ дѣлать фрикандо, супъ а-ла тортю и прочее, — спросилъ онъ:—если дадутъ вольную Митькѣ? и что скажетъ Левъ Самойлычъ?

— Всѣхъ освобожу, и теперь Мигѣ и Самойлычу я плачу жалованье! — отвѣтилъ Василій Львовичъ: — спроси, вонъ, Якушкина; ему графъ Каменскій давалъ четыре тысячи за двухъ крѣпостныхъ музыкантовъ его отца... а Иванъ Дмитриевичъ графу отвѣтилъ выдачей имъ обоимъ вольныхъ.

— Рисуетесь!—брезгливо прохрипѣлъ Александръ Львовичъ, сося полупогасшую сигару:—въ якобинцевъ играете... мода, жалкое подражаніе чужимъ образцамъ.

— Какъ мода? извините!—обратился къ спорщику Волконскій:—это постоянная мысль лучшихъ нашихъ умовъ.

— Гдѣ они? — кисло улыбнулся и зѣвнулъ Александръ Львовичъ.

— Екатерина думала, — отвѣтилъ Волконскій: — графъ Стенбокъ, двадцать лѣтъ назадъ, подавалъ мнѣніе о вольныхъ фермерахъ... Малиновскій совѣтовалъ объявить волю всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, родившихся послѣ изгнанія Наполеона.

— Мордвиновъ предлагалъ планъ, — подхватилъ Орловъ: — чтобы каждый, кто внесъ за себя въ казну извѣстную сумму, по таксѣ, или пойдетъ охотой въ солдаты, былъ свободенъ.

— Опять Мордвиновъ! но вѣдь это все галиматья! — нетерпѣливо проговорилъ Александръ Львовичъ:—quelle idée! воля безъ земли, безъ права на свой уголь, пашню, домъ... вѣдь фермеры...

— Отсталъ, отсталъ! — живо крикнули Давыдову Орловъ,

младшій братъ и Волконскій: — съ землею! рѣшаютъ дать землю!

— Кто рѣшаетъ? — удивленно спросилъ и даже приподнялся Александръ Львовичъ, глядя на собесѣдниковъ.

Тѣ странно замолчали.

— Охъ вы, кроители законовъ и жизни!.. скучно!.. Парти! но вѣдь и Аракчеевъ партиа... потягайся съ нимъ!

— Такъ по-твоему все хорошо? и военныя поселенія? — спросилъ брата младшій Давыдовъ.

— Нѣтъ, этого не хвалю.

— Наконецъ-то! но почему?

— Да какъ тебѣ это сказать? ну, просто нелѣпо и глупо устроено! ну, совсѣмъ глупо! — убѣжденно отвѣтилъ Александръ Львовичъ: — всѣ эти поселяне, во-первыхъ, никуда негодные солдаты, а во-вторыхъ, вѣкъ фронта, постоянно недовольные крестьяне... оттого и бунты...

Проговоривъ это, Александръ Львовичъ, сопя и сердито бурча себѣ подъ носъ, пересѣлъ въ глубь комнаты, на другой диванъ и, какъ бы рѣшивъ болѣе не спорить, закрылъ глаза.

Шли пренія о новомъ предметѣ. Сильно горячился Орловъ. Ему возражалъ Якушкинъ.

— Такъ какъ, по слухамъ, предполагають закрыть масонскія и другія тайныя, благотворительныя общества, — сказалъ Орловъ: — я прошу слова и предлагаю вопросъ: насколько умѣстна и нужна эта мѣра? и можетъ ли самый способный, благомыслящій чиновникъ замѣнить, въ смыслѣ общей пользы, частнаго, свободнаго дѣятеля?

— Парадоксъ! — произнесъ, очевидно условно, Якушкинъ.

— Далекое не парадоксъ, — возразилъ Муравьевъ: — понятія народа грубы; насилія всякаго рода, продажность судей, воровство и грабительство снизу до верху и общая нравственная тьма, развѣ это не возмутительно?

— У насъ, кто смѣлъ — грабить, кто не смѣлъ — крадетъ, — сказалъ Василій Львовичъ.

— Отслужили когда-то честную службу масоны, — произнесъ Волконскій: — но ихъ ученіе перешло въ нѣчто — низшее нашего вѣка, въ мистицизмъ. Волтерьянство предковъ замѣнилось исканіемъ всемірной, слѣдовательно, опять не нашей, не насущной истины. А время не ждетъ.

— Именно такъ, — сказалъ Василій Львовичъ: — намъ надо отплатить низшимъ, страждущимъ слоямъ за все, что мы

черезъ нихъ имѣемъ, за наше богатство, почести, образованіе, за превосходство во всемъ...

— Такъ, такъ! — отозвались голоса.

— Поэтому-то и въ виду нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей—нѣмцевъ,—произнесъ Орловъ: — цѣны усилія и труды высоко-рыцарскаго общества Тугендбундъ, этого борца за права человѣчества, я, господа, предлагаю вопросъ: насколько было бы полезно и у насъ учрежденіе подобнаго... тайнаго общества?

Всѣ на мгновеніе замолчали. Старшій Давыдовъ раскрылъ глаза. Пушкинъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный. Мишель отирала смущенное, раскраснѣвшееся лицо.

— Какія цѣли этого общества?—спросилъ, взглянувъ на Волконскаго, Якушкинъ.

— Благотворительность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ,—отвѣтилъ Орловъ:—ну, просвѣщеніе ближнихъ, облагороженіе службы на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ.

— Разумѣется, такое общество полезно!—сказалъ Васиій Львовичъ.

Его поддержалъ Охотниковъ.

— О, еще бы! и скорѣе, господа!—съ жаромъ отозвался Пушкинъ:—не откладывайте! при избыткѣ силъ, при глухой и ничтожной нашей обстановкѣ... да это будетъ кладъ...

— Патриоты, члены такого общества,—прибавилъ младшій Давыдовъ:—обновятъ заглохшую жизнь, укрѣпятъ, зажгутъ любовь къ родинѣ у всѣхъ...

— Я противъ тайныхъ обществъ, — сказалъ, какъ бы дождавшись своей очереди, Якушкинъ.

— Почему?—удивились нѣкоторые.

— Да очень просто, — продолжалъ Якушкинъ:—буду говорить откровенно... Всѣ тайныя общества у насъ скорѣй будутъ запрещены, а это, по существу своихъ цѣлей, высокихъ и сокровенныхъ, не можетъ быть явнымъ... И потому, вы меня поймете, учреждать такое общество, —значитъ прямо идти подъ грозный отвѣтъ Аракчееву...

— Не боюсь я вашего сатрапа! — запальчиво крикнулъ Пушкинъ:—ученикъ Лагарпа, ставъ императоромъ Европы, не переставалъ быть нашимъ царемъ... Онъ выслушаетъ насъ, пойметъ...

— А если графъ къ нему не допуститъ?—сказалъ, улыбаясь, Орловъ.

— Допустить!—произнесъ Пушкинъ, сверкнувъ глазами.

— Понимаю рѣшимость Курція и Винкельрида!—проговорилъ, охваченный дрожью, Мишель.

— *Enfants perdus*,—досадливо пробасилъ съ дивана Александръ Львовичъ.

— Такъ ты и въ этомъ противъ насъ? говори, противъ?—обратился къ нему младшій братъ.

— Еще бы... все фарсы! пересадка то нѣмцевъ, то Франціи...

— Какая?

— Да эти-то подземные рыцари... все игра въ конституцію, въ партіи... и все для успѣха толпы...

— Но эта толпа—родное общество,—убѣжденно сказала Орловъ:—мы же его ближайшіе, кровные вожди...

— А я не согласенъ,—подзадоривалъ Якушкинъ.

— Пора достроить старое, великое зданіе, — произнесъ Волконскій.

— Рано, князьинька, захотѣли быть на виду, карнизомъ!—возразилъ старшій Давыдовъ:—не только наши стѣны, фундаментъ ползеть по швамъ.

— Стыдно, слушай! Ужине понимаешь?—обратился къ брату Василій Львовичъ:—вѣдь одно спасеніе въ такомъ обществѣ.

— *Vous pérez, cher frère...*

— *Mais en honnête homme... voilà.*

— *Et moi, moi,*—заговорилъ, горячась и сверхъ обычая сильно волнуясь, старшій братъ:—*je vous dis... vous ferez bien du mal à la Russie,*—съ этимъ вашимъ тайнымъ обществомъ!.. вы насъ отодвицете на пятьдесятъ лѣтъ назадъ...

Прошло нѣсколько мгновеній общаго молчанія.

— Такъ какъ же? поставимъ прямо вопросъ: полезно ли учрежденіе такого общества?—спросилъ Орловъ:—рѣшайте!

Стали собирать голоса. Большинство, въ томъ числѣ самъ предсѣдатель, отвѣтили утвердительно.

— Мнѣ же не трудно доказать противное, а именно, что вы всѣ здѣсь шутите,—вдругъ сказалъ Якушкинъ:—и первый намъ это докажетъ нашъ предсѣдатель.

— Какъ такъ?—спросилъ, краснѣя, Раевскій.

— Дѣло просто,—продолжалъ Якушкинъ:—ну, положимъ, мы васъ обманывали... или ибѣтъ, иначе говоря... ну, представьте, что союзъ, или тамъ тайное политическое общество, о которомъ сейчасъ шла рѣчь... уже теперь существуетъ и что вы среди его членовъ...

— Ну, и что же? — спросилъ не совсѣмъ рѣшительно Раевскій.

Пушкинъ, Мишель и другіе впились глазами въ Якушкина.

— Такъ вотъ я къ вамъ, Николай Николаевичъ, обращаюсь, — проговорилъ Раевскому Якушкинъ: — если такое общество существуетъ, вы навѣрное отказались бы вступить въ его члены?

— Напротивъ, изъ первыхъ бы къ нимъ присоединился, — отвѣтилъ Раевскій.

— Ой ли? въ такомъ случаѣ, — торжественно произнесъ Якушкинъ: — знайте, общество существуетъ... вашу руку...

— Вотъ она! — нѣсколько подумавъ, сказалъ Раевскій.

— И моя! — съ жаромъ вскрикнулъ Пушкинъ.

— И моя! — радостно присоединился Мишель.

Волконскій тревожно, изъ-за спины Орлова, дѣлалъ незамѣтные другимъ, знаки Якушкину. Послѣдній опомнился.

— Я пошутилъ, — сказалъ, смѣясь, Якушкинъ: — мы условились съ Орловымъ: неужели можно было принять это за правду? тайнаго общества въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ.

Орловъ, Василій Давыдовъ и Волконскій также смѣялись.

— Ну, и bravo! — проговорилъ весело, поворачиваясь въ креслѣ, Александръ Львовичъ: — а то вы, господа, совсѣмъ-было меня напугали... глупая мода — эти общества! пустая и опасная...

Пушкинъ всталъ.

— Какъ? такъ это и впрямь была только шутка? — вскрикнулъ онъ взволнованнымъ, обрывавшимся голосомъ: — вы издѣвались надъ нами? шутили!

Всѣхъ поразилъ видъ Пушкина. Въ его гнѣвно пылавшихъ глазахъ дрожали слезы. На блѣдномъ лицѣ выступили красныя пятна. Весь онъ былъ взбѣшенъ и раздраженъ.

— Я никогда... о, никогда, — произнесъ онъ съ чувствомъ и сбиваясь на каждомъ словѣ: — въ жизни я ни разу не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь...

Всѣ слушали молча...

— Я вѣрилъ, — продолжалъ Пушкинъ: — говорю среди честныхъ людей... я замѣчалъ, почти былъ убѣжденъ, что тайный союзъ патріотовъ уже учрежденъ, или здѣсь же, среди насъ, получить свое начало... Я видѣлъ высокую цѣль, видѣлъ жизнь мою облагороженною, нужною и полезною для другихъ...

— Александръ Сергѣичъ! Сама! полно, успокойся! — перебилъ его Раевскій:— да твоя слава, жизнь...

— И все это была только шутка! или я не стою такой чести? — вскрикнулъ, дрожа и глотая слезы обиды, Пушкинъ:— идеаль мой разбитъ! спасибо! зло шутите, господа...

Сказавъ это, онъ бросился изъ комнаты, надѣлъ въ передней пубу и шапку и вышелъ въ садъ. Видя его настроеніе, никто изъ друзей не рѣшился его остановить или слѣдовать за нимъ. Сдѣлать-было движеніе Волконскій. Князю было жаль Пушкина, хотѣлось ему что-то сообщить, чѣмъ-то его утѣшить. Но и онъ остановился подъ вліяніемъ тайнаго, грустнаго раздумья и почти священнаго благоговѣнія къ общему, пылкому другу.

Погода, попрежнему, была тихая, съ легкимъ морозомъ. Туманъ поднялся. Звѣздная ночь искрилась на оледенѣлыхъ деревьяхъ и кустахъ, на крышѣ дома и садовыхъ полянахъ. Окрестность молчала. Изрѣдка только снизу, черезъ садъ, доносился шумъ колесъ водяной, на Тясминѣ, мельницы, работавшей на всѣ камни, благодаря недавнему половодью пруда и рѣки.

Пушкинъ шагаль съвозъ кусты, по полянѣ, на шумъ мельницы.

Его ноги легко скользили по хрупкому, снѣжному насту. Не замѣчая бившихъ его вѣтвей и падавшихъ на него ключевъ инея, онъ думалъ горькія и вмѣстѣ отрадныя думы. Въ его мысляхъ носился сѣверъ—шумъ и блескъ имъ оставленнаго столичнаго міра, и его молодые, праздно улетающіе годы. Слезы кипѣли въ его душѣ. Онъ чувствовалъ, какъ онѣ текли по его лицу, и не видѣлъ, что невдали отъ него, по темной, скрытой въ деревьяхъ, дорожкѣ, шелъ другой человекъ.

То былъ Мишель.

Самъ не сознавая, зачѣмъ онъ, безъ шинели и фуражки, также вышелъ изъ сада, Мишель, съ замираніемъ сердца, слѣдилъ дорожную тѣнь и думалъ: «Тайные союзы, общества!.. члены клянутся на шпагахъ, на ядѣ... и все для ближнихъ, для блага страждущаго человѣчества! Боже, какъ это страшно и вмѣстѣ какъ возвышенно! И какъ бы я былъ счастливъ, если бы удостоился этого выбора! Они смѣются... Нѣтъ, всякій обязанъ выполнить долгъ къ родинѣ, къ низшимъ, угнетеннымъ слоямъ, Опасность, гибель!». Но, если я и безъ

того военный, а слѣдовательно, всегда готовый на смерть? И не все ли равно, какая и гдѣ смерть за другихъ? А это... о! подобный подвигъ — выше всѣхъ подвиговъ Наполеона...»

III.

Безумныя мечты Мишеля сбылись.

Черезъ четыре года онъ снова и не разъ навѣстилъ Каменку. Но подъ какими впечатлѣніями? Объ этомъ онъ не могъ думать безъ сладкаго и радостнаго трепета.

Это было въ 1825 году.

Мишель въ то время уже состоялъ членомъ тайнаго «Союза благоденствія», замѣнившаго прежній «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Болѣе того: онъ въ этомъ тогда уже прошелъ всѣ степени — братій, мужей и даже бояръ, имѣющихъ право принятія другихъ членовъ. Его бывший ротный командиръ и покровитель, Сергій Муравьевъ-Апостолъ, получилъ батальонъ черниговскаго полка, въ то время состоялъ предсѣдателемъ одной изъ южныхъ управъ союза, именно Васильковской, гдѣ Мишель также состоялъ чѣмъ-то въ родѣ товарища блюстителя. Предсѣдателями другой управы, собиравшейся въ Каменкѣ, были Василій Давыдовъ и, въ томъ году женившійся на другой сестрѣ Раевскихъ, князь Волконскій. Мишель зналъ теперь, что четыре года назадъ Волконскому, въ Каменкѣ, было поручено принять Пушкина въ члены тайнаго общества. Онъ вспоминалъ, какъ тогда, ничего не подозрѣвая, тотъ сидѣлъ среди вожаковъ союза, и ему было понятно великодушіе Волконскаго, скрывшаго отъ Пушкина роковое порученіе.

Мишель также зналъ, что въ «союзѣ благоденствія», будто бы распущенномъ въ Москвѣ, указанія всему давала Тульчинская или коренная дума. Предсѣдатель этой думы и всего южнаго союза не любилъ нерѣшительныхъ и малодѣятельныхъ. Мишель былъ дѣятеленъ и смѣлъ, но, по молодости лѣтъ, попался въ необдуманныхъ выходкахъ и болтовнѣ, а недавно еще къ тому сильно влюбился.

Случилось это такъ. Въздивши въ Кіевѣ по дѣламъ союза, Мишель на какой-то станціи перемѣнилъ лошадей и, едва миновалъ чей-то лѣсъ, услышалъ въ древесной чащѣ топотъ всадниковъ. На поляну изъ просѣки выскочили, повидимому, догоняя его, двѣ наѣздицы.

— Arrêtez vous, Paul!—кричали онѣ, махая платками:— что за глупости, воротитесь!

Мишель остановился. Въ разсѣявшемся облакѣ пыли ему предстали двѣ незнакомки: одна молоденькая, красивая, въ синей амазонкѣ, блондинка, другая—въ зеленой, постарше, очевидно ея гувернантка. Обѣ, разглядѣвъ остановленнаго, сильно смѣшались.

— Извините,—сказала гувернантка:—обѣ мы очень близоруки; здѣсь почтовая дорога, и мы васъ приняли за только-что уѣхавшаго кузена этой дѣвицы... Не я ли, Зина, тебя предостерегала?

Мишель, вставъ съ телѣги, вѣжливо поклонился.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ онъ.

— Зинаида Львовна Витвицкая,—отвѣтила гувернантка, указывая на сопутницу:—я Элиза Шонъ...

Мишель назвалъ себя.

— Извините и меня, — сказалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ: — какъ любитель верховой ѣзды, не могу утерпѣть... вашъ мундштукъ сильно затянутъ, лошадь деретъ голову, можетъ опрокинуться...

— Ахъ! — расхохоталась Зина, давно насилу сдерживавшая смѣхъ:—вотъ любезно!.. а безъ этого вы, Элизъ,—вы... упали бы!.. ха-ха!

Раскатистый, звонкій смѣхъ дѣвушки увлекъ и гувернантку, и Мишеля. Всѣ засмѣялись. Гувернантка встала съ лошади. Солнце свѣтило весело. Жаворонки рѣяли въ безоблачной синевѣ. Отъ лѣса несло душистою прохладой.

Пока Мишель возился съ мундштукомъ, изъ-за деревъ показался шарабанъ, въ немъ трое мужчинъ и между ними одинъ военный.

— Вотъ вы гдѣ... въ чемъ дѣло?—спросили подъѣхавшіе.

— Мишель, ты какими судьбами?—вскрикнулъ военный.

Въ послѣднемъ Мишель узналъ бывшаго товарища по семеновскому полку, Трепанина. Они дружески обнялись.

— Вотъ и кавалеръ! будетъ кадрилъ, — сказалъ Трепанинъ, представляя Мишеля прочему обществу.

— Отлично, милости просимъ къ намъ!—заговорили мужчины:—отдохнете, повеселитесь...

— Нельзя, спѣшныя дѣла, очень благодаренъ!—твердилъ Мишель.

— Полно тебѣ, — возразилъ Трепанинъ:—такъ давно не

видѣлись — а это у моего дяди... уѣхалъ подѣ арестъ просрочившей мой братъ... нѣтъ кавалера: будь любезенъ... до Ракитнаго рукой подать. И тетушка будетъ такъ рада...

Новыхъ отговорокъ Мишеля не приняли. Онъ отпустилъ почтовыхъ. Его вещи сложили въ шарабанъ. Дамскихъ лошадей взяли на поводъ и все общество направилось въ Ракитное, черезъ лѣсъ, пѣшкомъ.

Въ тотъ же вечеръ Мишель танцевалъ въ домѣ Витвицкихъ, гдѣ было нѣсколько сосѣднихъ барышень. На другой день была прогулка верхомъ и въ экипажахъ, на пасѣку, въ какое-то лѣсистое займище, завтракъ на травѣ подѣ стогами и рыбная ловля въ озерѣ. А вечеромъ опять гремѣлъ домашній оркестръ и снова танцевали. Мишель не отходилъ отъ Зины. Онъ забылъ и неотложныя порученія управы, и поѣздки въ Кіевъ; и весь союзъ. Такъ онъ здѣсь прогостилъ тогда съ недѣлю. Съѣздивъ въ Кіевъ, онъ на обратномъ пути вновь свернулъ въ Ракитное.—«Неужели?—твердилъ онъ себѣ,—и что это значить? ни покоя, ни сна... все Зина, все она и ея свѣтлые, добрые, смѣющіеся глаза!»—Еще черезъ недѣлю Мишель сдѣлалъ предложеніе Витвицкой и сталъ ея женихомъ.

Свадьба была назначена въ январѣ слѣдующаго года. Въ наступающемъ декабрѣ Витвицкіе собирались, съ дочерью, въ Москву,—дѣлать приданое и познакомиться съ матерью жениха. Мишелю, какъ штрафному, бывшему семеновцу, въѣздъ въ столицу былъ воспрещенъ, и онъ все обдумывалъ, какъ бы исхлопотать отпущекъ и побывать въ Москвѣ, вмѣстѣ съ невѣстой.

Въ коренной думѣ коснулись на молодого собрата, слали за него Васильковской управѣ замѣчанія и даже выговоры.—«Это безтолковый, невозможный мальчишка,—говорилъ о немъ вожакъ южныхъ членовъ,—онъ рѣшителенъ до безумія, это правда; но у него голова не въ порядкѣ». Муравьевъ, умѣряя Мишеля, отстаивалъ его, ссылаясь на его искреннее служеніе общему дѣлу, и даже, по поводу его сватовства, указывалъ, что онъ болѣе посвящаетъ времени дѣламъ союза, чѣмъ своей невѣстѣ.

Мишель торжествовалъ: любовь и тайный союзъ!.. Романтическихъ клятвъ на кинжалъ и ядъ въ союзъ онъ уже не засталъ. При вступленіи давалась простая, собственно-ручная росписка. Мишель помнилъ то сильное и страшное

волненіе, которымъ онъ былъ охваченъ при подѣсаніи подобной росписки. И хотя онъ зналъ, что, по уставу прочтенной имъ «зеленой книги», эта его росписка была, вслѣдъ за ея подписью, сожжена, но съ того мгновенія уже не считалъ себя жильцомъ этого міра, а самоотверженнымъ и вѣрнымъ слугою того, скрытаго для остальныхъ и сильнаго человѣка, который тогда руководилъ почти всѣмъ союзомъ. Онъ о немъ не говорилъ даже невѣстѣ, хотя, вздыхая, намекалъ, что жизнь—бурная волна, не всегда щадящая пловцовъ.

Наконецъ, Мишель увидѣлъ и этого вожака, два года назадъ, на съѣздѣ, въ Тульчинѣ, въ имѣніи Мечислава Потоцкаго. Члены съѣзда собрались въ квартирѣ генералъ-интенданта второй арміи, Юшневскаго, и всѣ были какъ бы не по себѣ. Говорили разсѣяннo, вяло, поглядывая то на дверь, то на часы. Мишель, впрочемъ, былъ въ духѣ. Онъ уже не боялся, что его, какъ случалось прежде, не знаютъ, и что о немъ могутъ обидно спросить сосѣда: «*Qu'est ce que c'est que cet homme, qu'on ne voit nul part?*» Онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и хотя казался все еще восторженнымъ мальчикомъ, его уже называли не просто Мишель, а Михаилъ Павловичъ.

Кромѣ предсѣдателя, ждали еще двухъ-трехъ запоздавшихъ товарищей. Въ назначенный часъ дверь отворилась.

Вошелъ невысокаго, даже нѣсколько ниже средняго, роста, плотный и на крѣпкихъ ногахъ, смуглый и съ пріятнымъ, строгимъ лицомъ, темноволосый, коротко-остриженный и черноглазый, тридцатидвухъ-лѣтній человѣкъ. Сдержанный и вмѣстѣ пріветливый на видъ, онъ сразу приковалъ къ себѣ вниманіе.

— Здравствуйте, господа, не опоздалъ? — спросилъ онъ, пожимая руки направо и налево.

Мишель при этомъ голосъ, съ внутреннею дрожью, сказалъ себѣ: это Пестель.

Сынъ бывшаго сибирскаго губернатора, воспитанныкъ лучшихъ дрезденскихъ профессоровъ, потомъ пажескаго корпуса, Пестель въ двѣнадцатомъ году былъ раненъ въ ногу, двадцати лѣтъ уже имѣлъ шпату за храбрость, былъ любимымъ адъютантомъ князя Витгенштейна, затѣмъ служилъ въ мариупольскихъ гусарахъ, во время греческаго возстанія былъ отряженъ для развѣдокъ въ Бессарабію и

оттуда прислалъ государю Александру замѣчательную записку, смыслъ которой выразился въ новыхъ и тогда смѣлыхъ словахъ: «нынѣшняя борьба грековъ противъ ига угнетателей то же, что нѣкогда была борьба русскихъ противъ ига татаръ». Теперь Пестель былъ командиромъ вятскаго пѣхотнаго полка, состояніемъ котораго, на послѣднемъ смогрю, государь былъ такъ доволенъ, что сказалъ: «*Superbe; c'est comme la garde!*» и командиру вятцевъ подарилъ три тысячи душъ крестьянъ.

Пестель вошелъ, съ толстою портфелью подъ мышкой, выслушалъ привѣтствія сочленовъ, сказалъ «къ дѣлу, *mes chers camarades*» и разложилъ бумаги на столѣ.

— Это опытъ кодекса будущихъ законовъ, — произнесъ онъ самоувѣренно и просто: — я позволилъ себѣ назвать это... въ память другой попытки, при Ярославлѣ... Русской Правдой.

И онъ сталъ читать почти конченный трудъ, о которомъ въ союзѣ было столько говору и ожиданій. Введеніе, распредѣленіе страны на области, округи, волости, на русскихъ и подвластныхъ племена, статьи о правахъ гражданства и о свободѣ крестьянъ текли плавно и легко. Мишель слушалъ съ напряженіемъ, хотя вскорѣ былъ нѣсколько утомленъ. — «Однообразное и длинное чтеніе, — подумалъ онъ, — но предметъ первой важности, глубокой, хотя поневолѣ сухой». Онъ не безъ удивленія и съ нѣкоторымъ ужасомъ замѣтилъ, что кое-кто изъ слушателей морщился, какъ бы заглушая зѣвокъ, а иные даже усиленно мигали, стараясь отогнать непрощенную дремоту. «Такое дѣло — дѣлый подвигъ, — мыслилъ Мишель, — а мы относимся такъ легко...»

Чтеніе обширнаго, политико-юридическаго трактата было кончено. Его составитель попросилъ высказаться о своемъ многолѣтнемъ трудѣ, и на два-три замѣчанія, перебивъ другихъ, заговорилъ самъ.

— Я никому въ жизни не желалъ зла, — сказалъ, между прочимъ, Пестель: — ни къ кому не питалъ ненависти и ни съ кѣмъ не былъ жестокъ... Я бы желалъ, чтобы и эти мысли привились мирно къ каждому, чтобы онѣ были приняты добровольно и безъ потрясеній. Вы, добрые товарищи, помогите мнѣ въ томъ...

«И какъ это ясно и просто!» — разсуждалъ Мишель, по-

нивъ то нестрашимое и сильное вліяніе, какимъ Пестель пользовался въ средѣ союза. Умно и дѣльно, по его мнѣнію, говорили относительно прочитаннаго Юшневскій и Муравьевъ, Волконскій, Барятинскій и Басаргинъ. Но даръ слова блюстителя южнаго союза былъ выше всѣхъ. Пестель перешелъ къ обсужденію тогдашняго положенія Россіи.

— Мы не ищемъ потрясеній,—говорилъ тогда Пестель:—наше стремленіе исподволь подготовить, воспитать, своимъ примѣромъ пересоздать общество... Становясь на разные поприща, будемъ лучшими, надежными людьми и вызовемъ къ дѣлу такихъ же другихъ...

Любуясь его голосомъ, смѣлымъ и яснымъ изложеніемъ задушевныхъ мыслей, Мишель невольно тогда вспоминалъ отзывы товарищей о суровомъ, почти отшельническомъ образѣ жизни Пестеля, о его богатой, классической библіотекѣ, о заваленномъ бумагами и книгами рабочемъ столѣ и о его упорномъ непрерывномъ трудѣ. И ему становилось понятно, почему сухой, положительный и степенный Пестель вѣрилъ въ свои, казалось, неосуществимые выводы и мечты, какъ въ строго-доказанную, математическую истину.

— Мы воздухъ, нервы народа!—выразился, между прочимъ, Пестель.

— Свѣточі!—съ жаромъ прибавилъ Юшневскій:—насъ оцѣнить, особенно, Павелъ Ивановичъ, васъ...

Одно поражало Мишеля. Нѣкоторые изъ сочленовъ въ глаза Пестелю говорили одно пріятное, согласное съ его мнѣніями и рѣдко ему противорѣчили, а въ его отсутствіи не только оспаривали его философскіе, казалось, неопровержимые доводы, но говорили о немъ съ нерасположеніемъ, порочили его мѣры и тайкомъ издѣвались надъ нимъ. Отъ него, какъ, на примѣръ, на московскомъ съѣздѣ, даже просто хотѣли избавиться. По слухамъ, и Пушкинъ отзывался о Пестелѣ неладно.—«Не нравится мнѣ этотъ сухой, философскій умъ,—будто бы онъ сказалъ про него,—и я бы съ нимъ не сошелся никогда; умомъ я тоже матеріалистъ, но сердце противъ него...»

Самый проектъ уравниенія крестьянъ съ прочими гражданами, составленный Пестелемъ, многіе изъ членовъ общества, особенно титулованные богачи, находили разорительнымъ для страны и невозможнымъ.

— Такъ быстро! это нелѣпость! по крайней мѣрѣ, десять

или двѣнадцать лѣтъ переходной барщины! — говорили нѣкоторые, забывъ, что по этому предмету повторяли мнѣше динабургскихъ дворянъ, одобрявшееся, по слухамъ, тѣмъ же, ненавистнымъ имъ Аракчеевымъ.

Даже силу вліянія Пестеля на нѣкоторыхъ изъ членовъ союза, въ томъ числѣ на близкаго ему Сергѣя Муравьева-Апостола, въ средѣ союза объясняли постороннею причиною, а именно месмеризмомъ. Какъ многіе тогда, волтерьянецъ и энциклопедистъ, Муравьевъ былъ, по словамъ нѣкоторыхъ, не чуждъ мистическихъ увлеченій. Онъ, между прочимъ, вѣрилъ въ какую-то модную гадалыщицу, близкую кругу Татариновой, которая ему предсказала «высокую будущность». Поклонникъ Канта и Руссо, Пестель въ глубинѣ души былъ также мистикомъ и, несмотря на свой матеріализмъ, не въ шутку считалъ себя одареннымъ силой месмеризма. Онъ допускалъ сродство душъ и ясновидѣніе и, подъ глубокой тайной, въ домашнемъ кругу, занимался магнетизированіемъ двухъ-трехъ изъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ Муравьева. На этихъ усыпленіяхъ, по слухамъ, онъ провѣрялъ важнѣйшія изъ предположенныхъ мѣръ и будто бы узнавалъ чрезвычайныя указанія о будущемъ.

Мишель, наконецъ, услышалъ о своемъ предсѣдателѣ и такое выраженіе одного сочлена: «Нашъ вождь—невозможный самолюбецъ и деспотъ... онъ ищетъ покорныхъ сендовъ, слугъ, а не преданныхъ друзей»...

«Зависть, соперничество,—мыслилъ Мишель, разбирая въ умѣ мнѣнія товарищей,—увы! недоброжелательство вкрадывается и въ нашу возвышенную среду... Чтѣ за причина? Павелъ Ивановичъ первый ясно и твердо опредѣлилъ нашу сокровенную, высокую цѣль и, кажется, неуклонно къ ней ведетъ. Все должно объясниться. Въ Каменкѣ назначены стѣзды южныхъ управъ. Тамъ все узнаю...»

Мишель посѣтилъ Каменку.

Это было въ августѣ 1825 года. Незадолго передъ тѣмъ, навѣстивъ свою невѣсту, Мишель побывалъ въ Кіевѣ и отъ тамошнихъ членовъ узналъ, что ихъ союзъ открылъ существованіе двухъ другихъ тайныхъ обществъ: — «Соединенныхъ славянъ» и «Варшавскаго патріотическаго». Славяне тотчасъ слились съ союзомъ. Польское общество колебалось. Здѣсь были громкія имена: князь Яблонскій, графъ Сол-

тыкъ, писатель Лелевель и членъ другого, виленскаго общества «Филаретовъ» — Мицкевичъ.

Патріоты-поляки, на первыхъ же совѣщаніяхъ съ русскими, основой общаго согласія выставили возвратъ Польскіхъ границъ второго раздѣла, и самую подчиненность польскихъ земель Россіи желали отдать на свободное рѣшеніе своихъ губерній. Въ этихъ переговорахъ участвовалъ и Мишель.

— Никогда! — вскрикнулъ, услышавъ о польскихъ требованіяхъ, Пестель: — Россія должна быть нераздѣльна и сильна.

Мишель также съ этой поры сталъ за нераздѣльность Россіи.

Всѣ знали, что Пестель, изъ-за этого вопроса, недавно ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, долженъ былъ провѣдать о дѣятельности сѣверныхъ членовъ, и что теперь онъ былъ подъ Кіевомъ, на личномъ и окончательномъ свиданіи съ польскимъ уполномоченнымъ, Яблоновскимъ. Въ Каменкѣ нетерпѣливо ждали его съ отчетомъ объ этомъ свиданіи.

— Да не махнулъ ли нашъ президентъ опять на сѣверъ? — сказалъ гостямъ Василій Львовичъ: — а то, пожалуй, заѣхалъ опять на отдыхъ въ свое поэтическое *Mon Bassy*...

Такъ самъ Пестель называлъ въ шутку и въ память «*Méditations poétiques*» Ламартина, — Васильево, небогатую и глухую смоленскую деревушку своей матери, гдѣ старикъ Пестель, нѣкогда грозный и неподкупный генераль-губернаторъ Сибири, проживалъ теперь въ отставкѣ, въ долгахъ, и всѣми забытый. Между членами союза ходила молва, что въ Васильевѣ есть озеро, а на озерѣ укромный, зеленый островокъ, и будто Павелъ Иванычъ, этотъ новый русскій Вашингтонъ, какъ называли тогда Пестеля, навѣщая родителей, любилъ уединяться на этомъ островкѣ, мечтая о будущемъ пересозданіи Россіи, и даже, какъ увѣряли, писалъ французскіе стихи.

— Этакъ онъ своего соперника, Рылѣва, заткнетъ за поясъ! — говорили злые языки.

— Неронъ тоже служилъ музамъ, — прибавляли завистники.

Всѣ эти толки сильно смущали и бѣсили Мишеля, и онъ, съ неописанною радостью, узналъ, что въ «одну изъ субботъ» Пестель, наконецъ, явится на сѣздъ въ Каменку, съ послѣднимъ, рѣшительнымъ словомъ поляковъ.

Пестель пріѣхалъ.

Члены тульчинской, васильковской и каменской управъ были въ сборѣ. Субботнія засѣданія, по обычаю, происходили въ кабинетѣ Василя Львовича Давыдова. Александръ Львовичъ уже нѣсколько недѣль отсутствовалъ по дѣламъ другого имѣнія. Женская часть общества Каменки не подозрѣвала причины этихъ съѣздовъ. Гости Василя Львовича являлись, какъ бы на отдыхъ, въ концѣ недѣли, присутствовали при общемъ чаѣ и ужинѣ, бесѣдовали въ кабинетѣ хозяина или наверху, и на другой день, послѣ завтрака или обѣда, развѣзжались.

Мишель отводили наверху ту комнату, гдѣ, четыре года назадъ, гостилъ Пушкинъ, нынѣ находившійся въ ссылкѣ, въ псковской деревнѣ родителей. Изъ оконъ этой комнаты, обращенной въ тѣнистый, теперь роскошно зеленѣющій садъ, Мишель, въ безсонныя ночи, мечтая о Ракитномъ и о своей невѣстѣ, прислушивался къ шуму мельничныхъ колесъ, на Тясминѣ, но они молчали.

— Что съ вашей мельницей?—спросилъ онъ какъ-то Василя Львовича.

— Старый мельникъ умеръ,—отвѣтилъ тотъ:—колеса и весь ходъ разстроились; теперь ее починяетъ англичанинъ-механикъ.

— Откуда взяли?

— Гревсъ прислалъ изъ Новомиргорода... умѣлый и способный—изъ вольноопредѣляющихся солдатъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ, гуляя по саду, Мишель увидѣлъ этого воина-механика и сперва не обратилъ на него особаго вниманія: солдатъ, какъ солдатъ, вѣжливый, приличный, въ бѣломъ кителѣ, съ унтеръ-офицерскими погонами, и въ бѣлой же, безъ козырька, на-бекрень, фуражкѣ. Встрѣтаясь съ офицеромъ, солдатъ снялъ фуражку и, вытянувшись во-фронтъ, прижался къ дереву, пока тотъ, кивнувъ ему, прошелъ мимо. Въ другой разъ Мишель замѣтилъ этого механика во дворѣ, черезъ который тотъ несъ въ кузницу какую-то желѣзную, мельничную вещь. Теперь онъ его разглядѣлъ лучше. Механикъ былъ, въ полномъ смыслѣ, красавецъ,—англійскаго образца: бѣлолицый, сильный и статный, съ рыжеватымъ отливомъ густыхъ, коротко-остриженныхъ волосъ, въ бакенбардахъ, веснушкахъ, съ нѣсколько длинными передними зубами и вздернутою верхнею губой. Его красивый, мясистый ротъ гордо улыбался, а большіе, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли смело, даже нагло.

Женской части общества Каменки этотъ механикъ, оказавшійся образованнымъ человѣкомъ и даже любящимъ музыку, былъ знакомъ. Онъ починалъ хозяйкамъ замочки къ ридикюлямъ, выпиливалъ тамбурныя иголки и вязальные крючки, склеивалъ дѣтямъ игрушки и вообще оказывалъ разныя услуги, за что бывалъ приглашаемъ на женскую половину къ чаю и кофе.

Мужчины, толкуя въ своихъ совѣщаніяхъ о міровыхъ задачахъ, о пересозданіи человѣчества вообще и родины въ особенности, кромѣ озабоченнаго дѣлами хозяина и случайно Мишеля, даже не подозрѣвали о существованіи этого лица въ Каменкѣ. А между тѣмъ, въ крошечномъ флигелькѣ, скрытомъ подъ тѣнистыми грабами, на заднемъ черномъ дворѣ, переживались, какъ и въ сокровенныхъ бесѣдахъ большого дома Каменки, такія острия, жгучія думы...

Мишель, въ послѣднее время, невольно задумываясь о своемъ положеніи, старался быть съ виду покойнымъ, не мыслить ни о чемъ мрачномъ. Онъ понималъ, какаѣ страшная опасность грозила ему; видѣлъ, что все, чѣмъ отнынѣ его манила жизнь, можетъ неожиданно, какъ и самъ онъ, погибнуть, и отгонялъ эти сужденія. Въ собраніяхъ онъ особенно выдѣлялся, сыпалъ смѣлыми до крайности словами, предлагалъ дерзкія, безумныя мѣры. Его разсѣянно слушали. Всѣ ждали иного, болѣе призваннаго голоса.

У невѣсты Мишеля въ Петербургѣ жила пріятельница, ея бывшая гувернантка, французка Жюстина Гѣбль. Дочь убитаго испанскими гверильясами полковника, Жюстина теперь содержала въ столицѣ швейный магазинъ, и также собиралась выйти замужъ за члена союза, знакомаго Мишелю, кавалергардскаго поручика Анненкова. Пріятельницы дружно и весело переписывались, вовсе не думая ни о чемъ печальномъ, тяжеломъ и грозномъ.

— Какъ зовутъ вашего механика? — спросилъ однажды Мишель Василія Львовича.

— На что вамъ?

— Вещь одна распаялась... онъ сумѣетъ починить.

— Иванъ Ивановичъ Шервудъ.

IV.

Джонъ Шервудъ, или какъ его называли въ Россіи, Иванъ Ивановичъ Шервудъ, былъ сыномъ извѣстнаго англичанина-механика, вызваннаго въ Россію при Павлѣ, для устрой-

ства обширныхъ суконныхъ фабрикъ въ селѣ Старой Купавнѣ, въ богородицкомъ уѣздѣ, близъ Москвы. Управляя купавинскими фабриками, отецъ Шервуда обогатился, нажилъ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и далъ отличное, съ технической практикой, воспитаніе своимъ сыновьямъ. Счастье Шервудамъ измѣнило. Ссора съ властями повела къ возбужденію слѣдствія, потомъ суда. Старикъ Шервудъ потерялъ мѣсто. Его дома были описаны, забракованный суконный товаръ опечатанъ, испортился въ фабричныхъ складахъ и проданъ потомъ за ничто. Шервуды обѣднѣли, впали въ нищету. Старшіе сыновья фабриканта кое-какъ пристроились на чужихъ заводахъ. Младшій — Джонъ сперва работалъ у мелкихъ ремесленниковъ, потомъ попытался поступить въ военную службу, но безъ связей ничего не добился, и, чуть не побираясь милостыней, шатался безъ дѣла по Москвѣ.

Однажды, въ то голодное, тяжелое время, онъ зашелъ къ земляку, московскому шорному торговцу. Къ лавкѣ, шестерней, въ богатой каретѣ, подъѣхалъ пожилой помѣщикъ. Купивъ два женскихъ сѣдла, онъ, при выходѣ, какъ бы что-то вспомнивъ, потеръ лобъ и спросилъ купца: нѣтъ ли, между его земляками, образованнаго и способнаго человѣка, который могъ бы давать его дѣтямъ уроки англійскаго языка? Шервудъ не вытерпѣлъ. Видя, что его землякъ молчитъ, онъ самъ предложилъ незнакомцу свои услуги. Помѣщикъ взглянулъ на купца. Этотъ поддержалъ Шервуда, сказавъ, что молодой человѣкъ, кромѣ природнаго англійскаго и французскаго языковъ, хорошо знаетъ также и нѣмецкій и нѣсколько музыку. Помѣщикъ сдѣлалъ по-англійски нѣсколько вопросовъ молодому человѣку, объявилъ свои условія и далъ визитную карточку. Шервудъ, узнавъ отъ купца, что это былъ извѣстный богачъ Ушаковъ, на другой день простился съ родителями, уложилъ свой убогій чемоданчикъ и, являсь къ Ушакову, уѣхалъ съ нимъ въ его смоленское помѣстье.

Шервудъ впослѣдствіи, и теперь въ Каменкѣ, часто вспоминалъ эту дорогу, пріѣздъ въ большой и роскошный барскій домъ, толпу слугъ и двухъ красивыхъ, взрослыхъ дочерей помѣщика, которыя съ любовью бросились навстрѣчу отцу. Баринъ отрекомендовалъ сиротамъ-дочерямъ и ихъ надзирательницѣ, пожилой экономкѣ-француженкѣ, новаго преподавателя. Дворецкій указалъ Шервуду помѣщеніе недавно уволеннаго французскаго учителя. Уроки англійскаго

языка начались успѣшно. Ретивый наставникъ былъ обворожительно услужливъ. За англійскимъ, начались упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, а по временамъ игра въ четыре руки на фортепяно. Учитель, понавъ въ теплый уголь, на сытый, даже роскошный столъ, обзавелся изъ перваго жалованья приличнымъ, моднымъ платьемъ. Дѣвцы были очень любезны и внимательны, особенно младшая, живая и рѣзвая, почти ребенокъ.

Надзирательница-экономка, страдавшая то нервами, то флюсомъ, болѣе сидѣла въ своей комнатѣ. Ученицы во время уроковъ говорили съ преподавателемъ на языкѣ, непонятномъ для нея и прочей прислуги. Отецъ былъ занятъ хозяйствомъ, выѣздами въ гости и охотой.

Прошелъ годъ. Шервудъ влюбился въ младшую ученицу. Последняя страстно увлеклась красивымъ и угодливымъ наставникомъ.

Деревенская скука и глушь, отсутствіе надзора рано умершей матери и довѣрчивость наемной приставницы сдѣлали свое дѣло. Сперва робкія, письменныя признанія, вздохи, полуслова; потомъ прогулки въ полѣ, встрѣчи въ саду...

«Увлеклись и забылись», — сказалъ себѣ однажды, въ оправданіе, Шервудъ, когда уже было поздно. Что предпринять? Какъ и чѣмъ спастись? Медлить было нельзя. Ни отецъ, ни старшая сестра и никто въ домѣ пока еще не подозрѣвали ничего. «Ужась! Что, если догадаются? — мыслилъ онъ, — ей ли быть за мною, за ничтожнымъ, наемнымъ учителемъ, почти слугою? Никогда... Отецъ не вытерпитъ, не снесетъ позора. Изъ своихъ рукъ убѣжать меня и ее... Пока есть время, надо найти средство, скрыться куда-нибудь, бѣжать»...

Шервудъ обдумалъ рѣшеніе. Бракъ былъ возможенъ только съ ровней. Онъ рѣшилъ поступить въ военную службу, поскорѣе добиться офицерскаго званія и тогда искать руки дѣвушки. Строя радужныя грезы, полныя надеждъ, они простились. Шервудъ сослался на домашнія обстоятельства, сказалъ отцу дѣвушки, что перемѣняетъ родъ занятій, попросилъ у него расчета и уѣхалъ.

Какъ иностранецъ и сынъ разночинца, Шервудъ могъ опредѣлиться въ армію только простымъ рядовымъ. Онъ придумалъ другое средство: поступилъ опять учителемъ къ дѣтямъ извѣстнаго, со связями, генерала Стаала, и заискалъ

его расположеніе. Воспользовавшись поѣздкой генерала по дѣламъ въ Одессу, онъ въ Елисаветградѣ обратился къ нему съ просьбой, помочь ему для поступленія вольноопредѣляющимся въ новомиргородскій уланскій полкъ. Командиръ полка Гревсъ былъ друженъ съ Стаалемъ, и Шервуда вскорѣ приняли, на тогдашнихъ правахъ — двѣнадцати-лѣтней выслуги на офицерскій чинъ.

Двѣнадцать лѣтъ солдатской, жесткой лямки!—да это цѣлая вѣчность для самолюбиваго и избалованнаго въ дѣтствѣ чловѣка, который еще недавно вкушалъ спокойную и такъ хорошо обставленную жизнь иностранца-учителя въ богатыхъ, барскихъ домахъ. Шервудъ подумалъ:

«Ну, для меня будетъ исключеніе; очевидно, примутъ во вниманіе мою недюжинную образованность, знаніе приличій и вѣншіей лоскъ. Двѣнадцать лѣтъ выслуги писаны для другихъ; меня скоро замѣтятъ, оцѣнятъ и отличать».

Но тянулись недѣли, мѣсяцы; прошелъ годъ, другой и третій. Шервуда не замѣчали. Онъ съ трудомъ, въ концѣ долгихъ усилій, добился одного: — изъ фронта, узнавъ его грамотность и хорошій почеркъ, его взяли писаремъ въ канцелярію полкового комитета. Вѣсти изъ смоленской губерніи приходили рѣдко, а вскорѣ и вовсе прекратились. Переписка шла черезъ экономку, которую теперь, очевидно, разсчитали. Изъ Москвы отъ родителей шли нерадостныя извѣстія: та же беспомощность, тѣ же горе и нищета. А тутъ еще строгое и требовательное начальство, вѣчное корпѣніе въ душной комнатѣ, съ перомъ, и ши проблеска лучшихъ надеждъ.

Шервудъ не вынесъ служебныхъ невзгодъ. При всей своей смѣтливости, пронырливомъ и вкрадчивомъ нравѣ, онъ потерялъ обычное спокойствіе духа, сталъ пренебрегать занятiями въ канцеляріи и, наконецъ, безобразно запилъ.

Небритый и нечесанный писарь, съ протертыми локтями и въ дырявыхъ, съ голыми пальцами, санogaхъ, случайно привлекъ къ себѣ вниманіе майора, начальника канцеляріи... Аресть и всякіе штрафы не помогли. Майоръ, узнавъ о происхожденіи писаря, призвалъ его къ себѣ и сталъ усовѣщивать, стыдить.

— Да чтѣ съ тобой?—спросилъ онъ, послѣ долгихъ распеканій, взглядываясь въ заспанное и опухшее лицо писаря: — не знаешь развѣ? и рапортомъ... да ты у меня...

Слезы брызнули изъ глазъ Шервуда. Вытянувшись передъ начальникомъ, онъ судорожно мялъ въ рукахъ фуражку и молчалъ.

— Ты, батенька, отличныхъ способностей, — произнесъ майоръ, желая нѣсколько его ободрить: — шутка ли! знаешь ариметику, языки... ну, разные тамъ ремесла... прежде вель себя прилично, барышней... а теперь! откуда такая блажь?

Губы писаря дрогнули.

— Ваше высокоблагородіе! — проговорилъ онъ: — вы обратили на меня милостивый взоръ...

— Ну, да, да!

— Хотите знать причину... вотъ она...

И Шервудъ безъ утайки рассказалъ майору все свое прошлое, въ томъ числѣ и роковой смоленскій случай.

Майоръ развелъ руками.

— Пять лѣтъ я бился, — заключилъ Шервудъ: — извольте узнать, на смограхъ обходили; что было — издержался, а производства все не видать... Хотѣлъ я и руки на себя наложить, вотъ какъ передъ Богомъ! и дезертировать за границу, въ Грецію, гдѣ люди бьются за свою свободу... Горе сломило, не стерпѣлъ...

Шервудъ говорилъ съ чувствомъ, толково и умно. Майоръ сперва было вспылилъ: «вотъ вы, головорѣзы! а! куда дернулъ! у меня, братецъ, тоже семья, дѣти»... Онъ не щадилъ доводовъ, укорялъ.

— Черезъ головы другихъ затѣялъ, вертунъ, перескочить! — горячился майоръ, пыхтя и расхаживая по комнатѣ: — назначено двѣнадцать лѣтъ, ну, и терпи. Гдѣ твои такія заслуги, правà? Теперь, батенька, не военное время. И родовые дворяне, вонъ, не тебѣ, иностранцу, чета, ждуть, переносятъ! Я самъ, братецъ ты мой, не изъ богатыхъ, сколько тянулъ.

Мысль объ оставленной, страдающей дѣвушкѣ смягчила майора.

— Изволь, помогу, — проговорилъ онъ, наконецъ, подумавъ: — но прежде самъ исправься, приведи себя въ должный видъ. О рюмкѣ болѣе ни-ни...

— Явите божескую милость.

— Попытаюсь, говорю; есть аудиторскія дѣла, кое-что, можетъ, найду и по механикѣ... А пока вотъ тебѣ приглашеніе, — заключилъ майоръ: — приходи каждый день ко мнѣ обѣдать. Отличившись, то ли тебѣ, по способностямъ, ждетъ?

Слова маіора подѣйствовали. Шервудъ остепенился, сталъ исполнять казенныя и неурочныя частныя порученія, обзавелся инструментомъ, ободрился и принялъ прежній, приличный видъ. Ему дали унтеръ-офицерскіе погоны, и онъ ужъ запросто бывалъ у маіора.

Лѣтомъ 1825 года, въ Новомиргородѣ, къ полковнику Гревсу заѣхалъ его пріятель, Александръ Львовичъ Давыдовъ. За обѣдомъ разговорились о хозяйствѣ. У полковника въ это время сидѣлъ и маіоръ. Гревсъ подсмѣивался надъ помѣщичьими доходами. Ъли устрицы.

— Полковые командиры, *sher ami*, хе-хе, не знаютъ неурожаевъ,—скачалъ онъ, попивая шабли:—сравни хоть бы меня... вѣдь я живу, какъ-бы владѣть восемнадцатую тысячами душъ.

— Хорошо тебѣ! — возразилъ Александръ Львовичъ:—у насъ съ братомъ въ Каменкѣ иное... Третье лѣто засуха, недородъ. Была отличная, доходная мельница и та теперъ безъ дѣла.

— Почему?

— Мало у насъ ученыхъ механиковъ; купишь хорошую заграничную машину, испортилась и валяется, хоть брось. Мельницу намъ наладилъ нѣмецкій мастеръ; пока онъ жилъ, не было отбоя отъ помола, на весь околотокъ работала, а умеръ, некому поправить, стоитъ.

Маіоръ вспомнилъ о Шервудѣ. Онъ сказалъ о немъ полковнику.

— Какой это? — спросилъ Гревсъ: — бѣлолицый такой, смѣлые, красивые глаза?

— Онъ самый... отличный, могу сказать, знающій и способный механикъ... у меня по аудиторской, въ канцеляріи... вашу коляску намедни какъ починилъ...

— Ну, да, именно! — съ удовольствіемъ произнесъ полковой командиръ: — возьми его, Александръ Львовичъ; что ему тутъ мотаться... пусть этотъ годдѣмъ заработаетъ у тебя. Пришлю съ нимъ и устриць.

Шервудъ былъ отпущенъ въ Каменку. Тамъ ему дали помѣщеніе во флигелѣ дворцаго, мастерскую, и вскорѣ онъ занялся исправленіемъ мельницы.—«Угожу Давыдовымъ, заслужу и у полковника!—разсуждалъ онъ,—маіоръ поддержитъ; скоро высочайшій смотръ. Авось, вывезетъ судьба».

Въ Каменкѣ смѣтливый и ловкій Шервудъ, ставъ опять на путь частныхъ отношеній и услугъ, ко всему внимательно прислушивался и все замѣчалъ. Возвращаясь съ мельницы на рабочій дворъ, гдѣ стоялъ флигель дворецкаго, онъ толковалъ съ барскими и прїѣзжими слугами: что дѣлають господа и куда ѣздить, кто барскіе гости, богаты ли, знатны ли и гдѣ живутъ? Угождая господамъ, Шервудъ не забывалъ и прислуги: тому оправлять женины серьги, этому лудилъ чайникъ для сбитня, паялъ колечко или починялъ сундучокъ. Пожилъ онъ такъ недѣли три. Вѣкъ оиять сыто, спать вдоволь, въ работѣ на мельницѣ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Скучно бывало подѣ-часъ и не предвидѣлось впереди ничего особеннаго, чѣмъ онъ могъ-бы сразу и неожиданно выбиться изъ тѣсной, обыденной колеи. Лучшее общество было недоступно. Въ барскій домъ хотя изрѣдка его пускали, но какъ рабочаго и съ чернаго крыльца. Сажали его и въ столовой, но особо въ углу, за перегородкой.

Былъ на исходѣ июнь. Шервуду дали починить сѣдло старшей барышни. Онъ выпилилъ новый лѣнчикъ, поправилъ и щегольски, заново отдѣлалъ все сѣдло. Черноглазая, семнадцатилѣтняя красавица Адель, на глазахъ снявшаго фуражку механика, сѣла въ соломенной шляпкѣ съ алыми лентами, на сѣраго, съ кучымъ хвостомъ, скакуна и, въ сопровожденіи стараго берейтора, поскакала за Каменку, въ лѣсъ, на зеленѣющіе холмы. Шервудъ только вздохнулъ, вспоминая улетѣвшіе, былые годы, иную деревню, лѣса и холмы, и иную, теперь также недосыгаемую красавицу. Онъ ушелъ на мельницу блѣдный, едва помнившій себя, и тамъ чуть не плакалъ, грызъ съ бѣшенства ногти и мысленно проклиналъ всѣхъ и все.

Шервуда уже давно поразило одно обстоятельство: онъ сталъ замѣчать, что въ Каменку, гдѣ, за отсутствіемъ старшаго брата, хозяйничалъ Василій Львовичъ Давыдовъ, въ опредѣленные дни, и именно по вечерамъ, каждую субботу, съѣзжались одни и тѣ же гости, почти исключительно военные. Онъ сталъ узнавать отъ прислуги ихъ имена. Тутъ были: генеральнаго штаба поручикъ Лихаревъ, штабъ-докторъ второй арміи Яфимовичъ, подпоручикъ полтавскаго пѣхотнаго полка Бестужевъ-Рюминъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты Ентальцевъ, нынѣ батальонный командиръ черниговскаго полка — подполковникъ Му-

равевъ-Апостоль, оставионой штабсъ-капитанъ гвардіи По-джіо и другіе. Шли толки, что ждуть и другихъ гостей, въ томъ числѣ командира вятскаго пѣхотнаго полка, полковника Пестеля.

— «Что бы это значило?»—началь разсуждать Шервудъ, прислушиваясь къ толкамъ семьи дворецкаго о посѣтителяхъ Каменки:—«въ карты они не играютъ, не кутягъ, не пьютъ... съ дамами видятся только за чаемъ, за ужиномъ, сидятъ въ пристройкѣ Василя Львовича, либо наверху, и на другой день разѣзжаются... Военные! ужъ не затѣвается ли куда походъ? Что-то, по слухамъ, неладно въ Польшѣ и какъ-бы опять на австрійской границѣ... Что, если и впрямь война, походъ? Очевидно, держать въ тайнѣ, готовятся... Узнать бы и заранѣе попроситься въ дѣйствующій отрядъ».

Однажды, въ субботу, Шервудъ послѣ ужина ходилъ по двору. Его мучили сомнѣнія, неизвѣстность. Таинственные бесѣды пріѣзжихъ дразнили его любопытство. Онъ прошелъ въ садъ, миновалъ нѣсколько дорожекъ, возвратился къ калиткѣ и поднялъ голову. Часть верхняго этажа была освѣщена. Одно изъ оконъ было не совсѣмъ прикрыто занавѣской. Ночь была звѣздная, но безъ мѣсяца. Часть неба застилалась облаками.

Шервудъ оглянулся, примѣтилъ вблизи лѣстницу, служившую для закрытія ставень, прислонилъ ее къ стѣнѣ и полѣзъ къ верхнему окну. Онъ уже былъ невдали отъ подоконника, видѣлъ тѣни, колыхавшіяся по рамѣ, и готовился, изъ-подъ занавѣски, разглядѣть, что происходитъ въ комнатѣ. На дворѣ, за калиткой, слышались шаги. Шервудъ быстро спустился на землю.

— «Нѣтъ». — сказалъ онъ себѣ: — «хоть отъ деревьевъ здѣсь и темно, на облой стѣнѣ легко могутъ разглядѣть...» Онъ опять прошелъ въ садъ. Походивъ по ближней полянкѣ, онъ долго приглядывался къ свѣту въ верхнихъ окнахъ. Его руки и ноги дрожали, любопытство было до крайности возбуждено.

Обычная вечерняя возня во дворѣ понемногу затихла. Перестали скрипѣть и хлопать двери въ домѣ, на кухнѣ и въ людскихъ. Прислуга, мало-по-малу, разбрелась по своимъ угламъ. У амбара перестали постукивать въ доску сторожъ. На деревнѣ все также смолкло. Наступила полная тишина.

Шервудъ вышелъ изъ сада, поднялся на переднее крыльцо

и, подождавъ съ минуту, бережно отперъ дверь въ сѣни. Осмотрѣвшись въ полу-тьмѣ, онъ нащупалъ крутую, каменную лѣстницу, подумалъ: «это навѣрхъ... если наткнусь на кого-нибудь, скажу, что по дѣлу къ хозяину!» и, чуть касаясь ступеней, сталъ медленно подниматься. Нѣсколько разъ онъ останавливался, прислушиваясь. Его тревжили скрипъ собственныхъ сапогъ. Въ верхней передней не было никого. — «Прислуга, очевидно, съ расчетомъ услана внизъ!» — мелькнуло въ умѣ Шервуда. Изъ смежной комнаты въ дверную щель передней пробивалась полоска свѣта; изъ-за двери ясно слышались оживленные голоса.

— «Такъ и есть, — подумалъ Шервудъ, — обсужденіе похода... готовится война... Но какъ бы не попасться, по-лучше разслышать?» — Онъ осмотрѣлся, снялъ сапоги, чтобы не скригѣли, взялъ ихъ подъ мышку, подошелъ на цпочкахъ къ заманчивой двери и, замирая, приложилъ къ замочной скважинѣ сперва глазъ, потомъ ухо. Онъ наблюдалъ нѣсколько мгновеній, отрывался отъ двери и опять жадно къ ней припадалъ. Кровь бросилась ему въ голову. Сердце билось такъ сильно, что онъ схватился за грудь и едва устоялъ на ногахъ.

V.

Вокругъ большого, заваленнаго бумагами стола, какъ разглядѣлъ Шервудъ, помѣщались всѣ обычные посѣтители Каменки. Ближе другихъ, у лѣвой стѣны, сидѣлъ хозяинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ. Вправо и бокомъ также у двери располагался пріѣхавшій въ тотъ день, коренастый и строгій лицомъ, полковникъ Пестель. За нимъ, съ перомъ въ рукѣ, надъ бумагой, сидѣлъ, въ свитскомъ мундирѣ, длинноволосый и худощавый, съ выразительными глазами, поручикъ Лихаревъ. Пестель, съ рѣшительно протянутою рукой, что-то кончилъ объяснять. Лихаревъ, взглядывая на говорившаго, наклонялся, быстро записывая.

Шервудъ затянулъ дыханіе и сталъ слушать. Первые слова Пестеля бросили его въ холодъ и жаръ. «Онъ предсѣдатель, отбираетъ голоса... что за диво?» — подумалъ Шервудъ. Пестель кончилъ. Началось общее разсужденіе. Французскій, съ примѣсю русскихъ выраженій, говоръ то затихалъ, то обновлялся съ новою силой. Шервуду становилось понятно и ясно нѣчто совершенно неожиданное, изумительное, повергшее его въ нервную дрожь. До него долетали слова:

«да вѣдь такъ рѣшено»—«въ Польшу отвѣтить отъ имени союза»—«наше общее дѣло»—«Васильковская и Тульчинская управы»—«Мордвиновъ что? аристократъ!»—«Петербургу дать новый совѣтъ! къ чорту Аракчеева!»—«на голоса!»—Говорили рѣчи Поджіо, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ. Лихаревъ записывалъ рѣшенія.

— Цензъ избирателей,—произнесъ Юшневскій:—до пятисотъ фунтовъ серебра, избираемыхъ—до грехъ тысячь фунтовъ... это дико! гдѣ у насъ серебро?

— Крестьянъ освободить съ землей,—кричалъ Яфимовичъ.

— Не всѣ согласятся! безъ земли, съ одними дворами!—возражали Поджіо и Ентальцевъ:—еще назовутъ грабежомъ.

— Къ чорту тупое меньшинство! вѣче! вспомните Новгородъ, Псковъ!—кричалъ, покрывая голоса прочихъ, Мишель.

Сомнѣнія не было. Передъ Шервудомъ происходило заведеніе тайнаго, политическаго общества.

Онъ перевелъ дыханіе, хотѣлъ еще слушать. Но Василій Львовичъ всталъ и, со словами: «итакъ, воля крестьянъ, въ общемъ, рѣшена!» взялся за шнурокъ звонка. Остальные также, отодвигая кресла, встали. Шервудъ отпрянулъ отъ двери и опрометью, чуть помня себя, сбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ снѣгахъ онъ въ ужасѣ прижался къ углу. Мимо его, зѣвая и охая, снизу прошелъ разбуженный звонокъ Емельянъ.

Пропустивъ слугу, Шервудъ дрожащими руками надѣлъ сапоги, еще прислушался, выскользнулъ на крыльцо и стремглавъ бросился въ свой флигель. Не зажигая свѣчи, онъ быстро раздѣлся, легъ въ постель и старался заснуть. Сонъ отъ него бѣжалъ. — «Тайное общество! заговоръ противъ правительства!»—думалъ онъ, задыхаясь. Дрожа и не попадая зубомъ на зубъ, онъ разбиралъ свое невѣроятное открытіе. — «Такъ вотъ что — мыслилъ онъ, — не походъ, не война... вотъ цѣль этихъ собраній... и кто же? высшее офицерство, батальонные, полковые командиры. Недовольны, возмущены; строятъ тайные ковы. А я, затерянный въ этой глуши, безъ ихъ богатства и правъ, всѣми обходимый чужеземецъ... И мнѣ терпѣть еще семь долгихъ, унижительныхъ лѣтъ?..»

Тяжелыя, несбыточныя мысли вертѣлись въ головѣ Шервуда. Онъ неподвижно глядѣлъ съ кровати въ окно. Мухи жужжали и билась въ тѣсной, душной комнаткѣ. А за окномъ стояла тихая, звѣздная ночь. — «Бѣжать отъ этого

ужаса!—вдругъ подумалъ Шервудъ:—убить соблазнительный дерзкій призракъ... А тамъ, вдали? тамъ вѣдь еще надѣются. ждуть... Можно отличиться, возвратить потерянное счастье. Нѣтъ выслуги выше; почести, богатство... но вѣдь это предательство!»

Шервудъ вскочилъ, сталъ оцунью одѣваться. — «Тѣфу, чортъ! да какъ же дрожать руки!—мыслилъ онъ съ отвращеніемъ, — точно укралъ что-нибудь»... — «Кончено, рѣшено!»—сказалъ онъ себѣ, выйдя на воздухъ и безсознательно вновь направляясь въ садъ,—о! подлая ловушка, выдача головой, за гостепрѣмство пріютившаго меня чело-вѣка... И ужели я буду этимъ предателемъ, злодѣемъ, убійцей изъ-за угла?»

Долго Шервудъ бродилъ по темнымъ уступамъ и дорожкамъ сада, подходилъ къ рѣкѣ, ложился въ кусты, на полянахъ. Верхи деревъ освѣтлѣли. Стали видны холмы и ближніи лѣсъ за Тясминомъ. Чирикнула и съ куста на кустъ перелетѣла, разбуженная какимъ-то порохомъ, птичка. Спящій, съ пристройками и крыльцами, бѣлый домъ отчетливѣе вырѣзался среди пирамидальныхъ тополей и развѣсистыхъ, старыхъ липъ.

«Сытые бѣсятся, что имъ! изъ моды, отъ жиру!»—злобно стиснувъ зубы, подумалъ Шервудъ. Онъ даже плюнулъ запершимися губами.—«Чужое вѣдь, не мое»... — прибавилъ онъ, съ блѣдной усмѣшкой, вставая и возвращаясь домой:—«отличія... награды насыщать... это вѣрно, ни колебанія, ни шагу назадъ!»

— Что, ваши ѣдутъ сегодня? — спросилъ онъ чьего-то гучера, ведшаго утромъ къ рѣкѣ лошадей.

— Ѣдемъ, будемъ въ ту субботу.

Въ слѣдующую субботу Шервудъ рѣшилъ получше и толкомъ все сдѣлать, смазать сапоги, выждать, когда все утомонится, вновь пробраться къ заманчивой двери, все терпѣливо выслушать, запомнить и записать въ особую тетрадь.—«Смѣльчаки!—на Аракчеева строятъ подкопы!»—разсуждалъ онъ,—«въ лагерь подъ Лещиномъ собираются все рѣшнить... волю крестьянамъ хотятъ объявить!»

Въ ожиданіи этого дня, чтобъ не дать подозрѣній, Шервудъ притворился разсѣяннымъ, безнечнымъ; никого, какъ прежде, болѣе не разспрашивалъ и въ свободные часы хо-

диль, съ ружьемъ дворецкаго, по окрестностямъ и принесли хозяйкамъ дичь. А чтобы продлить свое пребываніе въ Каменкѣ, онъ даже нарочно нѣсколько испортилъ уже конченныи мельничныи холъ.

Вторая суббота пришла. Шервудъ узнать еще болѣе. Въ свою тетрадь онъ занесъ имена и адреса многихъ членовъ союза, ихъ тайныя намѣренія и цѣли, и даже вскользь кѣмъ-либо сказанныя, необдуманно-смѣлыя слова, въ родѣ ребяческой, безумной похвалы Мишеля, съ гнѣной у рта: «убивать! рѣзать всѣхъ... нечего падить враговъ!»

Собраніе на этотъ разъ окончательно обсуждало вопросъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ, въ томъ числѣ чье-то предложеніе— не откладывать свободы крестьянъ. Шервудъ жадно слушалъ.

— Отдѣльныя, единичныя попытки каждаго изъ насъ не приведуть ни къ чему,—сказалъ чей-то голосъ за дверью:— вонъ, Якушкинъ давно написалъ общую и безусловную вольную своимъ. Онъ даже возилъ ее въ Петербургъ, министру. И что же вышло? Послѣ всякихъ отсрочекъ и мытарствъ, ему удалось добиться свиданія съ Кочубеемъ. Удивленный министръ его выслушалъ и отвѣтилъ: рассмотримъ, обсудимъ. И обсуждаютъ до сихъ поръ, скоро пять лѣтъ...

— Моего предположенія,—произнесъ Пестель:—о подаренныхъ мнѣ деревняхъ я ужъ никуда и не посылаю.

— Да и не для чего!—отозвался Вестужевъ-Рюминъ:—еще сочтуть нарушителемъ общаго спокойствія... вѣдь у насъ какъ!

— И будутъ правы! — сказалъ Поджіо: — строго говоря, какъ члены тайнаго общества, даже для такихъ возвышенныхъ цѣлей, мы все же заговорщики, преступники. Надо говорить правду... Какъ ни перебирай, а всѣ наши работы, подтвержденные даже собственнымъ, доблестнымъ починомъ,—однѣ слабыя попытки непрошеннаго меньшинства... отвлеченныя философскіе тезисы... отмѣна цензуры, шутка ли, сокращеніе воинской службы...

— Что же предпринять?—спросилъ Яфимовичъ:—діагнозъ сдѣланъ, гдѣ лѣкарства? и какъ узнать мнѣніе большинства, если наши стремленія и здѣсь называютъ идеальными, идущими не изъ опыта, а изъ головы?

— Я такъ не говорилъ,—возразилъ Поджіо.

— Нѣтъ, вы это сказали...

— Совѣтуютъ,—произнесъ Пестель:—подать общее прошеніе отъ дворянъ.

— Съ сотнями, тысячами подписей, — вскрикнулъ Мишель: — можно все въ тайнѣ, не узнастъ никто!

— Но не всё подпишутся, — возразилъ Поджіо: — многіе противъ дароваго освобожденія: изъ нашихъ даже — Волконскій, Нарышкинъ, Трубецкой, да и другіе, — Александръ Барятинскій, стояли за выкупъ крестьянъ отъ казны.

— И вѣрно, если хотите, — произнесъ Яфимовичъ: — даже Мордвиновъ, помните, совѣтовалъ платить, смотря по возрасту, отъ пятидесяти до двухъ-сотъ рублей за душу.

— Алтынники! — вскрикнулъ Мишель.

— Но съ ними могутъ согласиться, и рядомъ съ нами прошеніемъ пошлются другія, въ обратномъ смыслѣ. Да и какъ собирать подписи?

— Выбрать смѣлую когорту! — проговорилъ Мишель: — я и другіе возьмемся, въ мѣсяць, въ полгода объѣздимъ полъ-Россіи и привеземъ сто тысячъ подписей.

— Увлечемъ, заставимъ и Аракчеева, — сказали Ентальцевъ: — вѣдь онъ самъ предлагалъ особую комиссію и пять милліоновъ въ годъ дворянству на выкупъ крѣпостныхъ.

— Но онъ стоялъ за двѣ десятины надѣла всякой душѣ, и его мысль отвергли. Онъ противъ общиннаго управленія деревень...

— Къ чорту его! обойдемся и безъ него! — произнесъ кто-то.

— Нѣтъ, нельзя пренебрегать услугами и врага, — возразилъ Давыдовъ.

— Долой враговъ! — крикнулъ Поджіо: — имъ будетъ особый расчетъ.

— Кинжалъ, — произнесъ Мишель.

— Позвольте, — опять вмѣшался Яфимовичъ: — не подготовимъ исподволь общаго мнѣнія. Кочубей введетъ ни то, ни сѣ... полумѣры восемьсотъ пятого года...

— На голоса!

— Что же рѣшать? — спросилъ Пастель.

— Все рѣшать... нечего откладывать!

— Отложить, — сказалъ Ентальцевъ: — надо списаться, узнать.

— А публикація въ газетахъ о продажѣ людей? — проговорилъ Давыдовъ: — вѣдь это Африка, торгъ неграми!

— Отложить, не соберемъ подписей!

— Нечего откладывать, на голоса!

Обсуждались и другія мѣры, диктовались разныя бумаги.

«Какія открытія!»—разсуждалъ Шервудъ, пробираясь, въ эту вторую ночь, обратно во флигель:—«стремится къ образованію простаго народа, къ уменьшенію сроковъ военной службы, къ устройству общиннаго управленія, отмѣнѣ цензуры и къ освобожденію крестьянъ... — Прямо письмо къ государю—сказалъ онъ себѣ:—меня, разумѣется, вызовутъ, и я все объясню... Но спросятъ, гдѣ доказательства? и что, если эти люди отопрутся, спутають, собьютъ? Все ~~идь~~ такіе умники, тузы... Завтра воскресенье — всѣ разѣйдутся. Не ѣхать ли и мнѣ? Осталось только исправить шестерню и испробовать ходъ колеса...»

Шервудъ то рѣшался исполнить задуманное, то падалъ духомъ и отступалъ. Рано утромъ онъ пошелъ на мельницу.

Погода стояла знойная. Пользуясь утренней прохладой, къ рѣкѣ на мельницу пришли купаться каменскіе гости. Степенный говоръ прерывался изрѣдка шутками. Слуга разостлалъ коверъ, положилъ мыло и простыни, поставилъ тазы съ водой и ушелъ. Шервудъ, припиливая стержень шестерни, сидѣлъ въ мельницѣ у окна. Ему было видно, какъ пришли гости, какъ они разсѣлись на коврѣ и по травѣ и стали раздѣваться. Кто-то пріятнымъ голосомъ заплѣлъ французскую пѣсню. — «Марсельеза!» — съ дрожью подумалъ Шервудъ, услыша знакомый по Москвѣ напѣвъ. Онъ слѣдилъ за купающимися. Мишель съ размаха бросился въ рѣку. За нимъ медленно сошелъ къ водѣ плечистый, съ полосой загара вокругъ шеи, Пестель. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ сидѣлъ на обрывѣ берега, шуря противъ солнца усталые, добрые глаза. Его красивое, полное лицо, съ прямымъ носомъ, улыбалось.

— *Tiens, cher ami*,—сказалъ Муравьевъ Пестелю:—какъ загорѣла твоя шея...

— Точно ожерелье!—проговорилъ, плеская себѣ водой на грудь и бока, Поджіо.

— Типунъ вамъ на языкъ, — добродушно усмѣхнулся всегда чопорно-сдержанный Пестель.

«Петля!» — пронеслось въ головѣ Шервуда. Онъ видѣлъ какъ довольный теплой погодой и купаньемъ, Пестель съ удовольствіемъ ступилъ въ воду.

— Странно,—сказалъ Пестель, собиравшись погрузиться въ рѣку съ головой:—я всегда думалъ одно, какъ бы не утонуть... не плаваю... <http://rcin.org.pl>

— Наше не тонетъ и не горитъ—произнесъ Поджіо, оттолкнувшись отъ берега и плывя на спинѣ:—мужество и стойкость, не правда ли, нашъ девизъ?..

— А слышали о новомъ женскомъ подвижѣ! — отозвался Лихаревъ, покачиваясь на мельничномъ плюзѣ и оттуда собираясь внизъ головой броситься въ рѣку.

— Нѣтъ, не слышали.

— Дѣвица Куракина, увлекшись въ Москвѣ католицизмомъ, въ доказательство преданности къ новой вѣрѣ, сожгла себѣ палець въ каминѣ...

— Мишель, это по твоей части! любовь... женихъ! — крикнулъ, ныряя, веселый Поджіо. Всѣ засмѣялись.

— Какъ это у Шеридана о женищинахъ?—спросилъ Муравьевъ Давыдовъ:—твой отецъ перевелъ его «Облака»...

— И... «Школу злословія»,—тонко прибавилъ, въ защиту друга, Муравьевъ.

«Шутите, шутите!» думалъ у окна мельницы Шервудъ.

Къ рѣкѣ, въ это время, подошелъ только-что подѣхавшій изъ другого имѣнія старшій Давыдовъ.

— Вотъ они, республиканцы! здравствуйте!—сказалъ онъ, дружески кланяясь и присаживаясь на берегу.

Часть купающихся уже одѣвалась.

— Чтò новаго?—спросилъ Поджіо.

— Это у васъ спрашивать, вы перестроители судебъ.

— Какое! мы военные!

— Хороши войны... ну, да не вмѣшиваюсь,—пробурчалъ Александръ Львовичъ:—а не умолчу, побьютъ васъ за проекты ваши же Фильки да Ваньки.

— Чтò же, однако, новаго? — спросилъ брата младшій Давыдовъ:—ты писалъ, что думаешь быть въ Кіевѣ?

— Ну, былъ... скука, жара и отвратительно кормятъ.

— Не по кулинарной части... былъ же у кого-нибудь?

— А вотъ чтò,—вспомнилъ Александръ Львовичъ:—это касается васъ: ожидаемые смотры на югѣ отмѣнены.

— Почему? какая причина?—заговорили слушатели.

— Государыня нездорова; ей предписано ѣхать въ Таганрогъ. Государь располагаетъ ее провозжать.

— А правда ли,—спросилъ Мишель:—что столицу, изъ-за прошлогодняго наводненія въ Петербургѣ, думаютъ обратно перенести въ Москву?

— Давно бы пора,—замѣтилъ Лихаревъ.

— И это говорите вы? — обратился къ нему Александръ Тьвовичъ: — да Москва глушь, спячка, орда! ни дышать, ни ѣсть, ни жить... Охъ, вы, простите, Сень-Жюсты, да Демулени. — крехтя прибавилъ онъ, вставая и идя за первыми одѣвни-мися: — вы дѣти, не практики... Ну, хоть бы эти толки объ *émancipation*... все это, говорю откровенно, вздоръ! Вы подзадориваете изъ моды другъ друга и преждевременными задираниями только мѣшаете жить остальнымъ. Служи я, да поставь меня начальство съ полкомъ противъ васъ, я бы вамъ показалъ...

Часть купающихся ушла. Шервудъ опять услышалъ голоса. У шлюза замедлились Пестель и Муравьевъ.

— Да! я все думаю, — сказалъ Пестель: — такая разногосица... ужъ не открыть ли всего государю?.. Право, онъ одинъ въ силѣ... Ему бы все наше передать...

«Такъ вотъ чтò!» — сказалъ съ дрожью себѣ Шервудъ, — «нѣтъ, опоздали... Я васъ предупрежу!»

Купанье кончилось. Рѣка опустѣла. «Завтра сдамъ работу и уѣду!» рѣшилъ Шервудъ.

Онъ обѣдалъ въ тотъ день въ своемъ флигелѣ, медленно дождавъ ломоть бараньей грудинки, принесенной изъ кухни дворецкаго, когда къ нему вошелъ офицеръ. То былъ Мишель.

— Извините, — сказалъ вошедшій: — вы опытный механикъ: не можете ли починить это?

Онъ подаль Шервуду золотой, тѣльный крестикъ.

— У насъ, видите ли, въ штабѣ нѣтъ мастеровъ... жалкое мѣстечко... а это для меня дорого, отпаялось ушко.

Шервудъ отеръ влажными, жирными губы и поднялъ глаза на офицера.

— Крестъ, — проговорилъ онъ, въ раздумьѣ поворачивая поданную вещь.

— Да, память, благословеніе... моей татаи, — несмѣло пояснилъ офицеръ.

— Помилуйте, ваше благородіе, — злобно нахмурился Шервудъ: — развѣ я золотыхъ дѣлъ мастеръ? у меня ни приная, ни инструментовъ для того...

— Но вы Самойлычу исправляли кольцо, мамзель Адель серьги.

— У васъ... матушка? — спросилъ Шервудъ.

— Да... и я ее такъ люблю, — съ счастливой улыбкой и искренно произнесъ Мишель.

Шервудъ задумался. Въ его мысляхъ мелькнуло его открытіе и все, что онъ такъ ловко подслушалъ и записалъ, въ томъ числѣ и объ этомъ юношѣ, смѣло поджимавшемъ палецъ за пальцемъ, при счетѣ намѣчаемыхъ жертвъ. Ему вспомнилось и утреннее купанье у мельницы, статныя, спокойныя и красивыя тѣла, марсельеза и шутка о загорѣлой шеѣ. Онъ безсознательно продолжалъ разсматривать крестикъ. Что ожидало стоявшаго передъ нимъ юношу и всѣхъ этихъ, повидимому, безпечныхъ и смѣлыхъ, сильныхъ духомъ и вѣрившихъ въ свою звѣзду? — «У него мать — подумалъ Шервудъ,— а у меня невѣста... да и онъ, кажется, женихъ... отъ одного шага, слова...»

Злобный огонь сверкнулъ въ глазахъ Шервуда.

— Извините, ваше благородіе, — сказалъ онъ нехотя, какъ бы еще пережевывая недоѣденный, вкусный кусокъ: — я не ювелиръ, но для васъ, какъ могу, смастерю... принесу вечеромъ...

— О, я вамъ буду очень благодаренъ! — сказалъ Мишель: — вы истинный джентльменъ... по-русски, это гражданинъ... вашу руку, гражданинъ Шервудъ.

И онъ горячо пожалъ мозолистую руку Шервуда, счастливый всѣмъ, и утреннимъ купаньемъ, и тѣмъ, какъ онъ смѣло «по-робеспьеровски» говорилъ въ ту ночь на засѣданіи, до того смѣло, что Поджіо ему сказалъ: вы — Марать! — и тѣмъ, наконецъ, что онъ скоро будетъ въ Ракитномъ, гдѣ жила его невѣста, Зина, и гдѣ въ концѣ августа, въ день рожденія ея матери, былъ назначенъ балъ, съ охотой на волковъ и дикихъ козъ.

Гости изъ Каменки вечеромъ развѣхались. Утромъ слѣдующаго дня уѣхалъ и Шервудъ, щедро награжденный за исправленіе мельницы.

Полковникъ Гревсъ, получа благодарность Давыдова за Шервуда, далъ послѣдному порученіе къ своему брату, въ Вознесенскъ, откуда ловкій на всѣ руки техникъ былъ приглашенъ, для осмотра овечьихъ заводовъ и стадъ, къ сосѣднему помѣщику, Булгари. Шервудъ взглянулъ въ свой списокъ: Булгарнъ былъ туда занесенъ въ числѣ членовъ союза.

Изъ Вознесенска Шервуду, въ концѣ іюля, было предложено съѣздить по дѣлу въ харьковскую губернію, въ ахтырское помѣстье родныхъ жены Гревса. Въ Ахтыркѣ онъ, по

порученію Булгари, отыскалъ офицера Вадковскаго. Взглянувъ въ свой списокъ, онъ убѣдился, что и Вадковскій также былъ членомъ тайнаго общества. Онъ его нашелъ у кого-то на крестинахъ.

Булгари, въ свиданіяхъ съ Шервудомъ, не проговорился ни въ чемъ. Намѣки на Каменку, на общее дѣло и на общихъ будто бы товарищей, даже заставили осторожнаго Булгари, въ письмѣ къ Вадковскому, черезъ Шервуда, прибавить оговорку: «Берегись этого человѣка,—подозрителенъ; выдаетъ себя за нашего члена, но гдѣмъ и гдѣ принять, не знаю». Шервудъ въ дорогѣ вскрылъ это письмо, прочелъ его и опять ловко подпечаталъ.

Подвижной и нервный, какъ женщина, Федоръ Федоровичъ Вадковскій воспитывался въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, служилъ въ кавалергардахъ и теперь былъ посланъ, за какую-то вольную пѣсню, въ нѣжинскій полкъ, стоявшій въ Ахтыркѣ. Прочтя письмо, привезенное Шервудомъ, онъ сдѣлалъ доставителю нѣсколько быстрыхъ, веселыхъ вопросовъ, предложилъ запросто позавтракать къ себѣ и, разговорившись за угощеніемъ, улыбнулся.

«Экіе трусы!—подумалъ онъ,—своей тѣни боятся... А это такой милый, дѣльный человѣкъ...»

— Оставимъ другъ друга обманывать, — сказалъ онъ вдругъ, протянувъ гостю отъ всего сердца руку:—вижу, мы союзники. Будемъ братьями общаго дѣла.

Вадковскій и Шервудъ чокнулись рюмками.

— Что новаго въ Каменкѣ?—спросилъ Вадковскій:—что предпринимають дорогіе товарищи и нашъ новый, смѣлый Вашингтонъ?

— Вашингтонъ?—проговорилъ гость:—ошибаетесь. Пестель мѣтитъ въ Кромвели, въ Наполеоны.

— Ой ли?

Гость засыпалъ анекдотами. Чего онъ только по этой части не зналъ, а еще болѣе не придумалъ. Чувствительный, смѣшливый и простодушный Вадковскій, встрѣтивъ, въ богомольной и скучной, ахтырской глуши, собрата по общему дѣлу, былъ виѣ себя отъ радости. Выпили шампанскаго. Говорили долго, нѣсколько часовъ, и еще выпили. Съ анекдотовъ перешли къ важной сторонѣ дѣла. Перебирали послѣднія тревожныя вѣсти, общее недовольство, слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ худшему.

— И все Аракчеевъ! все онъ! — твердилъ, охмелѣвъ, въ искреннемъ негодованіи, быстроглазый, меловидный и съ чернымъ, распомаженнымъ и завитымъ въ комечко хохолкомъ, Вадковскій.

— И нѣтъ кары на этого злого, жаднаго и ядовитаго паука! — поддакнулъ, съ англійскимъ ругательствомъ, Шервудъ.

— Найдется и скоро! — многозначительно качивувъ головой, протворилъ Вадковскій: — здѣсь въ Ахтыркѣ, скажу вамъ, намъ не сочувствуютъ; все спитъ и даже враждебно смотреть на насъ... но мы имъ предшлшемъ, ихъ вразумимъ!

Еще перекинулись словами.

— Я вижу, дорогой товарищъ, — сказалъ, пошатываясь, Вадковскій: — вы не знаете всѣхъ нашихъ членовъ... я васъ удивлю... таковъ мой нравъ... Я васъ принимаю въ бояре, и, въ знакъ моего къ вамъ довѣрія, извольте... готовъ вамъ сообщить даже списокъ всего нашего союза...

— Очень благодаренъ... позволите списать? я возвращу его черезъ часъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ Вадковскій, окончательно забывъ предостереженіе Булгари: — долго ли пробудете въ Ахтыркѣ?

— Надо покончить порученное дѣло; ѣду сегодня.

Списокъ былъ въ тотъ же день возвращенъ Вадковскому.

На обратномъ пути въ поляхъ, Шервудъ остановился ночевать въ Богодуховѣ, заперся на постояломъ дворѣ и сталъ что-то писать. Онъ писалъ всю ночь, разрывая въ клочки бумагу, ходя по комнатамъ и опять садясь къ столу. На другой день отсюда отходила почта въ Харьковъ и далѣе на сѣверъ. Шервудъ утромъ написанное запечаталъ въ большой, форменный пакетъ, сунулъ его на грудь подъ мундиръ, застегнулся, сжегъ черновые наброски и пошелъ на почту.

Это было въ половинѣ августа.

День стоялъ сухой, съ знойнымъ вѣтромъ. Пыль носилась клубами по улицамъ бѣднаго, соломой крытаго, городка, разбросаннаго по песчанымъ болотамъ и буграмъ. Истомленный тряской на перекладной и безсонной ночью, проголодавшійся и мучимый сомнѣніями, Шервудъ сумрачно шагалъ вдоль пустынныхъ заборовъ. Усталыя ноги, въ побурѣвшихъ, жавшихъ сапогахъ, вязли въ песокъ. Улицы были пусты. Свины хрюкали на приранныхъ лужъ, пересѣ-

жавшихъ дворы и улицы. Полунагіе и грязные ребятишки валялись подь воротами, швыряя въ прохожаго комками навоза. Шервудъ остановился, прикрикнулъ, даже погнался-было за оборваннымъ шершавымъ мальчуганомъ. У кабака онъ встрѣтилъ пьянаго, сѣдого мѣщанина, шедшаго подь руку съ пьяною бабой и оравшаго пѣсно на всю улицу. — «И этимъ гражданамъ они затѣяли свободу, права!» — трясаясь отъ злости, подумалъ Шервудъ, отирая потное лицо. Онъ добрелъ до почтовой конторы, у которой уже стояла телѣга, запряженная тройкой исхудалыхъ клячь. Толстый и заспанный почтмейстеръ принялъ поданный ему пакетъ. Прочтя на немъ надписъ, онъ удивленно поднялъ глаза на Шервуда.

— Это ваше? — спросилъ онъ, вертя въ рукахъ пакетъ.

— Такъ точно... прошеніе о пособіи, заболѣлъ дорогою...

Почтмейстеръ вынулъ табакерку, опять взглянулъ на подателя, понюхалъ табаку, со вздохомъ приложилъ къ пакету печать и бросилъ его въ почтовую сумку.

Шервудъ вышелъ и сталъ на соседнемъ перекресткѣ. Изъ-за забора онъ видѣлъ, какъ вынесли сумку, какъ подтянутый ремнемъ почтальонъ сѣлъ, и тройка помчалась, поднимая клубы пыли. За спинку телѣги ухватился и повисъ, въ изорванной рубашонкѣ, мальчикъ; на толчкѣ его бросило лицомъ въ грязь. «Не удержишь! по дѣломъ!» — усмѣхнулся искривленною улыбкою Шервудъ: — тѣ также думали остановить то грозное и имъ ненавистное чудовище».

На пакетѣ была надписъ: «Новгородской губерніи, въ село Грузино, графу Алексѣю Андреевичу Аракчеву, въ собственныя руки».

Вадковскій, по отъѣздѣ Шервуда, опомнился, что погорячился и былъ черезчуръ откровененъ съ гостемъ. Онъ старался оправдаться въ собственныхъ мысляхъ: одиночество, скука, завтраки съ возліяніями... — «Экіе мы ребята, право!.. понравился и я принялъ его въ общество, — разсуждалъ онъ: — меня увлекъ его характеръ, вообще англійскій, — непоколебимый и полный чести (*imbu d'honneur*, — досказалъ онъ себѣ по-французски). Онъ съ виду холоденъ, но исполненъ горячей преданности и способенъ оказать важныя услуги нашему семейству. Если я преступилъ свои права, пусть ихъ отнимутъ у меня, такъ имъ и напишу, но пусть ихъ отдадутъ, для цѣльзы дѣла, Шервуду».

Въ то время, когда изъ Богодухова было послано письмо Шервуда Аракчееву, Пестель съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ возвращался съ послѣдняго, въ то лѣто, съѣзда изъ Каменки. Оба они были скучны. Легкая вѣнская коляска Пестеля мягко катилась по зеленымъ полямъ. Сытая четверня полковыхъ саврасокъ бѣжала бодро. Бубенчики приятно позванивали.

— Какъ твои стихи? — задумчиво спросилъ товарища Пестель: — ну тѣ, что ты, помнишь, написалъ въ Каменкѣ? Скажи еще разъ; я такъ ихъ люблю...

Неразговорчивый и робкій, нѣжный нравомъ, Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ помедлилъ, слегка покраснѣлъ и негромко, съ чувствомъ прочелъ желаемое шестистишіе:

«Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'ait connu
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu...»

— Превосходно и вѣрно! — сказалъ Пестель: — это напоминаетъ Ламартина... Ты въ душѣ поэтъ... Вѣрно выразился... всѣ мы одинокіе, неизвѣстные міру мечтатели, и только потомство намъ произнесетъ вѣрный судъ...

Путники нѣкоторое время проѣхали молча. Солнце клонилось къ закату. Душистая, вечерняя мгла понемногу застилала желтѣющія украинскія степи. Безчисленные кузнечики стрекотали въ травѣ, заглушая бубенчики лошадей.

Пестель сообщилъ, что, въ бытность въ Петербургѣ, онъ навѣстилъ сочлена по союзу, Анненкова, который собирается жениться на красавицѣ Жюстицѣ.

— Ты не повѣришь, какъ счастливы эти голубки! — сказалъ Пестель: — глядя на нихъ, я мыслилъ, — когда же кончатся наши бури?

Муравьевъ, слушая товарища, задумался о сватовствѣ Мишеля. Его сердце невольно сжималось при мысли: «угадываетъ ли возлюбленная этого горячаго и безразсудно-смѣлаго мальчика, принятаго имъ въ члены и, наконецъ, въ бояре, какая судьба можетъ его ждать и ему грозить?»

— Знаешь ли, я думаю, — вдругъ сказалъ, какъ всегда, по-французски, Пестель: — пожалуй, хорошо, что рѣшили оставить эти безумныя попытки въ лагеряхъ, подъ Бѣлой-

Церковью и Бобруйскомъ... Эти военныя заявленія... преторіанство! Охъ, не нравится все это мнѣ... какъ бы не напортили нетерпѣливые, особенно въ Петербургѣ...

Муравьевъ съ удивленіемъ взглянулъ на спутника.

— Слушай, — продолжалъ болѣе оживленно Пестель, высовываясь изъ коляски и какъ бы ища свѣжаго воздуха, простора:—я страстно любилъ и люблю отечество и всегда горячо желалъ ему счастья. Если бы мирно удались наши предположенія, если бы мирно... о! клянусь, я хоть не православный, удалился бы въ Кіевскую лавру и кончилъ бы жизнь, съ благодарностью Богу, монахомъ. Меня подозрѣваютъ въ честолюбивыхъ, суровыхъ замыслахъ. Говорятъ, что я противъ демократа Сперанскаго и за олигарха Мордвинова! Партіи!.. Дайте намъ только свободу мнѣній и рѣчи, — не будетъ ни Аракчеева, ни другихъ своекорыстныхъ, темныхъ силъ, — будетъ одна неподкупная и всѣмъ ясная истина. Ты, мой другъ, лучше другихъ знаешь, что во всѣхъ моихъ увлеченіяхъ и, подчасъ, не въ мѣру горячихъ словахъ, всему виной наша горькая, тяжкая доля. Клянусь, мое сердце не участвовало въ томъ, что порою творила голова.

Муравьевъ горячо пожалъ руку товарища.

— Я всегда былъ противъ твоихъ враговъ, — сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы:—ты не изъ тѣхъ слабосердыхъ, оставившихъ насъ, что, между тѣмъ, предлагали устройство тайныхъ типографій и выпускъ фальшивыхъ денегъ. Ты всегда ясно опредѣлялъ цѣль и шелъ къ ней прямо.

— Отъ меня, какъ слышу,—произнесъ Пестель:—нѣкоторые наши хотѣли избавиться... знаешь ли? тебѣ одному откроюсь, какъ другу... Я давно уже колеблюсь... и тебѣ о томъ намекалъ... Наши силы—обоюдоострый мечъ. Выскочатъ, прорвутся нетерпѣливые, и наши мирныя цѣли погибли... Во мнѣ зрѣтъ иное, высшее убѣжденіе... Правъ Николай Тургеневъ. Онъ пишетъ мнѣ: — ничто всѣ наши усилія передъ вопросомъ освобожденія крестьянъ; съ него надо начать, въ немъ спасеніе...

— Въ чемъ же ты колеблешься! — спросилъ Муравьевъ, удивленный необычайною откровенностью и волненіемъ товарища.

— Не поѣхать ли прямо къ государю? — проговорилъ п

замолчалъ Пестель: — не сознаться ли ему во всемъ, объявивъ, что мы покидаемъ свои замыслы и отдаемъ наши труды и цѣли на его судъ? Кто сильнѣе его? Онъ одинъ въ силахъ, никто болѣе его... А его умъ и доброта... Ты не вѣришь, думаешь, что я боюсь измѣны, гибели? Смерть приму съ радостью, съ наслажденіемъ. Меня пугаетъ иное: не дерзко ли, выходя изъ прямыхъ, положительныхъ правъ, такъ искушать Провидѣніе?

Муравьевъ не отвѣчалъ. Слова предсѣдателя союза подавили его, потрясли.

— Надо подумать, — сказалъ онъ: — часъ добрый! вопросъ очень важный... Только, ты слышалъ, государь ѣдетъ въ Таганрогъ и смотровъ не приметъ. Гдѣ его увидишь?

— Не удадутся наши стремленія, — насъ обвинить, предасть и проклянуть тотъ же общественный судъ, будутъ возмездія — скажутъ, вы отбросили общество въ глубь, во времена Авны, а то и далѣе... Отпиршусь въ Таганрогъ, поѣду туда и все передамъ государю; онъ спасетъ наши труды.

Коляска мчалась также плавно. Трещали кузнечики, гремѣли бубенцы. Вечеръ надвигался на темнѣвшія окрестности. На одномъ поворотѣ выглянула и опять скрылась Каменка.

Отвѣтъ Аракчеева послѣдовалъ скорѣ. Въ Богодуховъ прискакалъ фельдъегерь, нашелъ въ указанномъ мѣстѣ Шервуда и въ нѣсколько дней домчалъ его въ Грузино.

(1881 г.).

II.

ШЕРВУДЪ У АРАКЧЕЕВА.

Донось Шервуда объ открытіи тайнаго Союза благоденствія — будущихъ декабристовъ — сильно взволновалъ графа Аракчеева.

Посланный за доносчикомъ фельдъегерскій поручикъ Лангъ, безъ отдыха, на курьерскихъ, домчалъ его изъ Богодухова въ Грузино на третій день.

Аракчевъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ окна, ожидая смѣльчака — уланскаго унтеръ-офицера, написавшаго графу, что имъ открытъ и выслѣженъ важный и несомнѣнный противъ правительства заговоръ.

Молчаливый и пившій всю дорогу, огромнаго роста, мрач-

ный, съ деревяннымъ, бѣлобрысымъ лицомъ, фельдъегерь, завидѣвъ Грузино, оживился. Толкнувъ локтемъ Шервуда, онъ къ нему нагнулся и что-то ему сказалъ вполголоса.

— Не слышу,—сердито отозвался Шервудъ.

— Шкапчикъ-капканчикъ, шкатулочка съ секретомъ,— проговорилъ еще тише Лангъ, указывая съ холма на открывшіеся верхи графской усадьбы.

— Какой шкапчикъ?.. что врете?

— Поселенскій Моголь, — продолжалъ поручикъ, самодовольно ослабляя курносое, въ веснушкахъ, лицо: — силаща! готовься, братецъ, пропишетъ...

— Дуракъ! — презрительно фыркнулъ Шервудъ, нестѣснявшійся съ пьянымъ, нечистымъ на руку, провожатымъ: — выпытывасть!.. самъ берегись...

Фельдъегерь крикнулъ, подтянулся и сталъ глядѣть вдаль.

Тройка мчалась широкою, лѣсною просѣкой. Прогремѣлъ длинный, высокій мостъ. Далеко раскидывались луга, за ними — рѣка Волховъ. Длиннымъ, правильнымъ фронтомъ потянулись конченныя и начатыя разнообразныя постройки.

Вездѣ копошились землекопы, каменщики, кровельщики; стучали топоры. Всюду были замѣтны непомѣрный порядокъ и чистота. Надъ каждымъ зданіемъ, надъ казармой, амбаромъ, даже ничтожнымъ хлѣвушкомъ, красовались надписи и нумера. Все лоснилось новою, въ большинствѣ желтою, либо сѣрою краскою. Березы и липы вдоль дороги были подстрижены; онѣ, какъ и строенія, стояли также на вытяжку, въ ранжиръ.

Завидѣвъ дворъ и церковь, фельдъегерь опять нагнулся къ Шервуду. Онъ ему указалъ на небольшой флигель, обокъ съ главнымъ домомъ.

— Графская душенька, Настасья Федоровна, — проговорилъ онъ: — прими къ свѣдѣнію, если обратитъ око, съ дороги-то... какія наливки, пироги... Баба здоровенная, всему командиръ.

«Экая дрянь, болтунъ! — подумалъ Шервудъ, нервно содрогаясь отъ нечеловѣческой усталости и всякихъ дорожныхъ дразгъ: — проклятая деревяшка! когда разговорился... мелеть вздоръ...»

Было раннее утро. На улицѣ, кое-гдѣ, на звонъ колокольчика и громъ телеги, выглядывали сонныя, испуганныя лица. За рѣшеткой, по двору шагаль обходный рундъ. У главнаго подъѣзда шла смѣна часовыхъ.

Телѣга подскочила къ крыльцу, на фронтонѣ котораго красовалась бронзовая надпись: «Безъ лести преданъ».

— Прощай, Иванъ Ивановичъ, не поминай лихомъ,—сказала дружески-тепло фельдъегерь, ссаживая Шервуда и подавая ему чемоданчикъ его и шинель.

Онъ ввелъ привезеннаго въ домъ и сдалъ дежурному адъютанту. Въ ту же минуту изъ графскаго кабинета слышался звонокъ.

— Ждалъ, увидѣлъ въ окно, — прошепталъ, робко озираясь, фельдъегерь.

— За мной!—сказала Шервуду адъютантъ:—не робѣй... прибылъ въ срокъ...

«Не робѣй! да нечего и трусить! — подумалъ Шервудъ, осиливая подступавшую дрожь: — еще посмотримъ, кому кланяться и кого просить...»

Ощупавъ боковой карманъ кителя, онъ по пути глянулъ въ зеркало, обтянулъ измятыя, запачканныя грязью фалды, оправилъ волосы и смѣло шагнулъ изъ коридора въ полуотворенную, невысокую дверь, у которой на лавочкѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, сидѣла какая-то немолодая, но еще красивая женщина.

За дверью стояла ширма, за ширмой столъ. У стола сидѣлъ сгорбленный, коротко остриженный человекъ.

Шервудъ стоялъ у порога, на вытяжку, руки по швамъ. Предъ нимъ былъ графъ Аракчеевъ...

Сутуловатый, средняго роста, въ солдатской, нараспашку, сѣрой курткѣ поверхъ артиллерійскаго мундира, графъ сидѣлъ надъ кучей бумагъ, не удостоивъ взглядомъ вошедшаго. На его груди висѣлъ осыпанный брильянтами портретъ государя Александра I-го. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

Шервудъ успѣлъ разглядѣть густую щетку темныхъ волосъ Аракчеева, жирными толстыми змѣйками падавшихъ на его виски, и низкій, тупой лобъ, разглядѣлъ его длинный, красноватый, въ видѣ груши, носъ, твердый, точно каменный, подбородокъ и плотно сжатые, крупныя, до глянца выбритыя, губы. На столѣ лежали фуражка и трость. Графъ, очевидно, только-что возвратился съ прогулки.

Медленно сложивъ прочтенную бумагу, онъ поднялъ на Шервуда небольшіе, холодные и странно-мутные глаза.

«Вылитый старый писарь-кантонистъ!»—шевелинулось въ умѣ Шервуда.

— Ты донесъ объ открытіи какого-то тайнаго общества?— слышался негромкій, гнусливый голос:— заговоръ противъ правительства? такъ-ли?

— Точно такъ, ваше сіятельство! — отчетливо и громко отвѣтилъ Шервудъ.

— Понимаешь ли, на какое важное дѣло ты отважился?— еще тише и болѣе въ носъ спросилъ графъ:— и знаешь ли, чему подвергаются за лживый извѣтъ?

— Понимаю и знаю...

— Вѣдь доносчику, слышишь ли, первый кнутъ... Коли не докажешь, не пощадятъ... сообразилъ?

Графъ поднялъ тонкій, костлявый палецъ.

— По долгу присяги, ваше сіятельство, все взвѣшено напередъ.

— То-то... всё вы по долгу... легко и врать... А можешь ли доказать свои слова? подойди ближе... что стоишь, какъ пень?

Шервудъ, вытягиваясь въ струну и подбираясь, молодецки ступилъ отъ ширмы и, какъ вкопанный, сталъ у стола, глаза на графа, руки по швамъ.

— Ну, теперь говори,— произнесъ Аракчеевъ:— есть доказательства, свидѣтели, улики?

— Есть,— отвѣтилъ Шервудъ.

Аракчеевъ молча на него посмотрѣлъ.

— Гдѣ и какъ ты узналъ?

— Въ арміи графа Витта, въ кievской губерніи, — проговорилъ Шервудъ:— открытое мною общество распространено по всей Россіи... въ Кіевѣ, Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ, смѣю доложить, есть важныя сильныя лица.

— Ой-ли?— насутился графъ.

— Такъ точно... Все открыто случайно, по божеской милости... и я могу не токмо словесно, письменно подтвердить...

— Давай доказательства,— произнесъ Аракчеевъ, хлопывая пальцами одной руки по пальцамъ другой:— увидимъ, изъ кого состоятъ эти важныя лица... ну, называй...

— Не могу, ваше сіятельство, — почтительно отвѣтилъ Шервудъ, глядя на графа.

— Какъ не можешь?— даже привскочилъ Аракчеевъ.

— Не въ правѣ... Могу все доложить токмо одному государю, и то лично.

Аракчееву показалось, что онъ ослушался.

— Какъ ты сказалъ? государю?.. повтори...

— Точно такъ.

— Да ты, да мнѣ...—началъ Аракчеевъ.

Недосказанныя слова замерли въ его горлѣ, щеки дрогнули, глаза изумленно и растерянно забѣгали по сторонамъ.

— Только его величеству, ему одному! — рѣшительно и твердо проговорилъ Шервудъ.

— Но развѣ ты, скотина, не знаешь, кто я?—заревѣлъ, вскакивая, трясясь и грозя кулаками, Аракчеевъ: — какъ, негодяй? ты не знаешь, что я въ особомъ, отмѣнномъ довѣрїи монарха? что нѣтъ другого... слышишь ли? нѣтъ и быть не можетъ... и что мнѣ открыты всѣ тайны государства, весь ходъ!

— Знаю, ваше графское сіятельство,—не понижая голоса и еще болѣе вытягиваясь, отвѣтилъ Шервудъ: — всѣмъ вѣдомо... какъ не знать!

— Такъ говори же, дубинице, болванъ, говори!—кричалъ графъ, комкая въ рукѣ какую-то схваченную бумагу и стуча кулакомъ по столу.

— Убейте, не могу...

Аракчеевъ вырвался изъ-за стола, подскочилъ къ носу Шервуда и съ трясущимся, искривленнымъ ртомъ уставился на него мутными, точно мертвыми глазами.

Шервудъ молчалъ.

— Не скажешь?—прохрипѣлъ графъ, хватая его за горло: — арестантъ! арестантомъ будешь... въ кандалы, въ тюрьму... въ Сибирь...

«Шалишь, — подумалъ Шервудъ, сжимаемый твердыми пальцами взбѣшеннаго старика, — не поддамся... ты арестантъ, и видъ у тебя арестантскій! не я, вы у меня наклоняетесь... вся судьба на картѣ... чего захотѣлъ!..»

Злоба кипѣла въ душѣ Шервуда; но онъ не произнесъ ни слова, смѣло и нагло глядя на изуродованное гнѣвомъ, позрѣвшееся багровыми пятнами, лицо графа.

Аракчеевъ его выпустилъ, отошелъ ныхтя въ глубь комнаты и, будто пристально глядя куда-то, молча припалъ лицомъ къ окну.

— Изъ вольноопредѣляющихся? — спросилъ графъ, не оборачиваясь и раздумывая. — Вотъ отчаянный, чѣмъ его расплющить?

— Такъ точно,—отвѣтилъ Шервудъ.

— Что же сразу не сказали... а?.. хотѣлъ подвести?

— Никакъ нѣтъ... не изволили спрашивать.

Аракчеевъ обернулся, ткнулъ ногой стулъ и сѣлъ у окна.—
«У Витта всѣ они таковы!» пронеслось у него въ мысляхъ.

— Садись! — произнесъ онъ, указывая противъ себя на другую стулъ.

Шервудъ медлилъ.

— Садись! — повелительно крикнулъ графъ.

Шервудъ размѣреннымъ, фронтовымъ шагомъ приблизился, вѣжливо постоялъ на мѣстѣ и сѣлъ.

— Извините, сударь! — заговорилъ графъ, съ своей стороны успиваясь быть не только вѣжливымъ, но и ласковымъ: — не предусмотрѣлъ, ваша милость... прозѣвалъ...

Грозное выраженіе лица Аракчеева исчезло, а его голосъ напоминалъ виноватое ворчаніе загнаннаго въ конуру, напроказившаго, злого цѣпнаго пса.

— Родители? прошлое? — спросилъ онъ: — удостойте доложить.

Шервудъ отвѣтилъ.

— Такъ-съ... дворянинъ... захотѣлось отлички... впрочемъ, уважаю! — проговорилъ графъ, медвѣжьи-неуклюже раскланиваясь со стула: — лямка прѣблась, понятно... ремешокъ мозоли натеръ...

Сердито сопя носомъ, онъ опять похлопалъ пальцами по пальцамъ.

Шервудъ молчалъ.

— Такъ осчастливьте, что знаете, для доклада государю! — проговорилъ еще ласковѣе графъ.

— Не могу, ваше сіятельство, казните — не могу! — отвѣтилъ, вставая, Шервудъ.

— Какъ ты смѣлъ безъ приказа встать? — закричалъ Аракчеевъ: — слушаніе нижняго чина? бунтъ?

— Нижній чинъ, сидя, не смѣетъ отвѣтствовать начальнику.

— Да садись же, скотина... садись, коль приказываютъ.

Глаза Шервуда сверкнули. Поборая приливъ злобы, кипѣвшей въ его груди, онъ, со сжатыми кулаками, опять присѣлъ на кончикъ стула

«Звѣрь, лютый звѣрь, — пробѣгало въ его мысляхъ: — прихлопнуть, мокренько бы стало. Не то, сотреть, проглотить какъ муху... Нѣтъ, чортъ, терпѣть, еще подожду! сдамся,

все выпытають, дорожятся, и я останусь въ томъ же ничтожествѣ, въ тѣни».

Аракчеевъ прокашлялся.

— Такъ вы, сударь, затрудняетесь, — спросилъ онъ: — иному повѣдать государеву тайну?

— Такъ точно-съ...

— Резонъ, сознаюсь... Гдѣ подначальному, хоть и преданному рабу ревновать царевымъ правамъ?

Аракчеевъ помолчалъ.

— Постой, однако, какой нынче у насъ день? — произнесъ онъ:— да, тринадцатое число... чортова дюжина... Экъ въ какой день изволилъ пожаловать, нехорошо. Ну, да, впрочемъ, ладно... Ступай, пообѣдай, чай, проголодался, и будь готовъ. Моженъ теперь встать.

Шервудъ поднялся.

— Ужъ такъ и быть, предоставлю тебѣ случай видѣть государя, — объявилъ Аракчеевъ: — только, молодецъ, берегись: при мнѣ будетъ свиданіе... посмотрю, что ты тамъ станешь говорить.

Кивкомъ головы онъ указалъ гостю, что тотъ можетъ удалиться.

Шервудъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и тѣмъ же пѣтушьимъ, размѣреннымъ шагомъ, вывертывая колѣни и вытягивая носки, двинулся къ ширмѣ.

За дверью его принялъ и провелъ въ особую комнату дежурный лакей. Здѣсь уже былъ накрытъ столъ.

Шервудъ принялся за миску съ борщомъ, жареную рыбу и подовые шпроты. Голодъ, возбужденный трехсуточною ѣздой и объясненіемъ съ графомъ, былъ утоленъ. Потъ валилъ съ покраснѣвшаго лица Ивана Ивановича.

Зачиная явства холоднымъ мятнымъ квасомъ, онъ услышалъ стукъ подѣхавшаго рессорнаго экипажа.

За окнами шла какая-то суета. Мелькнула казацкая пика, послышался барабанный бой, прискакалъ, въ высокомъ уланскомъ киверѣ, ординарецъ. Кто-то крикнулъ — «трогай». Карета, шестерней коренастыхъ воронопѣгихъ, съ кучеромъ въ солдатской шинели, быстро пронеслась у оконъ къ воротамъ.

Шервудъ услышалъ скрипъ двери въ сосѣдную комнату. Онъ оглянулся. На порогѣ стояла видѣнная имъ въ коридорѣ, лѣтъ подь сорокъ, статная женщина, въ бѣломъ чепцѣ

и въ такомъ же передникѣ. Ея большіе, черныя, строгіе глаза заботливо оглядывали столъ, непринятые кушанья и гостя.

«Графская фаворитка, Настасья Шумская! — подумалъ Шервудъ:— вотъ она грозная поселенская Бобелина».

— Покушалъ ли, батюшка, вдоволь?—спросила Настасья Федоровна, переставляя посуду.

— Покорнѣйше благодарствую, — отвѣтилъ, кланяясь, Шервудъ.

Шумская присѣла у стола.

— Что это на тебя онъ такъ-то кричалъ? чѣмъ его прогнѣвилъ?—спросила она, оглядываясь.

— На то ихъ графская воля, смиренно отвѣтилъ, утираясь, Шервудъ:— вѣникъ въ банѣ—всему господинъ.

— Такъ, такъ,—проговорила Шумская, недовѣрчиво поглядывая на гостя:— молодъ, а знаешь пословицы... на уздѣ и лошадь умна; съ горки, милый, видишь... А что, скажи, за дѣло ты открылъ?.. мнѣ можно, не выдамъ...

«Чортъ баба, все знаетъ — подумалъ Шервудъ, — допытала и такую тайну...»

— Худое, сударыня, дѣло,—сказалъ онъ.

— Бунтъ, заговоръ?

Шервудъ кивнулъ головой.

— Есть и большіе господа, генералы?—спросила, понижая голосъ, Шумская.

— Первые, можно сказать, люди.

— И графу грозятъ? опасно ему?

— Не могу, магушка... избавьте, даль зарокъ...

— Да вѣдь все же открыто.

— То-то, что не все.

Шумская задвигалась на стулѣ. Ея щеки покрылись румянцемъ, носъ странно побѣлѣлъ. Въ рукахъ она мяла платокъ.

— Скажи, голубчикъ, вѣкъ не забуду,—проговорила она, всхлипывая:—опасно графу? не тай...

Шервудъ, пошевеливая носкомъ сапога, злорадно молчалъ.

— Да что же это? вѣдь живодѣрамъ завидна наша доля,—растерянно шептала Настасья:— рожутся изверги, готовы разорвать, живыхъ въ гробъ уложить... Не сдастся онъ, смѣлъ— да къ добру ли? Объясни, родной; спрячу, увезу графа въ вѣрное мѣсто, а тебя озолотимъ...

Она схватила Шервуда за руку, повторяя: «Скажи, милый, скажи...»

За дверью послышалось бряцанье сабли и звонъ шпоръ. Шумская торопливо встала.

— Подумай, батюшка, уважь!—прошептала она, уходя:— не токма кому, графу не скажу...

«Кланяются, чуютъ свой конецъ, — подумаль онъ ей во слѣдъ:—а тѣ силы, ихъ жизнь и смерть... въ моей волѣ».

Вошелъ новый, черномазый, съ бакенбардами и еще болѣе рослый фельдъегерь.

— Графъ изволилъ отправиться въ Петербургъ,—пробасилъ онъ, неся подъ мышкой киверъ и натягивая перчатки:—лошади, пожалуйте, готовы и для васъ...

— Могу ли умыться, переменить бѣлье? — спросилъ Шервудъ.

Фельдъегерь удивленно глянулъ на него черезъ губу, покрутилъ плечомъ и крикнулъ.

— Не велѣно!—сказаль онъ:—нѣтъ приказа.

— Да чемоданчикъ тутъ, мигомъ переменяю.

— Ни секунды...

Шервудъ двинулся. Въ концѣ коридора отворилась дверь.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, извини, дозволь ему хоть глаза промыть! — сказала фельдъегерю Шумская, останавливая Шервуда:—грязищи на немъ съ пудъ.

— Иди, иди,—толкала она гости въ какую-то боковушку:— не убудеть его, подождетъ. Танька, Пашка, кто тутъ?

Вбѣжала испуганная дѣвушка Паша, безъ косы.

— Умываться, подлая, живо!—кригнула Шумская.

Паша принесла рукомойникъ и полотенце.

— Слей ему, да что хнычешь, идолъ! — шепнула, уходя, Настасья.

Шервудъ скинулъ китель, поставилъ руки.

— Что плачете?—спросилъ онъ, взглянувъ на миловидное, въ синякахъ, личико дѣвушку.

Та молчала, только ея плечи подергивало.

— Обижаютъ?—спросилъ Шервудъ.

— Нашенское житье что-съ?—произнесла дѣвушка:—лепцу на сковородѣ легче; либо себѣ, либо иному кому ножъ...

Опять вошла Шумская.

— Это тебѣ на дорогу,—сказала она, тыкая Шервуду узелокъ съ стѣстнымъ: — а ужъ насчетъ того... отецъ родной, спаси, помоги...

Настасья низко кланялась.

У крыльца стояла запряженная телѣга. Чемоданъ и шинель Шервуда уже лежали на ней. Онъ и фельдъегерь съѣли. Тройка съ мѣста понеслась вскачь.

Бдучи опять фронтомъ раскрашенныхъ, съ надписями и нумерами, зданій, Шервудъ невольно вспомнилъ только-что видѣнную, плачущую, въ синякахъ, съ остриженной косой дѣвушку. Онъ вспомнилъ о ней и впоследствии, когда разнеслась страшная вѣсть о насильственной смерти Шумской.

Къ вечеру того же дня, ругаясь, грозя и бѣшено гоня ямщиковъ, фельдъегерь довезъ Шервуда въ Петербургъ, прямо на Литейную, къ дому Аракчеева. Здѣсь привезеннаго заперли въ большой освѣщенной залѣ. Его даже не спросили, хочетъ ли онъ ѣсть, да ему было не до того; узелокъ Настасьи онъ бросилъ въ передней.

Прислушиваясь къ гулу и грохоту затихавшей столичной бѣды и къ дребезжанію хрустальныхъ подвѣсокъ въ висящей зальной люстрѣ, Шервудъ мрачно шагаль изъ угла въ уголь по зеркальному паркету. Жаръ и холодъ пробѣгали по его тѣлу. Жгучія до боли, себялюбивыя, гордыя мысли о близкомъ счастьѣ, о достиженіи намѣченной цѣли ропсались, путались въ его воспаленной головѣ, смѣняясь раздумьемъ о возможности потерпѣть поражение, неуспѣхъ.

«Члены тайнаго, громкаго Союза благоденствія, столпы затѣяннаго переустройства страны,—разсуждалъ онъ:—и я, ничтожный, никому невѣдомый, жалкій унтеръ-офицеръ... Они упорно, во мракѣ трудились, создали, надѣялись, вѣрили, клали въ дѣло всю душу... А я подошелъ... тронулъ—и все рухнетъ, пойдетъ ко дну... Въмѣсто Пестелей, Бестужевыхъ, Волконскихъ, Трубецкихъ и иныхъ, останется тотъ же батюшка Аракчей, да пониже влей»...

Шервудъ не выдержалъ и въ полутемной, казарменно-пустынной залѣ, точно сорвавшись, злобно вполголоса захохоталъ.

Онъ примѣтилъ неуклюжій изразцовый каминь, съ протянутой головатой трубой, въ концѣ залы.—«Тотъ же арестантъ—писарь, тотъ же Аракчей!—подумалъ онъ,—и запахнутыя дверцы... точно его куртка».—Фронтомъ разставленные жиденькіе стулья и ломберные столики напоминали длинную грузинскую улицу; клѣтка съ какою-то птицей—плачущую Паллу.

«Э, чортъ! лѣсъ рубятъ, шенки летятъ... — сказалъ онъ

себѣ, сердито отплевывая изъ пересошаго горла липкую, досадную слюну:—хорошъ выборъ—острогъ или воля, плеть или отличія... Разумѣтся, воля, счастье... и... богатая, давно ожидающая тамъ, вдали, невѣста»...

Шервуду вспомнилось смоленское помѣстье Ушаковыхъ, его тамошнее учительство, кавалькады въ полѣ, прогулки въ паркѣ, объятія, клятвы.

Гдѣ-то послышался мѣрный, приятно-протяжный, ласкающей бой Нортоновскихъ часовъ.

Шервудъ вспомнилъ такіе же часы въ другой, кievской деревнѣ Давыдовыхъ, Каменкѣ. Эта Каменка теперь живо ему представилась, съ ея домомъ, роскошнымъ южнымъ садомъ, мельницей на рѣкѣ Тясминѣ, въ которой онъ работалъ, и таинственными давыдовскими субботами, въ одну изъ которыхъ онъ подслушалъ совѣщанія членовъ Союза благоденствія.

Было за полночь. Шервудъ ходилъ по залѣ.

«И черезъ часъ, можетъ-быть, ближе, черезъ минуту, — мыслилъ онъ: — я, никому неизвѣстный, съ своимъ открытіемъ, послѣдній нижній чинъ, предстану передъ лицомъ могущественнаго въ мірѣ монарха... Ужели это сбудется, не сонъ?..»

Замокъ въ двери тихо щелкнулъ. Дверь отворилась. Вошелъ щеголеватый, молодой, перетянутый рюмочкой генераль, съ тоненькими и бѣлокуроыми отъ ушей ко рту, въ видѣ ленточекъ, бакенбардами. То былъ безсмѣнный адъютантъ графа, начальникъ его штаба, Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

Ступая мягко, съ особымъ гвардейскимъ перевальцемъ, и распространяя вокругъ себя запахъ модныхъ духовъ, Петръ Андреичъ остановился среди залы.

— Шервудъ? — спросилъ онъ въ носъ, подражая своему принципалу.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Клейнмихель смѣрилъ глазами диковиннаго человѣка, который такъ понадобился графу.

— За мной... во дворецъ!—объявилъ Клейнмихель.

Шервудъ бессознательно двинулся впередъ.

Въ передней кто-то ему накинулъ на плечи шинель и подалъ его солдатскую фуражку. Клейнмихель усадилъ его съ собою въ карету.

Стекла задребезжали... Карета понеслась, по набережной Невы, въ Зимній, кое-гдѣ еще освѣщенный, дворецъ.

— Но развѣ, ваше превосходительство, государь не на дачѣ?—по пути спросилъ Шервудъ.

— Изволилъ нарочно прибыть изъ Царскаго, — соткровенничалъ Клейнмихель, ожидая, что увозимый имъ проговорится о чемъ-либо, что не было ему извѣстно.

Шервудъ молчалъ.

Дверь салтыковского подъезда растворилась. Дворцовый лакей принялъ шинель съ Клейнмихеля. Шервудъ самъ снялъ и повѣсилъ свою.

Въ то время, когда они стали подниматься по лѣстницѣ, съ нея спускался пожилой, съ большой лысиной, сановникъ, въ синемъ фракѣ, съ золотыми пуговицами, въ звѣздѣ и лентѣ, и рядомъ съ нимъ красивый, съ молодежавымъ, задумчиво-строгимъ лицомъ, гвардейскій полковникъ.

Клейнмихель, пропуская ихъ, вѣжливо остановился. Они, продолжая разговоръ, разсѣянно и сухо ему поклонились.

То были Сперанскій и членъ открытаго Шервудомъ тайнаго общества, князь Сергѣй Трубецкой.

(1881 г.).

III.

ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

Графъ Аракчеевъ предупредилъ императора Александра Павловича о тайномъ обществѣ «Союзъ благоденствія», открытомъ Шервудомъ, на югѣ Россіи, и доставилъ послѣдняго въ Петербургъ.

Шервуду было велѣно явиться въ Зимній дворецъ. Онъ и его жокатый, генералъ Клейнмихель, прошли рядъ полуосвѣщенныхъ залъ дворца.

Они остановились въ небольшой приѣмной залѣ, украшенной картинами изъ войны двѣнадцатаго года.

Заставленная цвѣтами, дверь налѣво вела во внутренніе государевы покои. Ее охранялъ, одѣтый въ расшитую золотомъ, красную куртку и въ тюрбанъ, съ страусовыми перьями, дежурный арапъ. На диванѣ дремалъ добродушный, гладковыбритый, въ чулкахъ на толстыхъ икрахъ и въ башмакахъ, нѣмецъ камеръ-лакей.

— Доложи, — вѣжливо шепнулъ по-нѣмецки послѣднему Клейнмихель.

Лакей молча исчезъ за дверью. Едва былъ слышенъ шорохъ его удаляющихся, беззвучныхъ шаговъ. Клейнмихель, сдвинувъ брови и тревожно подтянувъ поясной шарфъ, не шелохнувшись, вглядывался черезъ цвѣтущіе фукціи и геліотропы въ притворенную дверь.

Въ мысляхъ Шервуда пролетало недавнее прошлое: его учительство, невѣста, мамзель Ушакова, стремленіе выбиться изъ неизвѣстности, отличиться. Вспомнилось ему и его подслушивание заговорщиковъ въ Каменкѣ, ихъ купанье у мельницы, слова Пестеля и Бестужева, его доносъ въ Грузино и трехсуточная гоньба на фельдъегерскихъ.

Въ комнатѣ была полная тишина. На столѣ у зеркала лежала государева треуголка съ плюмажемъ и его смятыя замшевыя перчатки. — «Гдѣ же я, наконецъ? — подумалъ Шервудъ, — неужели это — вещи государя, его собственные, жилые покои? неужели я, послѣ столькихъ усилій, испытаній, въ Зимнемъ дворцѣ?»

Дверная ручка, въ видѣ спящаго льва, повернулась. Дверь тихо отворилась.

— Пожалуйте, — вполголоса сказалъ лакей, изъ-за цвѣточной заставки, указывая Шервуду дверь и пропуская его впередъ себя.

Клейнмихель хотѣлъ слѣдовать за нимъ; лакей отрицательно качнулъ ему головой. Клейнмихель, поднявшись на цыпочки, замеръ, въ почтительномъ смиреніи.

Шервудъ вошелъ за лакеемъ въ смежную комнату, уставленную книжными шкапами, со стеклами, задернутыми зеленою тафтой. Среди комнаты стоялъ бильярдъ. Миновавъ послѣдній, лакей остановился, помедлилъ, какъ бы къ чему-то прислушиваясь, взялся за ручку новой двери и, оглянувшись на Шервуда, сказалъ еще тише:

— Прямо ступайте... налѣво у камина.

Шервудъ вошелъ въ государевъ кабинетъ.

Восковыя свѣчи на рабочемъ столѣ и въ высокихъ канделябрахъ, у зеркала, не вполне освѣщали высокую, увѣшанную портретами и оружіемъ, комнату.

Императоръ Александръ Павловичъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ въ полоборота у темнаго, мраморнаго, погасившаго камина, облокотясь лѣвой рукой о выступъ его карниза. Вправо, съ другой стороны камина, брезгливо стор-

бывшись и слушая государя, стояла мрачная, въ наглухо-застегнутомъ узкомъ мундирѣ, съ большими мясистыми ушами, торчавшими надъ коротко-остриженной головой, высокая и сутуловатая фигура Аракчеева. «Обезьяна въ мундирѣ!» — невольно подумалъ Шервудъ, увидя большую голову графа, съ длинной шеей, впалыми щеками и тусклыми, впалыми глазами, которыми графъ вяло всматривался въ вошедшаго.

Шервудъ не сразу разглядѣлъ государя. Его вниманіе привлекло ярко-освѣщенное канделябромъ, улыбающееся, съ вздернутымъ носикомъ и полными щеками, изображение надъ каминомъ миловидной молодой женщины. — «Кто она?» — подумалъ Шервудъ. Ему вспомнилось прощаніе съ невѣстой, клятвы, надежды. — «Любовь толкаетъ на злодѣянія, на убійства, — пронеслось въ его умѣ: — а здѣсь подвигъ, отличіе, безсмертная услуга Россіи, царю»...

На шорохъ шаговъ, государь повернулъ голову въ направленіи къ порогу.

— Подойди, — раздался ласковый, грудной, какъ бы женскій голосъ.

Шервудъ понялъ, что его зоветъ государь, тотъ государь, котораго такъ привѣтствовала когда-то освобожденная Европа. Онъ, вытянувшись, медленнымъ фронтовымъ шагомъ, осторожно минуя дремавшую собаку, прошелъ по ковру къ камину.

— Ты открылъ тайный заговоръ противъ правительства? — спросилъ государь, поднося къ носу флаконъ со спиртомъ и брызгая имъ себѣ на чуть прикрытую волосами, широкую, блѣдную лысину. Видъ государя былъ усталый, встревоженный.

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ Шервудъ.

— Доказательства? ты знаешь, такъ нельзя, — сказалъ Александръ: — дѣло такой важности... и я говорилъ графу... Голословныя указанія въ подобномъ случаѣ опасны... ты касаешься такихъ вещей, арміи, долга присяги... быть не можетъ! не вѣрится...

Шервудъ задыхался и медлилъ, чувствуя, какъ кровь подступала къ его горлу, давила его, билась въ вискахъ. Изъ-за камина въ него выпались два круглые, тусклые глаза, точно двѣ свинцовыя чуши. Шервудъ невольно оглянулся на Аракчеева, разглядѣвъ, какъ на длинной шеѣ

графа вздулись жилы и какъ судорожно морщился его гладко-выбритый, точно отшлифованный, каменный подбородокъ.

«Не докажу—все кончено! не удастся сразу убѣдить, пропаль! — проносилось въ мысляхъ Шервуда: — выхода нѣтъ; о! будь что будетъ, пусть другимъ плаха, висѣлица... мнѣ надо счастья, жизни!»

Стоя на вытяжку передъ государемъ, въ перепачканной отъ дороги мундирной курткѣ, онъ какъ-то вдругъ передернулся, точно сломило его; дрожащими пальцами торопливо отстегнулъ пуговку на груди, съ искаженнымъ, испуганнымъ лицомъ вынулъ изъ бокового кармана сплюснутый листъ бумаги и протянулъ его государю.

— Что это?—нерѣшительно спросилъ Александръ, оглядываясь на Аракчеева.

— Списокъ заговорщиковъ... всѣ имена, вотъ... по губерціямъ и полкамъ,—прошптали бѣлыя губы Шервуда.

— Откуда ты получилъ?

— Изъ рукъ соучастника.

— Кто-нибудь раскаялся, выдалъ?

— Добылъ хитростью,—отвѣтилъ Шервудъ:—одинъ изъ заговорщиковъ, Вадковскій, довѣрилъ бумагу... я ее тайно списалъ.

Александръ развернулъ поданную бумагу, прочелъ первыя ея строки и невольно отвелъ отъ нихъ глаза; въ списокѣ мелькали имена крупныхъ чиновъ: генераль-интендантъ, начальникъ штаба арміи, командиры эскадроновъ, дивизионовъ, полковъ, оберъ-прокуроръ сената, Муравьевы, Пестель, князь Волконскій, князь Трубецкой.

— Богъ мой! какія открытія! — произнесъ съ содрогающимъ Александръ, обращая къ Аракчееву покрывшееся багровыми пятнами, встревоженное лицо:— Алексѣй Андреичъ, читай! ты и не ожидаешь, что здѣсь написано, кто названъ... думали ли мы дожить до такого позора, измѣны—и гдѣ же? среди первыхъ, ближнихъ защитниковъ.

Аракчеевъ, поднеся бумагу ближе къ камину, сталъ ее медленно читать. Жилы на его шеѣ вздулись еще болѣе. Тѣнь отъ его головы колыхалась на стѣнѣ,

— Какъ ты узналъ эту страшную тайну?—обратился Александръ къ Шервуду: — сообщи подробнѣе... говори смѣло, не тай ничего...

Шервудъ, оправаясь и стараясь не проронить ни одной

важной подробности, началъ разсказъ. Онъ изложилъ до мелочи, какъ былъ посланъ изъ полка въ кievское имѣніе Давыдовыхъ, Каменку, какъ тамъ исправлялъ водяную мельницу, случайно узналъ о субботнихъ сѣздахъ тайнаго общества, по ночамъ, подслушалъ ихъ совѣщанія; какъ, выстѣдивъ ихъ преступную, раскинутую по всей южной арміи, сѣть, рѣшилъ самъ проникнуть въ ихъ составъ, и какъ его замысль удался...

— Съ рискомъ жизни все это исполнено, — прибавилъ, переводя дыханіе, Шервудъ: — и все лишь съ одною мыслію — угодить вамъ, государь, въ надеждѣ на милостивое монаршее вниманіе.

Александръ давно уже какъ бы пересталъ слушать разсказчика. Въ его затуманенныхъ глазахъ виднѣлись слезы. Онъ смотрѣлъ въ погасшій каминъ; его мысли были далеко.

— Монаршая милость — лучшая награда вѣрныхъ слугъ, — произнесъ Шервудъ: — до послѣдняго издыханія, до послѣдней капли крови...

Государь очнулся, велѣлъ Шервуду выйти, подождать въ ближайшей комнатѣ.

— И за что? за что? — едва Шервудъ сталъ за дверь, проговорилъ Александръ Аракчееву, какъ бы въ отвѣтъ на волновавшіе его вопросы: — я ли не стремился къ благу отечества? я ли не отдавалъ всего себя?.. Забыто все, что сдѣлано послѣ суровыхъ годовъ отца... сколько вольностей, льготъ! И развѣ Россія теперь та, чѣмъ была, когда оплакивали бабушку Екатерину? Ты, Алексѣй Андреичъ, свидѣтель — новыхъ законовъ, процвѣтанія промысловъ, литературы, наукъ... а двѣнадцатый, тяжкій годъ...

— Имъ, кроволіццамъ, всего мало, — прохрипѣлъ, прокашливаясь, Аракчеевъ: — тутъ, государь-батьюшка, одно врачеванье — кнутъ и веревка, веревка и кнутъ.

Говоря это, Аракчеевъ думалъ: — «Вотъ онъ — ученикъ Лагарпа, изъ русскаго царя ставшій повелителемъ освобожденной имъ Европы... Къ чему привели эти идеальныя стремленія, эта филантропія?»

Государь прошелся по комнатѣ, опять остановился у камина и сказалъ графу: — зови его. — Аракчеевъ, отворивъ дверь, кликнулъ Шервуда.

— Что имъ нужно? скажи ты мнѣ... ты спрашивалъ ихъ? — обратился Александръ къ Шервуду: — говорили они тебѣ, въ чемъ ихъ главные домогательства?

— Воля... освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ.

— Но воля, Богъ мой, безъ образованія... развѣ это воля? — возразилъ, опять покраснѣвъ, государь: — нужно прежде подготовить, смягчить нравы, просвѣтить умы. Иначе сегодняшніе рабы завтра бросятъ работу, перестанутъ платить подати, слушаться властей. Примѣръ Франціи, Германіи... что же? они хотятъ крестьянскихъ бунтовъ, внутреннихъ войнъ?

Государь смолкъ и задумался. Въ его смущенныхъ, опечаленныхъ мысляхъ проносилось недавнее, свѣтлое прошлое — картины общей къ нему любви и преданности, торжество надъ врагами Россіи, міровая слава.

Онъ обратилъ глаза къ портретамъ отца и бабки. Одинъ на него смотрѣлъ изъ глубины комнаты холодно, точно съ укоромъ и недовѣріемъ; взглядъ второй былъ мягокъ и свѣтелъ. Александръ вертѣлъ въ рукахъ поданный ему графомъ списокъ заговорщикамъ и видимо колебался.

Вспомнился ему политическій погромъ Франціи, рассказы о немъ свидѣтелей и въ томъ числѣ его учителя Лагарпа. — «Тамъ это все кончилось военной диктатурой, — мыслилъ онъ, — Марать, Сенъ-Жюсть и Робеспьеръ смѣнились Бонапартомъ. Но и самъ Наполеонъ чѣмъ кончилъ... Что же имъ, безумцамъ, надо?..»

— Благодарю за преданность мнѣ и престолу, — сказалъ Александръ Шервуду: — по чести, ты сдѣлалъ важныя открытія... И если сказанное тобою правда, ты будешь награжденъ.

Шервудъ упалъ на колѣни, цѣлуя руки государя.

— Твоей услуги не забуду, — продолжалъ Александръ, ласково поднимая его: — но я не ожидалъ, мнѣ и теперь не вѣрится, пойми — да... не хочется вѣрить...

Шервудъ взглянулъ на Аракчеева. Тотъ молча стоялъ съ опущеннымъ, сердитымъ, какъ бы почернѣлымъ лицомъ.

— Ваше величество, — проговорилъ Шервудъ: — я стремился, ночей не спалъ... имѣю неоцѣненное счастье лично... Клянусь, все мною сказанное вѣрно... Отдайте приказъ, повелите — все откроется, повелите... вся ихъ адекакая измѣна... На смотру, подъ Бѣлою Церковью, заговорщики условились, поклялись нанести роковой ударъ... Они смѣлы, все ими задуманное рассчитано, распределено...

Шервудъ произнесъ послѣднія слова громко, безъ за-

ники, горячо. Аракчеевъ, слушая непривычно-возвышенный и, какъ онъ рѣшилъ въ умѣ, дерзкій голосъ смѣлчака унтеръ-офицера, судорожно сжималъ пальцы рукъ. Государь снова не слышалъ произнесеннаго Шервудомъ. Его мысли были не здѣсь, не въ этой его рабочей комнатѣ, гдѣ столько пережилось встрѣчь, докладовъ и бесѣдъ. Передъ Александромъ проносились его дѣтскіе и юношескіе годы, воспитаніе у бабки, великой Екатерины, ея ласки, заботы — «бабушкина азбука» и «бабушкины» то трудовые у письменнаго стола, то пышно-торжественные дни, приемы, выходы, пудренные, въ бархатѣ и позументахъ министры, остроловы, докладчики, писатели, послы. Вспомнилась Александру его женитьба, путешествіе, знакомство съ Европой, смерть бабки, потомъ отца, первые годы его царствованія и первые молодые, пылкіе и свободолюбивые его сподвижники—Новосильцевъ, Чарторыжскій, Сперанскій и Кочубей, учрежденіе министерствъ, комиссіи составленія законовъ, появленіе басень Крылова и первыхъ томовъ исторіи Карамзина. Память подсказала ему въ этотъ мигъ и стихи Державина на его рожденіе:

«Геніи къ нему слѣзли—
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту»...

Вспомнилась императору Александру и смутная година нашествія Наполеона, паденіе Сперанскаго, парижскій миръ, сеймъ въ Варшавѣ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, и Веронѣ, бунтъ въ семеновскомъ полку и закрытіе масонскихъ ложъ.

— Еще слово, ваше величество,—раздался передъ нимъ отчаянный, какъ бы о чемъ-то молившій, голосъ.

Александръ очнулся.

— Говори, — произнесъ онъ, опять разглядѣвъ передъ собою Шервуда.

— У южныхъ заговорщиковъ немало пособниковъ и въ Петербургѣ,—сказалъ Шервудъ:—здѣсь многое можно узнать, открыть.. нить въ этомъ спискѣ... повелите, государь! все откроется, все въ вашей волѣ...

— Но не вѣрится мнѣ, слушай ты, чтобъ въ Россіи нашлись измѣнники!—сказалъ, выпрямляясь, Александръ, и въ его голосѣ дрожали слезы острой скорби и обиды: — чѣмъ я, по-правдѣ, и кому вредилъ? Кого обидѣлъ, кѣмъ

пренебрегъ? Тяжелый страшный, невѣроятный сонъ... Графы! ты видѣлъ, ты видишь мою душу...

Аракчеевъ, неуклюже-подобострастно склонивъ верхнюю часть своего туловища, что-то пробормоталъ, чего не слышалъ Шервудъ.

— Ну, чему быть, того не миновать! — продолжалъ государь, тряхнувъ головой: — отпусти его, Алексѣй Андреичъ, къ мѣсту; дай ему на дорогу и всѣ средства къ дальнѣйшему раскрытію злодѣевъ, если только они дѣйствительно существуютъ не въ одномъ воображеніи этого преданнаго молодого человѣка... А ты, Шервудъ, дѣйствуй, какъ тебѣ укажетъ твоя совѣсть, и относись во всемъ прямо... къ графу, — заключилъ, помедливъ и какъ бы заикнувшись, государь.

Легкій поклонъ головы Александра показалъ Шервуду, что его аудіенція кончилась. Но слова, тысячи словъ еще рвались изъ его груди. Горло сжималось; губы и руки тряслись. Ему хотѣлось такъ много еще высказать, посоветовать государю, убѣдить его. Дѣлать нечего, надо было удалиться.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, Шервудъ по правиламъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, двинулся отъ каминна къ выходу, взялся за ручку двери и на мгновеніе оглянулся. Государь безпомощно, прикрывъ рукой лицо, въ изнеможеніи упалъ въ кресло и, очевидно, плакалъ: его голова тряслась. Аракчеевъ, склоняясь, что-то говорилъ ему въ утѣшеніе. — «Ахъ, забыть, надо еще сказать важное, неотложное! — подумалъ вдругъ Шервудъ, остановясь въ полусвѣщенной бильярдной, — но, что сказать, не вспомню!» Онъ простоялъ съ минуту.

«Кончено безповоротно! ужели все потеряно или побѣда?» — мыслить Шервудъ, подходя къ цвѣточной перегородкѣ, у которой его поджидалъ дежурный лакей. Раздраженный долгою аудіенціей низшему чину, Клейнмихель встрѣтилъ его еще суше и надменнѣе и молча опять отвезъ его въ домъ Аракчеева, на Литейную. «Побѣда! обращено вниманіе!» — мелькнуло въ умѣ Шервуда, когда онъ, не раздѣваясь, упалъ на жесткую, въ родѣ больничной койки, желѣзную, пахнувшую новою краской, постель на антресоляхъ Аракчеева.

Рано утромъ Шервуда разбудили и снова позвали къ графу. Онъ снова увидѣлъ обширный, суровый и пустынный, рабочій кабинетъ грознаго временника. У оконъ и кое-гдѣ вдоль стѣнъ стояла плетеная, неуклюжая мебель; большой письменный столъ, среди кабинета, былъ заваленъ грудями бумагъ. У стола сидѣлъ тотъ же холодно-каменный старикъ, съ каменнымъ лицомъ на длинной шеѣ и вялыми, арестантскими глазами.

— Насвистался соловей! доволенъ ли? — проговорилъ въ носъ, стараясь, впрочемъ, говорить мягко и даже ласково, Аракчеевъ: — ну, вотъ, батенька, не хотѣлъ мнѣ, малому, открывать, захотѣлось самому царю... анъ и удалось, что-жъ! да-ба! вотъ опять-таки все было при мнѣ, и ко мнѣ же пришло.

Шервудъ ждалъ, что будетъ далѣе. Аракчеевъ зѣвнулъ и потянулся, потирая руки. Въ комнатѣ было прохладно. Шервудъ съ просонковъ и голода, также чувствовалъ позывъ къ дремотѣ и дрожь.

— Ну-съ, ты все открылъ, это похвально... вотъ и твой документъ! — продолжалъ графъ, похлопавъ костлявыми пальцами по грудѣ бумагъ, сверху которыхъ лежалъ доставленный Шервудомъ списокъ заговорщиковъ: — это уже называется не устный, а письменный доносъ. Теперь еще болѣе помни: не докажешь — кнутъ, а не то висѣлица. Понимаешь?

Шервуда начиналъ бѣснть этотъ грубый и насмѣшливый голосъ. «Скотина! солдафонъ!» — шевелилось на его поблѣднѣвшихъ, злобно сжатыхъ губахъ. Онъ чуть повелъ плечами и молча переступилъ съ ноги на ногу.

— Начнемъ по пунктамъ, — продолжалъ Аракчеевъ, расправляя передъ собою согнутый пополамъ листъ чистой бумаги: — у тебя тутъ стоитъ, во-первыхъ, командиръ вятскаго полка Пестель и далѣе генераль-майоръ князь Волконскій. Говори, что вообще и въ приватномъ отношеніи ты дозналъ о нихъ?

Шервудъ началъ рассказывать. Аракчеевъ взялъ перо и принялся записывать показанія, задавая новые вопросы. При одномъ изъ именъ графъ искоса взглянулъ на допрашиваемаго.

— Анненковъ, говоришь ты? — сказала онъ: — какой Анненковъ? какъ звать?

— Иванъ Александровичъ, поручикъ.

— Гдѣ служить?

— Въ кавалергардахъ...

— Кто тебѣ о немъ сказалъ?

— Прапорщикъ Вадковскій.

— И ты это въ точности помнишь? получше сообрази.

— Помню вѣрно. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, тотъ самый Вадковскій, передавая мнѣ въ Ахтыркѣ списокъ, сказалъ: премилая бабѣнка у Анненкова въ Петербургѣ, то-есть бабѣнка, или дѣвица, въ точности не припомню... — Жюстинъ или Полинъ, выскочило изъ памяти, но вѣрно, что французенка... и у нея въ Петербургѣ модный магазинъ.

— Да, да,—произнесъ задумчиво Аракчеевъ:—тутъ что-то есть... есть...

Шервудъ силился еще нѣчто вспомнить. Въ его лицѣ выражалась тревога. Со лба катился потъ.

— Не вспомнишь? ну-ка, сообрази, нѣтъ ли тутъ еще какихъ зацѣпъ? — ободрялъ его Аракчеевъ, поскребывая концомъ пера по небритой еще щекѣ.

— Вспомнил!—произнесъ, отирая лицо, Шервудъ.

— Говори, сударь, слушаю.

— Ближайшій соучастникъ Пестеля—Бестужевъ-Рюминъ, я его видѣлъ въ Каменкѣ; горячая, отчаянная голова... онъ на все вызывался, на образъ клялся...

— Это ты о немъ уже говорилъ... дакъ!

«Вотъ анаемская память, какъ все примѣтилъ, затвердилъ!»—злбно подумалъ Шервудъ.

— Такъ что же этотъ Бестужевъ?

— У него въ Ракитномъ, у помѣщиковъ Витвицкихъ, невѣста.

— Невѣста?—прогнусилъ Аракчеевъ.

— Да,—продолжалъ, оживляясь, Шервудъ:—когда прапорщикъ Вадковскій въ Ахтыркѣ, вы знаете, принялъ меня въ члены тайнаго союза, онъ сообщилъ мнѣ и объ этомъ сватовствѣ. Позвольте, ваше сіятельство, я вспомнилъ и имя невѣсты Бестужева.

Аракчеевъ, не глядя на говорившаго, что-то писалъ.

— Ее звать Зинаида,—сказалъ Шервудъ.

— Ну?

— Зинаида Львовна Витвицкая...

— Такъ что же? <http://rcin.org.pl>

— Въ концѣ этого августа у Витвицкихъ въ деревнѣ былъ назначенъ балъ, съѣздъ всей губерніи, охота на волковъ и дикихъ козъ... Ѳедоръ Ѳедоровичъ еще жалѣлъ, что ему, какъ высланному на житье въ Ахтырку, трудно попасть на всѣ эти веселости... А у невѣсты Бестужева въ деревнѣ гувернантка, тоже французенка, и она дружна и въ сокровенной, частной перепискѣ съ этой самой, здѣшней пріятельницей гвардейца Анненкова.

Аракчесвъ, презрительно зѣвнувъ, продолжалъ писать.

— Ну, вотъ, — процѣдилъ онъ: — не только рапортъ по формѣ, а и цѣлый, съ амурными придатками, романъ.

Онъ, тщательно выводи слова, что-то набросалъ на обрывкѣ бумаги, позвоилъ и отдалъ написанное ординарцу.

— Петру Андренчу! — сказали онъ, облокачиваясь о высокую и жесткую спинку кресла: — вотъ для тебя и зацѣпка, — обратился онъ къ Шервуду: — ариаднина въ этомъ лабиринтѣ нить.

Глаза Аракчеева сузились, точно растаяли отъ удовольствія. Шервудъ примѣтилъ, что на тонкой шеѣ графа еще болѣе вздулись жилы, какъ бы отъ смѣха, подшправнаго его горло.

Шервудъ вздрогнулъ.

Онъ вдругъ сообразилъ, какъ далеко зашелъ съ своими признаніями: ни съ того, ни съ сего припуталъ къ доносу семью Витвицкихъ, указалъ на сношенія и переписку двухъ очевидно неповинныхъ ни въ чемъ французенокъ, наконецъ, назвалъ даже имя невѣсты Бестужева. А у него, доносчика, у самого была невѣста, и онъ такъ къ ней рвался, раздѣленный съ нею цѣпью роковыхъ, непреодолимыхъ событій. — «Другіе могутъ сказать, какая подлость, гадость! — подумалъ онъ, соображая, какъ другой на его мѣстѣ при этомъ плевалъ бы на себя: — экъ зарвался — и кой чортъ просилъ? а впрочемъ, нехудо...» Потъ, какъ вчера, прошибъ его и выступилъ на его лицѣ. Истомленный досаднымъ допросомъ, онъ съ усиленнымъ переводилъ дыханіе и едва стоялъ на ногахъ.

Ординарецъ подалъ графу записку Клейнмихеля и вышелъ.

— Такъ и есть, — сказалъ Аракчеевъ, пробѣжавъ записку: — она самая... Полина Гебель! бѣлошвейный магазинъ, на углу Демидова переулка и Мойки...

— Кто такой? — спросилъ, теряя нить соображенія, Шервудъ.

— Приятельница поручика Анненкова. Вотъ тебѣ и предлогъ... Уѣдешь, во всякомъ случаѣ, не сразу: будутъ нужны еще необходимыя показанія... вотъ ты могъ бы воспользоваться.

— Чѣмъ?

— А ты думаешь, донесъ и кончено?—сказаль Аракчевъ:—нѣтъ, братъ: нужны справки, подтвержденія. Вотъ ты выложилъ цѣлый ворохъ именъ, все немалые военные чины; почитай, вся южная армія. А есть въ подозрѣннн и штатскіе. Подобаеть добратъся и до нихъ; а все ли ты вѣрно сказаль?

— Клянусь, по долгу присяги.

— То-то, любезный, всѣ вы и тѣ вонъ тоже присягнули, а играете на присягѣ, какъ на балалайкѣ. Поживи здѣсь, отдохни, получишь прогоны, подѣмныя. Подумаи, можетъ, подвернется случай узнать и объ этомъ Анненковѣ... Онъ давно въ подозрѣннн за мысли и невоздержанность въ словахъ. Дружень съ здѣшнимъ стихоплетомъ Рыльевымъ. Слыхаль про послѣдняго? Не слыхаль? Рыльевъ Кондратій... Вольныя вирши пишетъ и на меня дерзостный пасквиль сочиниль, да я на синий лай плюю... Такъ посуди объ Анненковѣ: онъ въ домахъ сенатора Мордвинова и у бывшаго министра Сперанскаго бываетъ. Все это разбери на досугѣ... Не откроешь ли чего по части и этой негоціи?

Получивъ обѣщанное на подъемъ, Шервудъ переѣхаль на постоялый дворъ, заказаль себѣ новую форменную пару, купиль бѣлья, пріодѣлся и, въ ожиданнн командировки обратно на югъ и прогоновъ, сталь прогуливаться по столицѣ. Между прочимъ, онъ обошелъ Зимній дворець, разглядывая его съ любопытствомъ и соображая съ улицы, гдѣ та комната, въ которой онъ удостоился говорить съ государемъ. У салтыковскаго подѣзда онъ узналь вахтера, снимавашаго въ дворцовыхъ снняхъ съ Клейнмихеля шинель. Вахтеръ выбиваль въ это время на панели коврикъ. Онъ съ нимъ поздоровался.

— Узналь, землячекъ?—спросиль Шервудъ.

Вахтеръ на него покосился.

— Какъ не узнать, съ генераломъ въ каретѣ... еще кучера едва добудились...

— А кого, землякъ, тогда встрѣтили мы на лѣстницѣ, помнишь? полковникъ и штатскій со звѣздой сходили, когда мы поднимались вверхъ?//rcin.org.pl

Вахтеръ молча выколачивалъ коверъ.

— Такъ, вспомнилъ!—проговорилъ онъ, подумавъ:—эка память, точно рѣшето... полковникъ былъ князь Трубецкой, а штатскій — постой, должно, сенаторъ Сперанскій... онъ и есть... въ сѣняхъ тутъ долго еще лопотали не по нашему... Сенаторы, сенать... а чтѣ дѣется кругомъ?

— Чтѣ же дѣется?

— Нешто не знаешь? Кто смѣлъ—грабить, не смѣлъ—крадеть. Ворами только и житье...

Зайдя какъ-то въ трактиръ, на Литейной, закусить и послушать органъ, Шервудъ изрядно выпилъ, сыгралъ съ кѣмъ-то на бильярдъ и опять хотѣлъ выпить, но одумался. Его недавній, съ отчаянья, почти годичный, запой въ Новомиргородѣ, послѣ бѣгства изъ имѣнія Ушаковыхъ, вспомнился ему во всемъ ужасающемъ безобразіи. Онъ бросился изъ трактира, прошелъ нѣсколько смежныхъ улицъ и очутился у Аничкова моста.

Быль вечеръ.

Свѣжій осенній воздухъ съ Фонтанки, запруженной барками и людками, освѣжилъ Шервуда. Онъ постоялъ на мосту, облокотясь о его каменную ограду и безсознательно поглядывая на веселыя и пестрыя кучи рабочихъ, выгружавшихъ дрова, доски и кирпичъ, оправилъ на себѣ мундиръ, отеръ лицо и направился обратно къ Лѣтнему саду.

Въ тотъ день онъ отъ кого-то допытался въ трактиръ о стихахъ Рылѣева на Аракчеева и изумился смѣлой сатирѣ поэта, возбуждавшей въ обществѣ неслыханное сочувствіе и ужасъ за судьбу обличителя.

Вдругъ Шервудъ замѣтилъ, что встрѣчные прохожіе на набережной Фонтанки снимали почему-то шляпы, а рабочіе, глядя съ барокъ на мостъ, низко кому-то кланялись. Шервудъ обернулся по направленію этихъ поклоновъ.

По окраинѣ Аничкова моста, вдоль каменной ограды, у которой онъ стоялъ нѣсколько мгновеній тому назадъ, медленной рысью ѣхала высокая, открытая, запряженная четверней сѣрыхъ орловскихъ рысаковъ, коляска. Въ коляскѣ сидѣлъ рослый военный, въ шинели и треуголкѣ, съ бѣлымъ плюмажемъ: ѣхавшій добродушно глядѣлъ на рѣку, залитую заходящимъ солнцемъ, на барки и лодки, ласково кланяясь на привѣтствіе судорабочихъ, прохожихъ и проѣзжихъ.

Шервудъ узналъ императора Александра Павловича, снявъ фуражку, вытянулся и замеръ, усиливаясь выправленіемъ плечъ и глазами обратить на себя вниманіе государя. Но было далеко, болѣе ста шаговъ; между мостомъ и частью тротуара, гдѣ остановился Шервудъ, появились новые прохожіе, заслонившіе его. — «Нѣтъ, онъ меня и отсюда примѣтитъ, узнастъ и подзоветъ, — пробѣгало въ мысляхъ у Шервуда:— не можетъ быть... онъ спроситъ и я ему скажу, что за него, за любимаго монарха, готовъ жизнь положить, умереть... О, пусть прикажетъ, брошусь на эту толпу съ моста, брошусь подъ его колеса. Онъ повелитъ не тянуть отсылки; дѣрзнулъ дни, часы...»

Коляска, плавно колыхаясь на высокихъ рессорахъ, съѣхала съ моста; кони прибавили рыси и понеслись по Невскому. Шервудъ, злобно толкая и чуть не сбивая съ ногъ удивленныхъ прохожихъ, бросился слѣдомъ за коляской, выскочилъ на мостъ, пробѣжалъ нѣсколько десятковъ шаговъ по улицѣ и, запыхавшись, путая несвязныя слова, сталъ нанимать извозчика.

— Куда, баринъ? — отозвался ванька на одиночной гитарѣ-дрожкахъ.

Шервудъ указывалъ путь, гдѣ чуть виднѣлся мелькавшій между другими пробѣжими бѣлый плюмажъ императора.

— Четвертачокъ, ваше сіятельство.

Шервудъ остановился.

«Тѣфу ты, чортъ, глупости, безуміе!—сказалъ онъ себѣ, ономнившись, — развѣ можно? и кто рѣшился бы обгонять государя? Еще замѣтятъ, арестуютъ, потащатъ къ тому же Аракчееву...»—Онъ оглянулся: два другіе извозчика, подойдя съ развальцемъ, косились на него, перемигиваясь. Отъ ближней будки, важно опершись на рыцарскую алебарду и позѣвывая, шурился на него сонный, въ веснушкахъ и рыжій, чухонецъ-городовой.

Шервудъ бросился на другую сторону улицы, вмѣшался въ толпу, прошелъ мимо театра на набережную, добрался до Гороховой и снова безъ цѣли пустился по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

«Такой былъ счастливый, рѣдкій случай, — разсуждалъ онъ съ бѣшенствомъ:— и пропалъ, пропалъ безъ слѣда. Вотъ проклятая судьба! И изъ-за чего медлитъ этотъ Аракчеевъ? какіе еще нужны ему справки, допросы? и хоть бы звалъ;

нѣтъ, молчить. Или государь охладѣлъ къ моему важному открытію, раздумалъ, все по добротѣ забыть? Вотъ она, невѣроятная, сонная страна, — все сносить... Въ другомъ мѣстѣ почтили бы, озолотили-бъ!»

Миновавъ Сѣную и Мѣщанскую, Шервудъ направился къ Синему мосту, отсюда повернулъ опять вправо, по набережной Мойки. Темнѣло, зажигались фонари.

Сквозь рѣшетку небольшого двора онъ увидѣлъ уютный садикъ, красную черепичную кровлю однояруснаго дома и подъ крыльцомъ вывѣску: «Магазинъ модъ мадамъ Полинъ». Онъ остановился у калитки и долго смотрѣлъ во дворъ и на растворенныя окна дома, изъ которыхъ глядѣли горшки съ цвѣтами и неслошь щебетаніе канареекъ. Шервудъ разсуждалъ, войти или не войти? Но подъ какимъ предлогомъ и съ какою цѣлью? Причину выдумать не трудно; мало ли что можно сказать? «Явился, молъ, для передачи поклона отъ соотечественницы». Ему вспомнилась даже фамилія гувернантки Витвицкихъ, мамзель Шонъ. Но онъ не видѣлъ этой семьи, ничего о нихъ не знаетъ.—«Пустяги... Все такъ ловко можно сплести, представиться подъ чужимъ именемъ, наговорить любезностей и, между тѣмъ, много разнюхать и узнать. Нѣтъ,—сказалъ себѣ, раздумавъ, Шервудъ:—много опасностей, да и дѣло такое; у другихъ и впрямь не повернулся бы языкъ... предательство противъ чуждыхъ заговору, постороннихъ женщинъ. Прочь, прочь отъ проклятаго новаго соблазна!—прибавилъ онъ, уходя:—вонъ изъ этого мертваго Петербурга, отъ этихъ каменныхъ, могильныхъ громадъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Шервудъ ускорилъ шаги, дошелъ до Литейной, заперся у себя въ комнатѣ на постояломъ и старался заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Его мысли дразнили намекъ Аракчеева—еще что-либо провѣдать и разузнать въ Петербургѣ... «Вѣдь можно бы, отчего не попробовать?»

«И въ самомъ дѣлѣ,—разсуждалъ онъ,—не оттого ли замедлялось и мое отправленіе обратно на югъ? Почему, разбирая все поистинѣ, меня такъ долго не звали ни къ графу, ни въ штабъ? почему не снабжали прогонами и послѣдними инструкціями по открытому мною дѣлу? Неужели и по-правдѣ могли меня окончательно забыть, мною иренсбрегли?»—Данныя ему подъемныя деньги были давно на исходѣ. Онъ немало потратился на обмундировку, еще болѣе разсорилъ

безъ толку, проигралъ на бильярдѣ. Надо, однако, терпѣть, надо ждать.

И опять начались шатанія по Петербургу.

Шель однажды Шервудъ поздно вечеромъ, послѣ долгаго сидѣнія въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ спустилъ, за вкуснымъ обѣдомъ, съ приправой изрядной выпивки, немало изъ послѣднихъ денегъ. Онъ шель нѣхотя, тяжело. Въ головѣ былъ досадный туманъ. Пыльный воздухъ душныхъ улицъ тѣснилъ его дыханіе.

— Иванъ Ивановичъ! отецъ родной! васъ ли имѣю удовольствіе видѣть?—послышался сзади его знакомый голосъ.

Шервудъ оглянулся. У его ногъ былъ спускъ въ винный подвалъ. На нижней ступенькѣ спуска стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, сѣдой, сгорбленный старикашка, въ синемъ фракѣ, съ потертыми бронзовыми пуговицами. Въ другой рукѣ старика была связка копченой рыбы и еще какихъ-то припасовъ.

Шервуду вспомнилось что-то отдаленное, щемившее его сердце, и онъ вздрогнулъ отъ радости: передъ нимъ былъ, столько благоволившій къ нему, дворецкій Ушаковыхъ, Антипычъ.

— Какими судьбами?—спросилъ Шервудъ:—вотъ неожиданно... здѣсь?..

Маленькое, гладко выбритое лицо Антипыча, въ длинныхъ пушистыхъ, бѣлыхъ бакенахъ, блаженно улыбалось.

— Вотъ, сударь, Иванъ Ивапычъ,—отвѣтилъ дворецкій, указывая шляпой на навьюченную бричку, стоявшую невдали у перекрестка двухъ улицъ:— на своихъ, батюшка, доморослыхъ прибылъ... баринъ съ порученіями и за покупками изволилъ прислать изъ деревни. Ну, справившись, запасся въ дорогу харчишками... вышилъ бутылочку пивца, да и еще захотѣлось вотъ на дорогу прихватить; анъ, гляжу, вы и шестуете... батюшка, отецъ родной!

— Очень радъ, Антипычъ, позволь мнѣ тебя на радости угостить!—сказалъ, спускаясь по стоптаннымъ ступенькамъ подвала, Шервудъ:— вотъ сюда, сюда... иди, поговоримъ, угошу!.. радъ...

Онъ ввелъ Антипыча въ особую заднюю горенку погреба, ощупалъ въ карманѣ нѣсколько уцѣлѣвшей мелочи, усадилъ ликующего старика у столика и потребовалъ польскаго пива. Пиво со стойки подали теплое, пѣна брызнула на столъ и на платье Шервуда.

— Не вѣрится!—сказаль онъ, взглядываясь въ знакомаго ушаковскаго пріятеля.

Столько дорогихъ, сладкихъ воспоминаній зароилось въ его мысляхъ.

— И я, сударь, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ Антипычъ, осушивая стаканъ и утираясь клѣтчататымъ, бережно-сложеннымъ платкомъ:—смотри—анъ и правда, вы же; какъ здѣсь? Чай, въ гвардіи, скоро въ офицеры?

— Нѣтъ, еще не въ гвардіи, но есть, понимаешь, вѣрная надежда перейти... А ты, старина, ну-ка расскажи о вашихъ... что барышня? охъ, наболѣло сердце... ты вѣдь знаешь.

— Какъ, сударь, не знать! Изошли горемъ и мы всѣ по васъ съ нею... было барышнѣ отъ тятеньки такого, что Боже помилуй и упаси... натерпѣлась, сердечная!

Шервудъ молча и мрачно слушалъ. Онъ кое-что уже зналъ о роковой развязкѣ съ соблазненной имъ дѣвушкой, о гоненіяхъ, перенесенныхъ ею, о ея мукахъ и отчаяніи. Слова Антипыча били по немъ, какъ раскаленное желѣзо.

— Проклятая судьба,—вскрикнулъ онъ, стукнувъ рукой по столу:—чѣмъ поправить дѣло, какъ его повернуть? скажи, гдѣ она теперь?

— Дома-съ... гдѣ же барышнѣ и быть? Въ ту пору увозили ихъ къ тетушкѣ въ Москву, теперь на зиму собираются сюда, въ Питерь. Я и квартиру барину нанялъ, въ Коломнѣ, если знаете, у Сухарнаго моста. Дяденька ихъ тутъ по близости на службѣ, въ морякахъ генераломъ. Думаютъ барышню вывозить, замужъ выдать; есть и женихъ,—прибавилъ Антипычъ хмелья.

Лицо Шервуда покрылось багровыми пятнами.

— Шей, голубчикъ, шей,—шепталъ онъ, слушая и подливая Антипычу.

Тотъ не отказывался и безъ умолку говорилъ. За бутылкой подали еще пару, и еще. Когда знакомцы вышли изъ погреба, было уже совсѣмъ темно. Нагруженная бричка Антипыча чуть виднѣлась въ глубинѣ улицы, со спавшимъ на козлахъ конюхомъ.

— Кланяйся барышнѣ, скажи ей,—проговорилъ Шервудъ и смолкъ,—скажи: нерадостно, плохо пока и мнѣ...

Злоба и бѣшенство душили его.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... благодаримъ за угощеніе, —раскланивался Антипычъ, сѣвъ въ бричку и оттуда

помахивая шляпой:—оченно по васъ скучаютъ... и все ждутъ... скоро ли будете?

— Скоро, — крикнулъ Шервудъ, вслѣдъ за бричкой, загремѣвшей по опустѣлой улицѣ:—теперь ужъ скоро... такъ и скажи.

Антипычъ что-то отвѣтилъ, высунувшись изъ-подъ низкаго кузова и даже стукнувшись о него головой, но его голоса уже не было слышно.

«Такъ вотъ оно что!—сказалъ себѣ Шервудъ, оставшись на тротуарѣ:—сюда переѣзжаютъ, дядя сулитъ жениховъ... А я съ моими ожиданіями, замыслами, борьбой? Неужели же все кончено, и я, какъ глупый камень, иду ко дну? Нѣтъ, не поддамся, не быть ей за другимъ. Помѣряемся еще съ судьбой...»

Иванъ Ивановичъ помедлилъ, какъ бы что-то соображая, разглядѣлъ мѣсто, гдѣ стоялъ, освѣдомился у прохожаго, озабоченнаго чиновника, который часъ, и повернулъ прямо къ недалеиой Мойкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова стоялъ у двора, съ садомъ и рѣшетчатой оградой, и вошелъ на крыльцо магазина модъ. Шервудъ позвонилъ, вышла горничная.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Мадамъ Полинъ.

— Отъ кого вы?

— Изъ Малороссіи; скажите, съ поклономъ отъ знакомой пріятельницы вашей хозяйки.

Горничная скрылась. Въ окнѣ, ближемъ къ крыльцу, поднялась занавѣска; окно отворилось. Изъ него, со свѣчей въ рукѣ, выглянула красивая, высокая и смуглая особа, съ живыми плутовскими черными глазами и съ черными усиками, лѣтъ двадцати пяти, въ нарядномъ чепчикѣ и модномъ бѣломъ капотѣ.

— Отъ кого?—спросила она по-русски, съ иностраннымъ выговоромъ.

— Отъ вашего друга, мамзель Шонъ, — отвѣтилъ, тоже раскланиваясь и старательно отчеканивая слова, Шервудъ:—я случайно въ Петербургѣ, мнѣ поручено передать вамъ поклонъ... и я съ особымъ удовольствіемъ...

— Прошу, войдите, — сказала хозяйка.

Шервудъ, не задумываясь, вошелъ. Мадамъ Полинъ передъ тѣмъ хлопотала у чайнаго стола.

— Какъ и гдѣ вы видѣли Элизъ Шонъ?—спросила она, поглядывая на гостя.

Шервудъ въ общихъ словахъ легко и весело передалъ ей цѣлую легенду о томъ, какъ онъ будто бы ѣхалъ по службѣ изъ Кіева въ Петербургъ, какъ у его телѣжки сломалась ось и какъ онъ, совершенно случайно попавъ въ деревню Витвицкихъ, засталъ у нихъ своего сослуживца Бестужева-Рюмина и прогостилъ тамъ цѣлыя сутки, причемъ познакомился съ невѣстой Бестужева и съ ея гувернанткой, мамзель Шонъ. — «Боже, какъ вру!» думалъ онъ, сыпля этими увѣреніями.

— Да, Витвицкая сговорена и скоро ихъ свадьба,—сказала Полинъ, наливая гостю чай: — вы отъ Элизъ вѣрно знаете—и я выхожу замужъ.

— Слышалъ и отъ души поздравляю, — произнесъ, вѣжливо кланяясь, гость.

— Вы сейчасъ, вѣроятно, увидите и моего жениха,—съ сь гордою радостью объявила хозяйка.

Шервудъ помертвѣлъ. Онъ не ожидалъ возможности встрѣтить здѣсь самого Анненкова, притомъ, съ ужасомъ, онъ сталъ замѣчать, что пиво, распитое съ Антипычемъ, начинало сильно въ немъ отзываться. Его голова кружилась, въ глазахъ прыгали огоньки. Веселая уютная комната колыхалась передъ нимъ и голосъ милой, болтливой хозяйки звучалъ гдѣ-то не здѣсь, далеко. Онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ, близъ котораго сидѣлъ: его лицо было блѣдно, волосы въ беспорядкѣ. Онъ съ улыбкой сталъ разглаживать себѣ виски, стараясь сидѣть прямо и не потерять сознания.

— Что же тамъ, на югѣ, лучше, чѣмъ здѣсь? не правда ли, тамъ теплѣе?—спросила Полинъ.—Элизъ пишетъ мнѣ, что тамошнія мѣста напоминаютъ нану Францію... Я, москѣ, изъ Нанси, — лепетала разговорчивая француженка, мой отецъ былъ полковникъ старой гвардіи, убитъ въ Испаніи, въ войнѣ съ гверильясами, когда мнѣ пошелъ четвертый годъ... онъ былъ храбрый, красивый офицеръ... И я помню моего отца... Такихъ храбрецовъ мало на свѣтѣ. Послѣ него мы обѣдѣли, я стала учиться шить, попала въ Россію, и въ Москвѣ поступила первою мастерицей въ магазинъ модъ Дюмонси, на Кузнецкомъ мосту.

Шервудъ, вглядываясь въ черные, сверкашіе передъ нимъ глаза и красивые усики Полинъ, дѣлалъ невѣроятныя усилія,

чтобы слушать ее и не задремать.—«Кузнецкій мостъ, гверильясы... усики!»—вертѣлось въ его умѣ.

— О, я все это знаю! — вдругъ сказалъ онъ, странно улыбаясь: — знаменитая гвардія, великій императоръ, храбрые патріоты... Вамъ, вѣроятно, скучно здѣсь? такая дикая, холодная страна... ледъ, даже пиво здѣсь... теплое... право...

Гдѣ-то ему послышался звонкій, раскатистый хохотъ. Шервудъ въ удивленіи очнулся и раскрылъ глаза. Передъ нимъ, откинувшись на стулъ, заливалась смѣхомъ Полинъ.

— О, мой Богъ! — хохотала она: — вы устали, у васъ вѣрно было много хлопотъ?

— Нѣтъ, ничего... напротивъ... Но позвольте, гдѣ вы познакомились съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ?

— Онъ былъ въ Москвѣ, за ремонтомъ... не хотите ли чаю? я бы послала за извозчикомъ, — произнесла Полинъ, подавляя смѣхъ и стараясь ободрить растерявшаго гостя: — о, какая я несносная, смѣшная...

Шервудъ всталъ. — «Скорѣе отсюда, скорѣе! — думалъ онъ,—еще придетъ этотъ ея женихъ, догадается, уличить».

— Порученій какихъ не будетъ ли?—спросилъ онъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Развѣ мосье скоро ѣдетъ?

— Завтра же... экстренно... на фельдъегерскихъ.

— И вы опять будете тамъ, у Витвицкихъ?

— Сочту, сударыня, священнымъ долгомъ заѣхать.

Отъ природы добрая, Полинъ съ участіемъ смотрѣла на статнаго, утомленнаго и, какъ она угадывала, нѣсколько охмелѣвшаго, молодого воина.

Почему-то ей припомнился ея отецъ, также когда-то, какъ она слышала, особенно въ походахъ, любившій водить компанію и выпить съ друзьями.

— Зайдите завтра, — сказала она, подавъ руку гостю: — я приготовлю къ Элизѣ письмо.

Шервудъ ловко шаркнулъ, даже поцѣловалъ протянутую ему руку и вышелъ. Отъ воротъ ему навстрѣчу показались двое, штатскій и офицеръ; они сошлись у угла палисадника. Свѣтъ отъ крылечнаго фонаря далъ имъ возможность нѣсколько разглядѣть другъ друга. Ночной воздухъ быстро освѣжилъ Шервуда. Увидѣвъ офицера, онъ снялъ фуражку и въ полъ-оборота сталъ во-фронтъ.—«Не Анненковъ» — подумалъ онъ, узнавъ въ офицерѣ того преображенскаго пол-

ковника, князя Трубецкого, котораго встрѣтилъ, въ памятный вечеръ, на лѣстницѣ Зимняго дворца и о которомъ ему сказала дворцовый сторожъ.

— Иванъ Александровичъ здѣсь? — спросилъ, отдавая честь, Трубецкой, видѣвшій, что стоявшій передъ нимъ унтеръ-офицеръ вышелъ съ крыльца Полянъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... ихъ ожидаютъ.

— Et vous, cher, vous attendrez? — проходя къ двери, спросилъ спутника князь Трубецкой.

— Могу, если недолго, — отвѣтилъ тотъ также по-французски: — впрочемъ, вѣдь здѣсь я сосѣдь...

«Кто этотъ второй? — продолжалъ разсуждать о штатскомъ Шервудъ: — ужли оба они, какъ и Анненковъ, члены тайнаго общества, заговорщики? И этого преображенца допускаютъ во дворецъ! Какая неосторожность! но штатскій? Трубецкой тогда во дворецъ тоже шель съ штатскимъ... этотъ молодеж, чернявый; то былъ лысый и въ звѣздѣ... Есть ли ихъ имена въ моемъ спискѣ? какъ узнать, кого спросить?»

Шервудъ перешелъ на другую сторону Мойки и сталъ бродить по набережной, отъ Синяго моста до Гороховой, поглядывая на оставленный домъ. Прошелъ часъ, другой. Мѣсяцъ взошелъ давно, но былъ въ облакахъ. Улицы болѣе и болѣе стихали; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ. Изрѣдка доносился грохотъ колесъ съ Невскаго проспекта.

Вдругъ стукнула калитка. Изъ наблюдаемаго двора вышли три фигуры. Шервуду черезъ рѣку было видно, что двое изъ вышедшихъ были въ военныхъ шинеляхъ, третій въ гражданской бекешѣ; одинъ изъ военныхъ направился вправо къ Гороховой, другой военный, въ сопровожденіи штатскаго, пошелъ лѣво, къ Синему мосту. — «Теперь узнаю» — рѣшилъ Шервудъ.

Онъ, съ забившимся сердцемъ, направился за послѣдними путниками и въ одномъ изъ нихъ опять разглядѣлъ Трубецкого. Они миновали, за Синимъ мостомъ, первый домъ отъ угла по набережной и у подъѣзда второго дома остановились. Военный пошелъ далѣе, а штатскій вошелъ въ дверь подъѣзда, надъ которымъ была вывѣска: «Россійско-американская компанія».

До слуха Шервуда донеслись лишь нѣкоторыя выраженія изъ разговора этихъ двухъ лицъ. — «Такъ онъ ѣдетъ?» — спросилъ штатскій. — «Уже уѣхалъ» — отвѣтилъ военный. «И

Діонисіево ухо?»— «И онъ... уже вторыя сутки въ деревнѣ! но, вѣроятно, увидятся; тотъ заѣдетъ по пути». — «Надо раз- узнать фамилію штатскаго?»— рѣшилъ Шервудъ, увидя двор- ника, подметавшаго у крыльца набережную.

— Скажи, любезный, какъ отсюда пройти въ Коломну?— спросилъ онъ.

Дворникъ объяснилъ. Шервудъ вынулъ изъ кармана и далъ ему мѣдный пятакъ.

— Благодарствую... не здѣшніе? — спросилъ, кланяясь, дворникъ.

— На побывку, изъ лагеря, — отвѣтилъ Шервудъ: — дя- денька тутъ у Сухарнаго моста... а кто этотъ баринъ?

— Какой?

— Чтѣ вошелъ сейчасъ на подѣздъ.

— Вамъ на чтѣ?

Шервудъ смѣшался, но, принявъ добродушный видъ, даже поднялъ съ мостовой какую-то соринку и сталъ ее разсматривать.

— Такъ, — отвѣтилъ онъ: — его тоже хотѣлъ спросить про дорогу, да не посмѣлъ.

— Чего не смѣтъ?.. да-а-брѣющая душа! секлетарь нашъ... Рылѣвъ баринъ — проговорилъ дворникъ, подбрасывая на ладони пятакъ.

Шервудъ при этомъ имени чуть не вскрикнулъ отъ радости. Онъ вспомнилъ слова Аракчеева. Точно пукъ яркихъ лучей вдругъ вспыхнулъ передъ нимъ. Радужные горизонты, одинъ другого ярче и заманчивѣе, мгновенно встали, завол- новались передъ его воображеніемъ. — «Наконецъ-то еще, и какое открытіе, какое!» — сказалъ онъ себѣ: «связь ясна... вотъ мѣсто ихъ сходокъ, — всѣ, и сатирикъ, и будущій дик- таторъ. Теперь окончательно меня выслушаютъ и рѣшатъ!»

— Ты говоришь, Рылѣвъ? — спросилъ онъ дворника.

— Такъ точно.

— А имя?

— Кондратій Ѳеодоровичъ... тутошный, питербургскій, изъ деревни Батово, чтѣ возлѣ Рожествина. Матушка у него тамъ, а онъ тутъ служить.

— Женатъ?

— Съ женою и махонькою дочкою.

— И баринъ хорошій? можно, коли надо, просить?

— Приди, увидишь... всякому помогаетъ, нищему, по дѣлу и такъ... Да-а-брѣющая душа... <http://rca.org.pl>

Шервудъ далъ дворнику еще пятакъ и сперва тихо, потомъ шибче пошелъ къ Поцѣлуеву мосту, обогнулъ уголъ, пустился бѣгомъ, добрался до Офицерской, крикнулъ встрѣченному извозчику: «на Литейную, будетъ на водку!»—сѣлъ и помчался, полный радостныхъ надеждъ.

Сунувъ извозчику полтинникъ,—последній и окончательно последній, какъ онъ рассчиталъ въ умѣ, — Шервудъ вбѣжалъ въ свой номеръ, не зажигая свѣчи, наскоро раздѣлся и легъ на жесткій продавленный диванъ, служившій ему постелью. Его мучила жажда. Онъ всталъ, ница воды, замѣтилъ какую-то бутылку и жадно изъ нея потянулъ. Ему обожгло горло. Въ бутылкѣ былъ остатокъ рома отъ пунша, которымъ онъ изрѣдка себя угощалъ.—«А, чортъ!»—подумалъ онъ и, еще вдоволь потянувъ изъ бутылки, опять легъ. Комната весь день не освѣжалась и воздухъ въ ней, отъ недалекой кухни и смежнаго коридора, полного заѣзжей прислуги, былъ спертый, душный. Шервудъ этого не замѣтилъ. Хмель туманилъ его отяжелѣвшую голову; въ рукахъ и ногахъ онъ чувствовалъ жаръ, а стиснутые зубы постукивали въ нервномъ ознобѣ, несмотря на давящее комнатное тепло.

Мѣсяцъ вышелъ изъ облаковъ. За тусклымъ, испачканнымъ мухами, окномъ виднѣлся трактирный дворъ, запруженный телѣгами, лошадьми у коновязей и всякимъ хламомъ.

Подъ окномъ торчала старая, съ обломанными вѣтвями, береза. Сквозь ея тощую, покрытую слоемъ пыли, листву, въ комнату нанскось свѣтили блѣдые лунные лучи.

Шервудъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ съ злобной досадой слѣдилъ, какъ билась кровь въ его вискахъ и какъ тяжелое, мучительное содроганіе леденящимъ гнетомъ пробѣгало по немъ съ головы до пяты.

«Все кончено, все открылъ! провѣрилъ, улучилъ! — радостно думалъ онъ, съ трудомъ сдерживая трясущійся подбородокъ, — и, вѣдь, какъ успѣшно, безъ заминокъ, на чистоту! Имъ хотѣлось Сперанскаго, вотъ онъ; Трубецкой, съ этимъ Сперанскимъ, удостоился въ тотъ вечеръ быть во дворцѣ, а сегодня этотъ же Трубецкой у Полины, то-есть у Анненкова... Графъ золь на Рылѣва за пасквиль... и этотъ попался здѣсь же... все свои... Ха, ха! вожаки, будущіе республиканскіе министры, Мараты, Робеспьеры... ха, ха!»

Шервудъ отрывисто и громко размѣлся, но вдругъ поднялся на диванъ и сѣлъ. — «Вспомнилъ, вотъ когда вспомнилъ, о чемъ надо было тогда сообщить государю!» — сказалъ онъ себѣ съ досадою: — «этого самаго Трубецкого, да! именно его прочили въ Каменкѣ, на случай бунта войскъ, въ диктаторы... Пестель такъ именно и говорилъ. И его-то я тогда встрѣтилъ на лѣстницѣ! Завтра же, пораньше, чуть свѣтъ, все залишу и къ графу... Вотъ открытіе, вотъ сѣпленіе счастливыхъ, рѣдкихъ обстоятельствъ... Только пить, кажется, и бумаги, и чернилъ, всѣ вышли... Придется будить этихъ олуховъ; пойдутъ въ контору, поднимутъ изъ-за такой мелочи хозяина, а я ему задолжалъ за комнату и харчи... Чернильница, впрочемъ, есть, но окончательно высохла; ткнешь перо, а оно сухое, только муха окаянная вылетитъ и жужжить, проклятая, такъ противно... Тѣфу, сколько мухъ!» — мыслилъ Шервудъ, плюя и гадливо прислушиваясь къ шороху и неугомонной вознѣ мухъ, по обычаю толкавшихся въ духотѣ, у окна и подъ потолкомъ.

На секунду ему показалось, что онъ успокоился и заснулъ. Настала такая отрадная, ласкающая тишина. Мухи и собственные назойливыя мысли исчезли.

Озаренная мѣсяцемъ комната, съ огромною изразцовою печью, комодъ, гдѣ торчало зеркальце, и допитая бутылка съ ромомъ, расшатаанный стулъ, у двери, съ брошеною на него солдатскою шинелью, все это также будто застлалось туманомъ и куда-то скрылось. Шервудъ почувствовалъ, какъ выступалъ на его лицѣ потъ, медленно скатываясь крупными каплями по носу и щекамъ. Онъ думалъ: «Такъ капать теплая, свѣжая кровь».

Ему вдругъ представилось страшное зрѣлище казни, видѣнной имъ весною, въ бытность въ Новомиргородѣ.

Военный полевой судъ осудилъ тогда пойманнаго дезертира—поляка. Это былъ еще молодой, бѣлокурый и простодушный съ виду рекрутокъ. Его схватили гдѣ-то на границѣ съ Австріей и возвратили, для суда и наказанія, въ полкъ. Приговоръ аудиторіата къ разстрѣлянью былъ замѣненъ прогнаніемъ сквозь двѣ тысячи человѣкъ. Съ хмурыми, строго понуренными лицами, солдаты молча взмахивали рукой. Свѣжіе, съ зелеными почками, прутья лозы, нарѣзанной въ ближнихъ плавняхъ, притонахъ голосистыхъ иволгъ и соловьевъ, страшно взвизгивали въ тепломъ, пахучемъ

воздухъ. Рекрутъ уже не шелъ. Его полумертваго, съ блѣднымъ, кротко-покорнымъ лицомъ и слипшимися, отросшими въ тюрьмѣ волосами, везли между рядовъ на какой-то двухколесной дыбѣ. Удары падали.

«Стой! — вдругъ раздался чей-то властный, громкій голосъ:— не такъ бьете! артиллерію, пушки сюда, картечь!»— Толпа разступилась. Шервудъ понялъ, что это скомандоваль онъ самъ, и увидѣлъ на себѣ офицерскій мундиръ и красивые, торчавшіе крыльями, эполеты. Выдвинулись откуда-то двѣ полевыя пушчонки. Испуганные артиллеристы стали съ зажженными фитилями. Рекрута болѣе не было видно. На его мѣстѣ была кучка офицеровъ разнаго оружія, капитаны, полковники, интенданты, генералы. Они въ разстегнутыхъ мундирахъ, безъ шпагъ, шляпъ обнимались, что-то говорили другъ другу и что-то кричали удивленнымъ солдатамъ. Шервудъ узналъ между ними Муравьевыхъ, Вадковскаго, Пестеля и Бестужева.— «Предатель! вонъ онъ, измѣнникъ! — закричалъ изъ толпы, указывая на него товарищамъ, Вадковскій:— чрезъ него мы гибнемъ!» Шервудъ оглянулся на пушки и махнулъ рукой. Раздался визгъ картечи. Въ толпѣ офицеровъ упало нѣсколько человекъ. Чѣмъ-то теплымъ брызнуло въ глаза и на щеки Шервуда...

Онъ очнулся, хотѣлъ встать, раскрыть глаза и не могъ пошевелиться.— «Боже, хоть бы каплю воды!»— мучительно подумалъ онъ, томимый жаждой, будучи не въ силахъ отереть мокраго, потнаго лица. Съ усиліемъ онъ оглянулся по комнатѣ и не узналъ ея. Что-то странное, новое на мгновеніе обрисовалось передъ нимъ и опять исчезло.

Та же ночь. Но гдѣ это?.. Шервудъ увидѣлъ, что онъ лежитъ въ пріятно-сырой, росистой травѣ, между деревьевъ. Сквозь нависшія вѣтви чуть свѣтилъ мѣсяцъ. Пахло болотомъ, слышалось журчаніе студенаго лѣснаго ключа. Шервуду и пить страшно хотѣлось, и онъ кого-то, съ замираніемъ сердца, какъ бы ожидалъ. Сюда въ лѣсную глушь должна была къ нему придти Зина Ушакова.— «Еще услѣю, — мыслилъ онъ, съ страстнымъ содроганіемъ:— а теперь хоть бы глоточекъ...» Онъ бросился сквозь чащу деревъ и очутился на круглой, чуть освѣщенной полянкѣ. Сверкала свинцовой зыбью одна поверхность ключа, обросшаго сочными, длинными травами и камышомъ. Онъ присѣлъ на корточки,

ухватился за траву, жадно припалъ ртомъ къ водѣ и увидѣлъ нѣчто ужасное, необъяснимое.

По зыбкой глади воды суетливо бѣгали какіе-то, съ мохнатыми лапами и брюхами, сѣрые проворные пауки. Они шныряли въ одну сторону; имъ навстрѣчу и наискось, шевелясь, скользили другіе. Шервудъ вспомнилъ, какъ солдаты на постоѣ у крестьянъ пьютъ квасъ съ тараканами. Онъ, усмѣхнувшись, подулъ на пауковъ; тѣ разбѣжались. Онъ еще ниже склонился къ ручью и въ ужасѣ замеръ.

То, что онъ принималъ за воду, оказалось не водой, а сплошнымъ комомъ гадовъ, которыхъ онъ отъ рожденія такъ всегда боялся. Клубни сѣрыхъ, большихъ и малыхъ змѣй шевелились круглыми, лоснящимися спинами. Нѣкоторыя змѣи высывались плоскими головками изъ кучи другихъ и шипѣли. Шервуду въ то же время послышался за деревьями голосъ Зины: «сюда, сюда! да гдѣ же ты?» Онъ рванулся, выпутался изъ травы и, въ дикомъ страхѣ, бросился бѣжать, но попалъ, очевидно, не туда. Деревья преграждали ему путь. Онъ пробирался сквозь ихъ цѣпкія вѣтви, явственно слыша настигавшій его противный шелестъ гадовъ. Плоскія головки мелькали въ листьяхъ, хрустѣли подъ ногами Шервуда; онъ съ бѣшенствомъ ихъ давилъ. Сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ вырвался на опушку темнаго лѣса.

Разсвѣтъ еще не начинался. Надъ болотистымъ полемъ кое-гдѣ висѣлъ туманъ. Шервудъ побѣжалъ — трусливымъ зайцемъ, какъ онъ самъ подумалъ въ это мгновеніе. Вода шлепала и брызгала изъ-подъ его ногъ. Ступни вязли въ тинѣ. Онъ завидѣлъ домъ Ушаковыхъ, домчался до лѣстницы, вскочилъ въ комнату, но негдѣ дѣться. Весь полъ укрытъ змѣями, по стѣнамъ ползаютъ пауки. Онъ взобрался на диванъ, поджалъ подъ себя мокрая, испачканныя грязью, ноги и накрылся съ головой шинелью, даже для удобства прихватилъ край шинели зубами. Шелестъ гадинъ не прерывался.

«Въ коридоръ, на чердакъ! — подумалъ онъ, — тамъ у кухни лѣстница; заберусь на самый верхъ». Онъ бѣгалъ впопыхахъ по чердаку, ощунью забился въ уголь, подъ печную трубу, и въ трепетѣ притаился. На чердакѣ была тьма. И вдругъ онъ почувствовалъ, что подъ его рубашку вползаетъ что-то холодное, скользкое и, расправляясь, шевелится по его спинѣ. На плечи ему упала какая-то безобразная, мертвящая тяжесть.

Шервудъ отчаянно, дико вскрикнулъ и проснулся. Начи-

налось утро. Передъ диваномъ стоялъ съ разносной книгой будочникъ, теребя Шервуда за плечо.

— Пакетъ вамъ, — произнесъ босой, въ одномъ бѣльѣ, заспанный половой, стоя возлѣ будочника.

Шервудъ опомнился, всталъ, протеръ глаза и поднесъ пакетъ къ окну. То была повѣстка изъ штаба явиться въ тотъ же день за полученіемъ подорожной и «экстраординарной суммы» на немедленный отъѣздъ.

Росписавшись въ книгѣ, Шервудъ отпустилъ будочника, прошелся по комнатѣ, надѣлъ шинель и взглянулъ на пологого. Усталость и хмельный бредъ мигомъ бросили его.

— Видишь, братъ? будутъ деньги, и большія! — сказала онъ, тормоша озадаченного пологого и смѣясь торжествующею, гордою улыбкой: — самоваръ, пушику... бриться, мыть-ся... мигомъ!

Въ чистомъ бѣльѣ и въ новой парѣ, Шервудъ, щеголемъ, къ началу присутствія, явился въ штабъ, получилъ заготовленные бумаги, пересчиталъ пачку врученныхъ ему ассигнацій, росписался въ ихъ полученіи и съ легкимъ сердцемъ вышелъ въ переднюю, наполненную просителями и сторожами.

«Нѣтъ, шутишь, сразу не выѣду! — думалъ онъ, тыча деньги въ карманъ, — теперь прежде всего закусочка; ловится лососина; соляночку съ перцемъ и огурцами, изъ селедки формакъ... На углу Караванной вкусно дѣлаютъ, да рюмочку-другую полынной, да бальзамцу... а тамъ и къ графу съ новымъ, дорогимъ для него открытіемъ».

Въ кучкѣ сторожей-инвалидовъ въ передней штаба шелъ разговоръ.

— Позавчера онъ, сердечный, былъ — именинникъ, а нынче уже и въ путь.

— Кто именинникъ? — надѣвая перчатки и рисуясь въ перетянутомъ мундирчикѣ, шутливо и весело спросилъ Шервудъ: — можетъ, и я именинникъ, угощу.

Инвалиды молча и недовѣрчиво на него поглядѣли.

— Да кто же, братцы, именинникъ? — повторилъ Шервудъ, чувствуя, что ему особенно весело, и желая, чтобы такъ же весело было и другимъ.

— Тезоименитство его величества было третьяго дня, — отвѣтилъ старшій, въ сѣдыхъ бакенахъ, инвалидъ, вставая передъ молодцоватымъ унтеромъ: — да вотъ ребята маракуютъ, ѣдетъ уже нынче его величество.

— Куда?—удивился Шервудъ.

— Въ Таганрогъ.

— И это вѣрно?

— Второй день подстава готова до самаго Новгорода; сказывали намеренн фельдъегеря, что къ графу заѣдетъ.

— Развѣ графъ не въ городѣ?

— Въ Грузинѣ. Со вчерашняго дня ему туда всѣ бумаги шлютъ.

— А его величество?

— Должно быть, въ Парскомъ.

Шервудъ вышелъ. Забывъ о закускѣ, онъ бросился на постоянный дворъ, расплатился съ хозяиномъ, уложилъ свои вещи, послалъ за тройкой, сѣлъ въ телѣгу и помчался, кратчайшимъ проселкомъ, въ Царское-Село.

«Безпосредственный корреспондентъ его величества, такъ имъ и скажу!—разсуждалъ онъ, подпрыгивая на телѣгѣ:—самъ государь соизволилъ,—должны допустить»...

Въ концѣ августа, въ Петербургѣ знали, что государь Александръ Павловичъ уѣзжаетъ съ больною императрицей на осень, въ Таганрогъ.

Подъ вліяніемъ вѣсти о болѣзни государыни, по городу ходило немало тревожныхъ толковъ. Многихъ смутилъ недавній пожаръ, истребившій церковь Спаса-Преображенія. На небѣ явились, одна вслѣдъ за другой, двигаясь съ сѣвера на югъ, двѣ кометы. Первая вскорѣ угасла. Въ этомъ увидѣли дурное предзнаменованіе.

Послѣдніе дни августа стояли, между тѣмъ, ясные, теплые. Въ Царскомъ-Селѣ все было давно готово къ отъѣзду, но государь почему-то медлилъ. Ему какъ-то не хотѣлось разставаться съ любимымъ царскосельскимъ дворцомъ, съ свѣтлыми прудами, тѣнистыми садами и рощами. Онъ кончалъ неотложныя дѣла, принималъ прощальные доклады министровъ и, переписываясь съ родными въ чужихъ краяхъ, былъ особенно пасмуренъ и неразговорчивъ.

Тридцать перваго августа, наканунѣ отъѣзда, государь всталъ рано, прошелся по ближнимъ аллеямъ, постоялъ у озера, подъ дубомъ, гдѣ любила отдыхать и читать его бабка Екатерина, бросилъ корму рыбамъ, полюбовался лебедями, сказалъ нѣсколько словъ старому садовнику, Ники-

тичу, и на доклад камердинера Федора: «кофій готовъ, пожалуйте»,—нехоти и медленно возвратился во дворець.

Послѣ кофе, государь, по обычаю, заперся въ кабинетъ, сѣлъ за письменный столъ и вынулъ изъ особой обложки пачку бумагъ. Онъ надъ ними задумался.

Изъ оконъ былъ виденъ край синяго неба, часть озера и развѣсистый старый дубъ, гдѣ государь только-что стоялъ; были видны одѣтыя красками осени, хотя еще въ листьяхъ, но уже кое-гдѣ тронутыя золотомъ и пурпуромъ, деревья сада.

Государь не смотрѣлъ ни на небо, ни на деревья и озеро. Онъ сталъ просматривать верхнюю изъ лежавшей передъ нимъ пачки бумагъ. То былъ роковой списокъ заговорщиковъ, привезенный Шервудомъ. Прочтя списокъ и дополнительные замѣтки Аракчеева, государь взялъ перо и листъ бумаги и началъ писать.

Неразлучная съ нимъ датская собака, Лордъ, дремала у его ногъ. Исписавъ страницу, Александръ вздохнулъ и остановился. Перо падало изъ его рукъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что почему-то видитъ плохо: слова, которыя онъ набрасывалъ, сливались передъ нимъ и путались. Онъ поднялъ голову.

Внезапно нашедшія тучи закрывали весь небосклонъ. Государь позвонилъ.

— Огня,—сказалъ онъ вошедшему слугѣ, снова принимаясь писать.

Слуга ушелъ, но медлил возвращеніемъ. Александръ нетерпѣливо позвонилъ опять. Были принесены двѣ зажженные восковые свѣчи.

«Вотъ она, сѣверная природа и сѣверные порядки!—подумалъ Александръ, съ досадой продолжая писать и мысленно уносясь къ югу:—осень въ началѣ, завтра только первое сентября, а здѣсь уже темно, какъ зимой. И ѣхать за тепломъ, за свѣтомъ въ такую даль! Великая ошибка Петра... Отчего не быть столицѣ въ Одессѣ, въ Таганрогѣ, въ Крыму?»

Облака, между тѣмъ, разсѣялись. Солнце снова явилось и весело глядѣло въ окна. Александръ не видѣлъ солнца. Его рука скользила по листу.

Лежавшій у стола Лордъ сердито, какъ бы сквозь сонъ, зарычалъ. Государь оглянулся и увидѣлъ, что вошедшій въ кабинетъ слуга осторожно изъ-за него убиралъ свѣчи со стола.

— Что это ты дѣлаешь, Федоръ?—спросилъ Александръ.

— Такъ слѣдуетъ, ваше величество.

— Но ты, по крайней мѣрѣ, хоть бы подождать, пока кончу писать... мѣшаешь, опять могутъ найти тучи...

— Негодится днемъ, ваше величество, зажигать свѣчей.

— Право? а я и не зналъ. Почему?

— Днемъ зажигаютъ свѣчи только надъ покойниками.

Слуга ушелъ. Александръ сидѣлъ неподвижно. Очнувшись, онъ изорвалъ написанное, вложилъ заботившія его бумаги, безъ всякой резолюціи, въ пакетъ, сунулъ его въ портфель, приготовленный для пути въ Таганрогъ, и снова вышелъ къ озеру, къ развѣсистому дубу. Ни въ Грузинѣ, ни въ Таганрогѣ Александръ болѣе не касался рокового пакета. Онъ былъ найденъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, безъ его помѣты, уже послѣ его кончины...

Часу въ третьемъ пополудни, перваго сентября, Шервудъ подѣхалъ къ Царскому-Селу. Оставивъ извозчика съ чемоданомъ, онъ направился ко дворцу. У воротъ его остановили.

— Куда?—спросилъ часовой.

— Къ самому государю... дѣло важное...

— Нельзя.

— Почему?

— Спроси начальство.

Шервудъ увидѣлъ толстаго гусарскаго поручика, сидѣвшаго на крылечкѣ гауптвахты. Поручикъ удивилъ Шервуда: онъ былъ въ полотняномъ, нараспашку, кителѣ, курилъ изъ витого, въ бисерномъ чахлѣ, чубука и беззаботно забавлялся съ стоявшею передъ нимъ на заднихъ лапахъ, рыжею, лохматою и безхвостю собачонкой.

— Ваше благородіе,—громко сказалъ, подойдя къ поручику и снимая фуражку, Шервудъ: — важное дѣло — безпосредственный его величества корреспондентъ.

— Что-о?—разсмѣялся офицеръ, выпустивъ изо рта клубъ дыма и весело закашливаясь.

Шервудъ повторилъ свои слова.

— Ну, соколикъ, опоздалъ,—произнесъ поручикъ, принимаясь опять посасывать изъ чубука: — государь еще съ вечера уѣхалъ въ Петербургъ, а теперь ужъ чай и подѣ Новгородомъ... А чтобъ безо... тьфу!.. не выговоришь... безо... средственному тебѣ, или какъ ты тамъ себя называешь, не напелести съ-цѣну еще какой чепухи, — ну-ка,

Кузьковъ, на покой его прохладиться!—крикнуть поручикъ, полуобернувшись жирною, бѣлою шеей въ сѣни кордегардіи, откуда уже выглядывалъ усатый и черный, въ сажень ростомъ, гусарскій фельдфебель.

— Да я, ваше благородіе... тутъ вещи, важныя бумаги, помилуйте...

— Ну, тамъ уже рѣшать, — заключилъ поручикъ, опять подзывая рыжую, лохматую собачонку, которая тѣмъ временемъ вѣжливо усѣлась-было въ сторонѣ.

Къ ночи, осмотрѣвъ бумаги Шервуда, дѣло разобрали, подумали и отпустили его. Онъ уже не возвращался въ Петербургъ, а выѣхалъ на югъ прямо изъ Царскаго. Государя, на пути изъ Петербурга, заѣхалъ въ Невскую Лавру. Отслуживъ здѣсь панихиду, онъ навѣстилъ лаврскаго схимника, постелью для котораго служилъ обитый чернымъ, съ атрибутами смерти, гробъ.

«Послушались бы меня, было бы иначе!—мыслилъ Шервудъ, ближе и ближе подвигаясь къ югу.—Успѣютъ ли прослѣдить, выловить виновныхъ?»

Пошли степи. Вотъ рѣка Сеймъ, города Харьковъ, Богодуховъ, Новомиргородъ. Вездѣ было тихо, жизнь катилась, повидимому, мирно, безъ заботъ.—«Эхъ, земляца, страна!—злбно сказалъ себѣ Шервудъ, завидя длинные, знакомые заборы, пустынные улицы и крышу полковаго двора: — и этакой услуги, такого открытія не оцѣнить!»

Осенью, 1825 г., изъ Таганрога разнеслась печальная вѣсть о тяжелой болѣзни императора Александра Павловича. Девятнадцатаго ноября того же года онъ скончался. О доносѣ Шервуда заговорили уже послѣ четырнадцатаго декабря.

ЗНАКОМСТВО СЪ ГОГОЛЕМЪ.

(ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМІНАНІЙ.)

Впервые въ жизни я увидѣлъ Гоголя за четыре мѣсяца до его кончины.

Это случилось осенью, въ 1851 году. Находясь тогда, въ концѣ октября, въ Москвѣ, съ служебнымъ порученіемъ бывшаго въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, я получилъ отъ стараго своего знакомаго, покойнаго московскаго профессора, О. М. Бодянскаго, записку, въ которой онъ извѣщалъ меня, что одинъ изъ нашихъ земляковъ-украинцевъ, г. А—й, котораго передъ тѣмъ я у него видѣлъ, предполагалъ пѣть малорусскія пѣсни у Гоголя и что Гоголь, узнавъ, что и у меня собрана коллекція украинскихъ народныхъ пѣсень, съ нотами, просилъ Бодянскаго пригласить къ себѣ и меня.

Нежданная возможность выпавшаго мнѣ на долю свиданія съ великимъ писателемъ сильно меня обрадовала. Авторъ «Мертвыхъ душъ» находился въ то время на верху своей славы, и мы, тогдашняя молодежь (мнѣ въ то время было двадцать-два года), питали къ нему безграничную любовь и преданность. У меня съ дѣтства не выходило изъ головы добродушное обращеніе къ читателямъ пасѣчника Рудаго-Панька.—«Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ,—писалъ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» веселый пасѣчникъ:—то заверните ко мнѣ; я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ».

Это забавное приглашеніе, какъ я помню, необыкновенно заняло меня въ деревнѣ моей бабки, гдѣ ея слуга Абрамъ,

учившійся передъ тѣмъ въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому знавшій грамотѣ, впервые прочелъ мнѣ, шестилѣтнему мальчику, украинскія повѣсти Гоголя; но я не могъ принять приглашенія Рудаго-Панькѣ. Въ 1835 году у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, верхомъ на которой я гарцовалъ по саду, и въ то время я отлучался изъ родного дома не далѣе старой мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался, съ выгона, въ моей дѣтской комнатѣ.

Я тогда былъ въ полной и искренней увѣренности, что на свѣтѣ, дѣйствительно, гдѣ-то, въ сельской, таинственной глуши, существуетъ старый пасѣчникъ, рудый, т.-е. рыжій Панькѣ, и что онъ, въ длинные зимніе вечера, сидитъ у печи и рассказываетъ свои увлекательныя сказки. Передъ моимъ воображеніемъ живо развертывалась дивная исторія «Красной свитки», проходила блѣдная утопленница «Майской ночи» и на высотахъ Карпатскихъ горъ вставалъ грозный мертвый всадникъ «Страшной мести».

А теперь, въ 1851 году, мнѣ предстояло увидѣть и автора не только «Вечеровъ на хуторѣ», но и «Мертвыхъ душъ», и «Ревизора».

Въ назначенный часъ я отправился къ О. М. Бодянскому, чтобы ѣхать съ нимъ къ Гоголю. Бодянский тогда жилъ у Стараго Вознесенія, на Арбатѣ, на углу Мерзляковского переулка, въ домѣ нынѣ Е. С. Мещерской, № 243. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Ну, земляче, ѣдемъ; вкусимъ отъ благоуханныхъ, сладкихъ сотовъ родной украинской музыки». — Мы сѣли на извозчичьи дрожки и поѣхали по сосѣдству на Никитскій бульваръ, къ дому Талызина, гдѣ, въ квартирѣ графа А. П. Толстого, въ то время жилъ Гоголь. Теперь этотъ домъ, № 314, принадлежитъ Н. А. Шереметевой. Онъ не перестроенъ, имѣетъ, какъ и тогда, 16 оконъ во дворъ и 5 на улицу, въ два этажа, съ каменнымъ балкономъ, на колоннахъ, во дворъ.

Было около полудня. Радость предстоявшей встрѣчи нѣсколько, однако, затемнялась для меня слухами, которые въ то время ходили о Гоголѣ, по поводу изданной, незадолго передъ тѣмъ, его извѣстной книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Я невольно припоминалъ злыя и ядовитыя нападки, которыми тогдашняя руководящая кри-

тика преслѣдовала эту книгу. Бѣлинскій въ ту пору былъ нашимъ кумиромъ, а онъ первый бросилъ камень въ Гоголя за его «Переписку съ друзьями». По рукамъ въ Петербургѣ ходило въ спискахъ его неизданное письмо къ Гоголю, гдѣ знаменитый критикъ горячо и безпощадно бичевалъ автора «Мертвыхъ душъ», укоряя его въ измѣнѣ долгу писателя и гражданина.

Хотя обвиненія Бѣлинскаго для меня смягчались въ кружкѣ тогдашняго ректора петербургскаго университета, П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковскаго, отзывами иного рода, тѣмъ не менѣе я и мои товарищи-студенты, навѣщавшіе Плетнева, не могли вполне отрѣшиться отъ страстной и подкупающей своимъ краснорѣчіемъ критики Бѣлинскаго. Плетневъ, защищая Гоголя, дѣлалъ, что могъ. Онъ читалъ намъ, студентамъ, письма о Гоголѣ жившихъ въ то время въ чужихъ краяхъ Жуковскаго и князя Вяземскаго, объяснялъ эти письма и совѣтовалъ намъ, не поддаваясь нападкамъ враговъ Гоголя, самостоятельно рѣшить вопросъ—правъ ли былъ Гоголь, издавая то, о чемъ онъ счелъ долгомъ открыто высказаться передъ родиной?—«Его зовутъ фарисеемъ и ренегатомъ,—говорилъ намъ Плетневъ:—клянуть его, какъ нѣкоего служителя мрака и лжи; оглашаютъ его, наконецъ, чуть не сумасшедшимъ... И за что же? За то, что одаренный гениемъ творчества, родной писатель-сатирикъ дерзнулъ глубже взглянуть въ собственную свою душу, провѣрить свои сокровенные помыслы и самостоятельно, никого не спросясь, открыто о томъ повѣдать другимъ... Какъ смѣлъ онъ, создатель Чичикова, Хлестакова, Сквозника и Манилова, пойти не по общей, а по иной дорогѣ, заговорить о духовныхъ вопросахъ, о церкви, о вѣрѣ? Въ сумасшедшій домъ его! онъ—помѣшанный!»—такъ говорилъ намъ Плетневъ.

Молва о помѣшательствѣ Гоголя, дѣйствительно, въ то время была распространена въ обществѣ. Говорили странные вещи: будто Гоголь окончательно отрекся отъ своего писательскаго призванія, будто онъ постигся по цѣлымъ недѣлямъ, живетъ, какъ монахъ, читаетъ только ветхій и новый завѣтъ и житія святыхъ и, душевно болѣя и сильно опустившись, относится съ отвращеніемъ не только къ изящной литературѣ, но и къ искусству вообще.

Всѣ эти мысли, по поводу Гоголя, невольно проносились

въ моей головѣ въ то время, когда извозчицы дрожки, по Никитскому бульвару, везли Бодянского и меня къ дому Талызина. Одно меня нѣсколько успокоивало: Гоголь пригласилъ къ себѣ пѣвца-малоросса; этотъ пѣвецъ долженъ былъ у него пѣть народныя украинскія пѣсни, — слѣдовательно, думалъ я, авторъ «Мертвыхъ душъ» не вполне еще сталъ монахомъ-аскетомъ, и его душѣ еще доступны произведенія художественнаго творчества.

Въѣхавъ въ каменныя ворота высокой ограды, направо, къ балконной галлерей дома Талызина, мы вошли въ переднюю нижняго этажа. Старикъ—слуга графа Толстого—привѣтливо указалъ намъ дверь изъ передней направо.

— Не опоздали?—спросилъ Бодянский, обычною своею, ковляющею походкой проходя въ эту дверь.

— Пожалуйте, ждуть-съ!—отвѣтилъ слуга.

Бодянский прошелъ приемную и остановился передъ слѣдующею, затворенною дверью въ угольную комнату, два окна которой выходили во дворъ и два на бульваръ. Я догадывался, что это былъ рабочій кабинетъ Гоголя. Бодянский постучался въ дверь этой комнаты.

— Чи дома, брате Микло?—спросилъ онъ по-малорусски.

— А дома-жь, дома!—негромко отвѣтилъ кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилося. Дверь растворилась. У ея порога стоялъ Гоголь.

Мы вошли въ кабинетъ. Бодянский представилъ меня Гоголю, сказавъ ему, что я служу при Норовѣ и что съ нимъ, Бодянскимъ, давно знакомъ черезъ Срезневскаго и Плетнева.

— А гдѣ же нашъ пѣвецъ?—спросилъ, оглядываясь, Бодянский.

— Надулъ, къ Щепкину поѣхалъ на вареники! — отвѣтилъ съ видимымъ неудовольствіемъ Гоголь: — только-что прислалъ извинительную записку, будто забылъ, что раньше насъ далъ слово туда.

— А, можетъ-быть, и такъ,—сказалъ Бодянский:—вареники не свой братъ.

Что еще, при этомъ, нѣкоторое время говорили Гоголь и Бодянский, я тогда, кажется, не слышалъ и почти не сознавалъ. Ясно помню одно, что я не спускалъ глазъ съ Гоголя.

Мои опасенія разсѣялись. Передо мной былъ не только

не душевно-больной или вообще свихнувшийся человекъ, а тотъ же самый Гоголь, тотъ же могучій и привлекательный художникъ, какимъ я привыкъ себѣ воображать его съ юности.

Разговаривая съ Бодянскимъ, Гоголь то плавно прохаживался по комнатѣ, то садился въ кресло къ столу, за которымъ Бодянский и я сидѣли на диванѣ, и изрѣдка поглядывалъ на меня. Средняго роста, плотный и съ совершенно здоровымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ одѣтъ въ темно-коричневое, длинное пальто и въ темно-зеленый, бархатный жилетъ, наглухо застегнутый до шеи, у которой, поверхъ атласнаго, чернаго галстука, видѣлись бѣлые, мягкіе воротнички рубахи. Его длинные, каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь надъ ними. Тонкіе, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полныя, красивыя губы, подъ которыми была крохотная эспаньолка. Небольшіе, каріе глаза глядѣли ласково, но осторожно и не улыбаясь, даже тогда, когда онъ говорилъ что-либо веселое и смѣшное. Длинный, сухой носъ придавалъ этому лицу и этимъ, сидѣвшимъ по его сторонамъ, осторожнымъ глазамъ что-то птичье, наблюдающее и вмѣстѣ добродушно-горделивое. Такъ смотрять съ кровель украинскіхъ хуторовъ, стоя на одной ногѣ, внимательно-задумчивые аисты.

Гоголь въ то время, какъ я отлично помню, былъ очень похожъ на свой портретъ, писанный съ него въ Римѣ, въ 1841 году, знаменитымъ Ивановымъ. Этому портрету онъ, какъ извѣстно, отдавалъ предпочтеніе передъ другими.

Успокоясь отъ невольнаго, охватившаго меня смущенія, я сталъ понемногу вслушиваться въ разговоръ Гоголя съ Бодянскимъ.

— Надо, однакоже, все-таки, вызвать нашего Рубини, — сказалъ Гоголь, присаживаясь къ столу: — не я одинъ, и Аксаковы хотѣли бы его послушать... особенно Надежда Сергѣевна.

— Устрою, берусь, — отвѣтилъ Бодянский: — если только тутъ не другая причина и если нашъ землякъ, отъ здѣшнихъ угощеній, не спалъ съ голоса... А что это у васъ за рукописи? — спросилъ Бодянский, указывая на рабочую, красного дерева, конторку, стоявшую налѣво отъ входныхъ дверей, за которою Гоголь, передъ нашимъ приходомъ, очевидно, работалъ стоя.

— Такъ себѣ, мараю по временамъ!—небрежно отвѣтилъ Гоголь.

На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ея покатоѣ доскѣ, обитой зеленымъ сукномъ, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

— Не второй ли томъ «Мертвыхъ душъ?» — спросилъ, подмигивая, Бодянскій.

— Да... иногда берусь, — нехотя проговорилъ Гоголь:— но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

— Чтò же мѣшаетъ? у васъ тутъ такъ удобно, тихо.

— Погода, убійственный климатъ! Невольно вспоминаешь Италию, Римъ, гдѣ писалось лучше и такъ легко. Хотѣлъ-было на зиму уѣхать въ Крымъ, къ Княжевичу, тамъ писать; думалъ завернуть и на родину, къ своимъ,—туда звали на свадьбу сестры, Елисаветы Васильевны...

Ел. В. Гоголь тогда вышла замужъ за сапернаго офицера Быкова.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—спросилъ Бодянскій.

— Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможныя, простудился, да и времени пришлось бы столько потратить на одни переѣзды. А тутъ еще затѣялъ новое, полное изданіе своихъ сочиненій.

— Скоро ли оно выйдетъ?

— Въ трехъ типографіяхъ началъ печатать, — отвѣтилъ Гоголь:—будетъ четыре большихъ тома. Сюда войдутъ всѣ повѣсти, драматическія вещи и обѣ части «Мертвыхъ душъ». Пятый томъ я напечатаю позже, подъ заглавіемъ «Юношескіе опыты». Сюда войдутъ нѣкоторыя журнальныя статьи, статьи изъ «Арабесокъ» и прочее.

— А «Переписка?»—спросилъ Бодянскій.

— Она войдетъ въ шестой томъ; тамъ будутъ помѣщены письма къ близкимъ и роднымъ, изданныя и неизданныя... Но это уже, разумѣется, явится... послѣ моей смерти.

Слово «смерть» Гоголь произнесъ совершенно спокойно, и оно тогда не прозвучало ничѣмъ особеннымъ, въ виду полныхъ его силъ и здоровья.

Бодянскій заговорилъ о типографіяхъ и сталъ хвалить какую-то изъ нихъ. Рѣчь коснулась и Петербурга.

— Чтò новаго и хорошаго у васъ, въ петербургской литературѣ?—спросилъ Гоголь, обращаясь ко мнѣ.

Я ему сообщилъ о двухъ новыхъ поэмахъ тогда еще

молодого, но уже извѣстнаго поэта Ап. Ник. Майкова: «Савонаролла» и «Три смерти». Гоголь попросилъ разсказать ихъ содержаніе. Исполняя его желаніе, я наизусть прочелъ выдержки изъ этихъ произведеній, ходившихъ тогда въ спискахъ.

— Да это прелесть, совѣмъ хорошо!—произнесъ, выслушавъ мою неумѣлую декламацію, Гоголь:—еще, еще...

Онъ совершенно оживился, всталъ и опять началъ ходить по комнатѣ. Видъ осторожно-задумчиваго аиста исчезъ. Передо мною былъ счастливый, вдохновенный художникъ. Я еще прочелъ отрывки изъ Майкова.

— Это такъ же закончено и сильно, какъ терцеты Пушкина,—во вкусъ Данта,—сказалъ Гоголь:—Осицъ Максимовичъ, а?—обратился онъ къ Бодянскому:—вѣдь это праздникъ! Поэзія не умерла. Не оскудѣлъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его... А выборъ сюжета, а краски, колоритъ? Плетневъ присылалъ кое-что, и я самъ помню нѣкоторые стихи Майкова.

Онъ прочелъ, съ оригинальною интонаціей, двѣ начальныя строки извѣстнаго стихотворенія изъ «Римскихъ очерковъ» Майкова:

«Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
«Подъ этакимъ небомъ неволью художникомъ станешь!»

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ Гоголь.

Бодянский съ нимъ согласился.

— Но *то*, что вы прочли,—обратился ко мнѣ Гоголь:—это уже иной шагъ. Беру съ васъ слово—прислать мнѣ изъ Петербурга списокъ этихъ поэмъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе Гоголя.

— Да,—продолжалъ онъ, прохаживаясь:—я засталъ богатые всходы...

— А Шевченко?—спросилъ Бодянский.

Гоголь на этотъ вопросъ съ секунду промолчалъ и нахохлился. На насъ изъ-за конторки снова посмотрѣлъ осторожный аистъ.

— Какъ вы его находите?—повторилъ Бодянский.

— Хорошо, что и говорить,—отвѣтилъ Гоголь:—только не обидьтесь, другъ мой... вы—его поклонникъ, а его личная судьба достойна всякаго участія и сожалѣнія...

— Но зачѣмъ вы примѣшиваете сюда личную судьбу?—съ неудовольствіемъ возразилъ Бодянский:—это постороннее... Скажите о талантѣ, о его поэзіи...

— Дегтю много, — негромко, но прямо проговорилъ Гоголь: — и даже прибавлю, дегтю больше, чѣмъ самой поэзіи. Намъ-то съ вами, какъ малороссамъ, это, пожалуй, и пріятно, но не у всѣхъ носы, какъ наши. Да и языкъ...

Бодянской не выдержалъ, сталъ возражать и разгорячился. Гоголь отвѣчалъ ему спокойно.

— Намъ, Осипъ Максимовичъ, надо писать по-русски, — сказалъ онъ: — надо стремиться къ поддержкѣ и упроченію одного, владычнаго языка для всѣхъ родныхъ намъ племенъ. Доминантой для русскихъ, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всѣхъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ и герингуттеровъ. А вы хотите провансальскаго поэта Жасмэна поставить въ уровень съ Мольеромъ и Шатобрианомъ!

— Да какой же это Жасмэнтъ? — крикнулъ Бодянской: — развѣ ихъ можно равнять? Чтò вы? Вы же сами — малороссъ.

— Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, — продолжалъ Гоголь, останавливаясь у конторки и опираясь о нее спиной: — нетлѣнная поэзія правды, добра и красоты. Она не водевильная, сегодня только понятная, побрякушка и не раздражающій личными намеками и счетами, рыночный памфлетъ. Поэзія — голосъ пророка... Ея стихъ долженъ врачевать наши сомнѣнія, возвышать насъ, поучая вѣчными истинамъ любви къ ближнимъ и прощенія врагамъ. Это — труба пречистаго архангела... Я знаю и люблю Шевченка, какъ земляка и даровитаго художника; мнѣ удалось и самому кое-чѣмъ помочь въ первомъ устройствѣ его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнувъ его на произведенія, чуждыя истинному таланту. Они все еще дожевываютъ свропейскія, давно выкинутыя жваки. Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно. Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, не то намъ нужно, не то. Всякій, пишущій теперь, долженъ думать не о розни; онъ долженъ прежде всего поставить себя передъ лицо Того, Кто далъ намъ вѣчное человѣческое слово...

Долго еще Гоголь говорилъ въ этомъ духѣ. Бодянской молчалъ, но, очевидно, далеко не соглашался съ нимъ. — «Ну, мы вамъ мѣшаемъ, пора намъ и по домамъ!» — сказалъ, наконецъ, Бодянской, вставая.

Мы раскланялись и вышли.

— Странный человекъ,— произнесъ Бодянский, когда мы снова очутились на бульварѣ:—на него какъ найдеть! Отрицать значеніе Шевченка! вотъ ужъ, видно, не съ той ноги сегодня всталъ.

Вышеприведенный разговоръ Гоголя я тогда же сообщилъ на родину близкому мнѣ лицу, въ письмѣ, по которому впоследствии и внесъ его въ мои начатыя воспоминанія. Мнѣніе Гоголя о Шевченкѣ я не разъ, при случаѣ, передавалъ нашимъ землякамъ. Они пожимали плечами и съ досадою объясняли его посторонними, политическими соображеніями, какъ и вообще все тогдашнее настроеніе Гоголя.

Вторично я увидѣлъ Гоголя вскорѣ послѣ перваго съ нимъ свиданія, а именно—31-го октября. Поводъ къ этому подала новая моя встрѣча у Бодянскаго съ украинскимъ пѣвцомъ и полученное мною, вслѣдъ затѣмъ, отъ Бодянскаго нижеслѣдующее письмо, сохраненное у меня въ цѣлости, какъ и другія, нижеприводимыя письма.

«30 октября, 1851 года, вторникъ.»

«Извѣщаю васъ, что землякъ, съ которымъ вы на-дняхъ видѣлись у меня, поетъ и теперь, и охотно споетъ намъ у Гоголя. Я писалъ этому послѣднему; только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если вамъ угодно, пожалуйста ко мнѣ завтра, часовъ въ 6 вечера; мы отправимся вмѣстѣ. Вапцъ—О. Б.»

Въ назначенный вечеръ, 31 октября, Бодянский, получивъ приглашеніе Аксаковыхъ, привезъ меня въ ихъ семейство, на Поварскую. Здѣсь онъ представилъ меня сѣдому, плотному господину, съ бородой и въ черномъ, на крючкахъ, зипунѣ, знаменитому автору «Семейной хроники», Сергѣю Тимофеевичу Аксакову; его добродушной, полной и еще бодрой женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ; ихъ молодой и красивой, съ привлекательными глазами, дочери, дѣвицѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, и обоимъ ихъ сыновьямъ, въ то время уже извѣстнымъ писателямъ-славянофиламъ, Константину и Ивану Сергѣевичамъ. О моемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною литературною семьей я расскажу когда-нибудь въ другое время. Здѣсь же ограничусь рассказомъ только о томъ, что касается моихъ встрѣчъ съ Гоголемъ.

Гоголь въ назначенный вечеръ прїѣхалъ къ Аксаковымъ значительно позже Бодянского и меня. До его прїѣзда, С. Т. Аксаковъ и его сыновья, разговорясь со мною о Петербургѣ, разспрашивали о Норовѣ, Плетневѣ, Срезневскомъ и другихъ знакомыхъ имъ писателяхъ. Всѣ посматривали на дверь, ожидая Гоголя и приглашеннаго пѣвца. Ни тотъ, ни другой еще не являлись. Пока Бодянскій говоритъ со стариками, ко мнѣ подсѣлъ Иванъ Сергѣевичъ. Сообщивъ ему о моемъ заѣздѣ съ Бодянскимъ къ Гоголю, я спросилъ его, что слышно о второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», который всѣхъ тогда занималъ. И. С. Аксаковъ отвѣтилъ мнѣ, что въ началѣ октября Гоголь былъ у нихъ въ деревнѣ, Абрамцовѣ, подъ Сергїевской лаврой, гдѣ читалъ отрывки изъ этого тома ихъ отцу и потомъ Шевырѣву, но взялъ съ нихъ обоихъ слово — не только никому не говорить о прочитанномъ, но даже не сообщать предмета картинъ и именъ выведенныхъ имъ героевъ.

— Батюшка намъ передавалъ одно, — прибавилъ И. С. Аксаковъ:—что эта часть поэмы Гоголя, по содержанію, по обработкѣ языка и выпуклости характеровъ, показалась ему выше всего, что донинѣ написано Гоголемъ. Надо думать, что Чичиковъ, въ концѣ этой части, вѣроятно, попадетъ за новыя продѣлки въ ссылку въ Сибирь, такъ какъ Гоголь у насъ и у Шевырѣва взялъ много книгъ съ атласами и чертежами Сибири. Съ весны онъ затѣваетъ большое путешествіе по Россіи, — хочетъ на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою рѣчью, и затѣмъ уже снова выступитъ на литературной сценѣ, съ своими новыми образами. Все твердитъ: «жизнь коротка, не успѣю»; встаетъ рано, съ утра беретъ за перо и весь день работаетъ; ночью, въ одиннадцать часовъ—уже въ постели.

— Мы видѣли у него груду исписанныхъ бумагъ, — сказалъ я.

— Онъ мараеетъ цѣлыя дести, — сказала И. С. Аксаковъ:— передѣлываетъ, пишетъ и опять обрабатываетъ; какъ живописецъ съ кистью, то подойдет и смотритъ вблизи, то отходитъ и вглядывается, не бросается ли какая-либо частность слишкомъ рѣзко въ глаза? Его только смущаютъ несправедливыя нападки.

— За «Переписку съ друзьями?» — спросилъ я.

— Да, эти злобныя клеветы, будто онъ возгнушался искусствомъ, считаетъ его низкимъ и бесполезнымъ! Вы его видѣли—это ли не истинный, преданный долгу художникъ? А его чуть не въ глаза называли, за его душевную исповѣдь, измѣнникомъ, обманщикомъ; приписывали ему низкія и подлыя цѣли. Жалкая, оторванная отъ родной почвы кучка западниковъ-либераловъ! имъ чужда Россія, чуждъ ея своеобразный, вѣрящій народъ.

Подошелъ старикъ Аксаковъ. Онъ передалъ, что Гоголь все ждетъ отъ него живыхъ «птицъ», говоря, что и свои «души» онъ постарается сдѣлать столь же живыми. Подѣхалъ, наконецъ, Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутивъ насчетъ новаго запозданія пѣвца, онъ, послѣ перваго стакана чаю, сказалъ Над. С. Аксаковой: «Не будемъ терять дорогого времени», и просилъ ее спѣть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Всѣ подошли къ роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусскихъ пѣсень, изъ которыхъ нѣкоторыя были ею положены на ноты, съ голоса самого Гоголя.

— Что спѣть?—спросила она.

— «Чѣботы»—отвѣтилъ Гоголь.

Н. С. Аксакова спѣла «Чѣботы», потомъ «Могилу», «Солнце низенько» и другія пѣсни.

Гоголь остался очень доволенъ пѣніемъ молодой хозяйки, просилъ повторять почти каждую пѣсню и былъ вообще въ отличномъ расположеніи духа. Заговорили о малорусской народной музыкѣ, вообще сравнивая ее съ великорусскою, польскою и чешскою. Бодянский все посматривалъ на дверь, ожидая появленія приглашеннаго имъ пѣвца.

Помню, что спѣли какую-то украинскую пѣсню даже общимъ хоромъ. Кто-то въ разговорѣ, которымъ прерывалось пѣніе, сказалъ, что кучеръ Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только-что исполненную пѣсню. Гоголь, взглянувъ на Н. С. Аксакову, отвѣтилъ съ улыбкой, что несомнѣнно Селифанъ пѣлъ и «Чѣботы», и даже при этомъ лично показалъ, какъ Селифанъ высоко-деликатными кучерскими движеніями, вывертомъ плеча и головы, долженъ былъ дополнять среди сельскихъ красавицъ свое «заливисто-фистульное» пѣніе. Всѣ улыбались, отъ души радуясь, что знаменитый гость былъ въ духѣ.

Но не прошло послѣ того и десяти минутъ, Гоголь вдругъ замолкъ, насупился, и его хорошее настроеніе безслѣдно исчезло. Усѣвшись въ сторонѣ отъ чайнаго стола, онъ какъ-то весь вошелъ въ себя и почти уже не принималъ участія въ общей длившейся бесѣдѣ. Это меня поразило. Зная его обычай, Аксаковы не тревожили его обращеніями къ нему и хотя, видимо, были смущены, покорно ждали, что онъ снова оживится.

Что вызвало въ Гоголѣ эту неожиданную перемѣну въ его настроеніи, новая ли, непростительная небрежность приглашеннаго пѣвца, который и въ этотъ вечеръ такъ и не явился, или случайное напоминаніе, въ дорогой ему семьѣ, о неоконченной и мучившей его второй части «Мертвыхъ душъ»,— не знаю. Только Гоголь пробылъ здѣсь еще съ небольшимъ полчаса, посидѣлъ молча, какъ бы сквозь дремоту прислушиваясь къ тому, о чемъ говорили возлѣ него, всталъ и взялъ шляпу.

— Въ Америкѣ обыкновенно сидятъ, сидятъ,— сказалъ онъ, черезъ силу улыбаясь:— да и откланиваются.

— Куда же вы, Николай Васильевичъ, куда?— всполошились хозяева.

— Насладившись столь щедрымъ пѣніемъ обязательнаго земляка,— отвѣтилъ онъ:— надо и восвои. Нездоровится что-то. Голова—какъ въ тискахъ.

Его не удерживали.

— А вы долго ли еще здѣсь пробудете?— спросилъ Гоголь, обратившись, на пути къ двери, ко мнѣ.

— Еще съ недѣлю,— отвѣтилъ я, провожая его, съ Бодянскимъ и И. С. Аксаковымъ.

— Вы, по словамъ Осипа Максимовича, перевели драму Шекспира «Цимбелинъ». Кто вамъ указалъ на эту вещь?

— Плетневъ.

— Узнаю его... «Цимбелинъ» былъ любимой драмой Пушкина; онъ ставилъ его выше «Ромео и Юліи».

Гоголь уѣхалъ.

— Вотъ и вашъ пѣвецъ! это онъ причиной!— напустились дамы на Бодянскаго:— второй разъ не сдержалъ слова.

Бодянскій не оправдывалъ земляка.

— Дѣйствительно, изъ рукъ вонъ, даже вовсе грубо и неприлично!— сказали онъ съ сердцемъ:— то я винилъ Щепкина и его вареники; а тутъ, вижу, нѣчто иное,— затесался,

вѣроятно, въ какую-нибудь невозможную компанію... Я же ему задамъ!

Быль уже десятый часъ вечера. Подѣхали еще нѣкоторые знакомые Аксаковыхъ, очевидно, также рассчитывавшіе услышать малорусское пѣніе и повидать здѣсь кстати лишній разъ Гоголя, который всѣхъ тогда занималъ. Въ числѣ послѣднихъ я впервые въ тотъ же вечеръ здѣсь увидѣлъ состоявшаго въ званіи адъюнкта философіи въ московскомъ университетѣ, бѣлокураго, съ небрежною прической и оживленными глазами, скромнаго, моложаваго человѣка, въ синемъ университетскомъ вицмундирѣ, съ серебряными пуговицами. Онъ сюда пріѣхалъ съ какого-то засѣданія. То былъ близкій знакомый Аксаковыхъ, будущій знаменитый редакторъ-издатель «Русскаго Вѣстника», М. Н. Катковъ.

На другой день послѣ этого вечера, тогдашній сотрудникъ «Москвитянина», Н. В. Бергъ, пригласилъ меня, отъ имени С. П. Шевырѣва, на вечеръ къ послѣднему. Здѣсь зашла опять рѣчь о Гоголѣ, и Шевырѣвъ сообщилъ, что Гоголь, оставшись на-дняхъ недоволенъ игрою нѣкоторыхъ московскихъ актеровъ въ «Ревизорѣ», предложилъ, по совѣту Щепкина, лично прочесть главныя сцены этой комедіи Шумскому, Самарину и другимъ артистамъ.

Прошло еще два дня. Я уже со всѣми простился и собирався уѣхать изъ Москвы, когда получилъ отъ Бодянскаго слѣдующее письмо.

«4-го ноября, 1851 года, воскресенье. Мнѣ поручили просить васъ завернуть къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому-то въ Малороссію. Вашъ весъ—О. Б.»—Къ этому письму, доставленному мнѣ слугою Аксаковыхъ, была приложена слѣдующая записка, писанная, въ третьемъ лицѣ, Н. С. Аксаковой, отъ имени ея матери: «Ольга Семеновна Аксакова, узнавъ, что г. Данилевскій еще въ Москвѣ, просить его очень захватить къ ней, если только у него есть свободная минута». Я отвѣтилъ Бодянскому, что уѣзжаю 6-го ноября и что завтра постараюсь быть въ назначенное время у О. С. Аксаковой.

Вечеромъ 5-го ноября, въ понедѣльникъ, я подѣхалъ на Поварской къ квартирѣ Аксаковыхъ. Вышедшій на мой звонокъ слуга объявилъ, что О. С. Аксакова очень извиняется, такъ какъ, по нездоровью, не можетъ меня принять,

а просить, отъ имени Сергѣя Тимоѣевича и Ивана Сергѣевича, пожаловать къ Гоголю, куда они оба только-что уѣхали и куда, по желанію Гоголя, они приглашаютъ и меня. — «Что-же тамъ? — спросилъ я слугу. — Чтеніе какое-то». — Я вспомнилъ слова Шевырева о предполагаемомъ чтеніи «Ревизора» и, отъ души обрадовавшись случаю — не только снова увидѣть Гоголя, но и услышать его чтеніе, поспѣшилъ на Никитскій бульваръ.

Это чтеніе описано И. С. Тургеневымъ, въ отрывкахъ изъ его литературныхъ воспоминаній. Въ описаніе И. С. Тургенева вкрались нѣкоторыя невѣрности, особенно въ изображеніи Гоголя, на котораго онъ въ то время глядѣлъ, очевидно, глазами тогдашней, враждебной Гоголю и дружеской ему самому критики. Онъ не только въ лицѣ Гоголя усмотрѣлъ нѣчто хитрое, даже лисье, а подъ его «остриженными» усами рядъ «нехорошихъ зубовъ», чего въ дѣйствительности не было, но даже увѣряетъ, будто въ ту пору Гоголь «въ своихъ произведеніяхъ рекомендовалъ хитрость и лукавство раба». Вечеръ чтенія онъ, также ошибочно, отнесъ къ 22 октября; оно, какъ удостовѣряють сохраненныя у меня письма, было 5 ноября.

Чтеніе «Ревизора» происходило во второй комнатѣ квартиры гр. А. П. Толстого, влѣво отъ прихожей, которая отдѣляла эту квартиру отъ помѣщенія самого Гоголя.

Столъ, вокругъ котораго, на креслахъ и стульяхъ, усѣлись слушатели, стоялъ направо отъ двери, у дивана противъ оконъ во дворъ. Гоголь читалъ, сидя на диванѣ. Въ числѣ слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырѣвъ, И. С. Тургеневъ, Н. В. Бергъ и другіе писатели, а также актеры М. С. Шелкинъ, П. М. Садовскій и Шумскій. Никогда не забуду чтенія Гоголя. Особенно онъ неподражаемо прочелъ монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинскимъ и Добчинскимъ. — «У васъ зубъ со свистомъ», — произнесъ серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже пришепетывая при этомъ, будто и у него свистѣлъ зубъ. Неудержимый смѣхъ слушателей изрѣдка невольно прерывалъ его. Высоко-художественное и оживленное чтеніе подъ конецъ очень утомило Гоголя. Его силъ какъ-то вообще хватало не надолго. Когда онъ дочиталъ заключительную сцену комедіи, съ письмомъ, и поднялся съ дивана, очарованные слушатели долго стояли

группами, вполголоса передавая другъ другу свои впечатлѣнія. Щепкинъ, отирая слезы, обнялъ чтеца и сталъ объяснять Шумскому, въ чемъ главныя силы роли Хлестакова. Я подошелъ къ С. Т. Аксакову и спросилъ его, какое письмо онъ или его жена, по словамъ Бодянскаго, предполагали доставить черезъ меня въ Малороссію?

— Не мы, а вотъ Николай Васильевичъ имѣетъ къ вамъ просьбу, — отвѣтилъ С. Т. Аксаковъ, указывая мнѣ на Гоголя: — Бодянскій не понялъ словъ моей жены, ошибся. Намъ поручили васъ предупредить, если вы еще не уѣхали.

— Да, — произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Гоголь: — повремените минуту; у меня есть маленькая посылка въ Петербургъ, къ Плетневу. Я не зналъ вашего адреса. Это васъ не стѣснить?

Я отвѣтилъ, что готовъ исполнить его желаніе, и остался. Когда всѣ разѣхались, Гоголь велѣлъ слугѣ взять свѣчи со стола изъ комнаты, гдѣ было чтеніе, и провелъ меня на свою половину. Здѣсь, въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ, онъ предложилъ мнѣ сѣсть, отперъ конторку и вынулъ изъ нея небольшой свертокъ бумагъ и запечатанный сюргушомъ пакетъ.

— Вы когда окончательно ѣдете изъ Москвы? — спросилъ онъ меня.

— Завтра; уже взято мѣсто въ мальпостѣ.

— Отлично; это какъ разъ устраиваетъ мое дѣло. Не откажите, — сказалъ Гоголь, подавая мнѣ пакетъ: — если только васъ не затруднитъ, вручить это лично, при свиданіи, Петру Александровичу Плетневу.

Увидѣвъ надпись на пакетѣ «со вложеніемъ», я спросилъ, не деньги ли здѣсь?

— Да, — отвѣтилъ Гоголь, запирая ключомъ конторку: — небольшой дождокъ Петру Александровичу. Мнѣ бы не хотѣлось черезъ почту.

Видя усталость Гоголя, я всталъ и поклонился, съ цѣлью уйти.

— Вы мнѣ читали чужіе стихи, — сказалъ Гоголь, привѣтливо взглянувъ на меня, и я никогда не забуду этого взгляда его усталыхъ, покрасившихъ отъ чтенія глазъ: — а ваши украинскія сказки въ стихахъ? Мнѣ о нихъ говорили Аксаковы. Прочтите что-нибудь изъ нихъ.

Я, смутясь, отвѣтилъ, что ничего своего не помню. Го-

голь, очевидно, желая, во что бы то ни стало, сдѣлать мнѣ что-либо пріятное, опять посадилъ меня возлѣ себя и сказалъ: «Кто пишетъ стихи, навѣрное ихъ помнить. Въ валли годы, они у меня торчали изъ всѣхъ кармановъ».—И онъ, какъ мнѣ показалось, даже посмотрѣлъ на боковой карманъ моего сюртука. Я снова отвѣтилъ, что положительно ничего не помню наизусть изъ своихъ стиховъ.

— Такъ расскажите своими словами.

Я передалъ содержаніе написанной мною передъ тѣмъ сказки «Снѣгурка».

— Слышалъ эту сказку и я; желаю успѣха, пишите!— сказалъ Гоголь:— въ природѣ и ея правдѣ черпайте свои краски и силы. Слушайте Плетнева... Нынѣшніе не цѣнятъ его и не любятъ... а на немъ, не забывайте, почіеъ рукоположеніе нашего первоалостола, Пушкина...

Я простился съ Гоголемъ и болѣе въ жизни уже не видѣлъ его. Возвратясь въ Петербургъ, я въ тотъ же день вечеромъ отвезъ врученные мнѣ свертокъ и пакетъ къ Плетневу. О сверткѣ онъ сказалъ: «знаю», и положилъ его на столъ. Распечатавъ пакетъ и увидѣвъ въ немъ пачку депозитокъ, Плетневъ спросилъ меня: «а письма нѣтъ?»— Я отвѣтилъ, что Гоголь, передавая мнѣ пакетъ, сказалъ только: «должокъ Плетневу». Плетневъ заперъ деньги въ столъ, помолчалъ и съ обычною своею добродушною важностью сказалъ: «Какъ видите, онъ и здѣсь вѣренъ себѣ; это—его обычное, съ оказіями, пособіе черезъ меня нашимъ бѣднѣйшимъ студентамъ. Фицтумъ раздастъ и не знаетъ, откуда эти пособія».— А. И. Фицтумъ былъ, въ тѣ годы, инспекторомъ студентовъ петербургскаго университета.

При отъѣздѣ изъ Москвы, мнѣ и въ голову не приходило, что дни Гоголя сочтены. Онъ на глаза мои и всѣхъ, видѣвшихъ его тогда и говорившихъ со мною о немъ, былъ на видъ совершенно здоровъ и только изрѣдка впадалъ въ недовольство собою и въ хандру и легко уставалъ.

Помня обѣщаніе, данное мною Гоголю при Бодянскомъ, а именно — о присылкѣ ему новыхъ произведеній А. Н. Майкова, я обратился къ послѣднему съ просьбою — дать мнѣ, для снятія вѣрной копіи, рукопись его поэмъ. А. Н. Майковъ, по совѣту общаго нашего ментора, профессора

А. В. Пикитенко, рѣшилъ дать мнѣ эти вещи, для доставленія въ Москву, не прежде, какъ онъ ознакомить съ ними тогдашняго нашего общаго начальника, А. С. Норова. Онъ прибавилъ, что кстати въ это время займется и окончательною отдѣлкой поэмъ. Въ концѣ января 1852 года, я получилъ обѣщанное и извѣстилъ Бодянскаго, что на-дняхъ высылаю Гоголю обѣ поэмы А. Н. Майкова, которыя передъ новымъ годомъ, какъ я писалъ Бодянскому, были посылаемы отъ Плетнева Жуковскому и заслужили большія похвалы послѣдняго. Бодянский на это отвѣтилъ мнѣ нижеслѣдующимъ письмомъ, которое лучше всего можетъ показать, какъ мало въ то время московскіе друзья Гоголя помышляли о близкой уtratѣ послѣдняго. Это письмо писано за 19 дней до смерти Гоголя, и, упоминая о немъ «вскользь», — какъ объ «источникѣ сладостей», — тѣмъ самымъ какъ бы говорило, что въ обиходѣ этого источника все пока обстояло благополучно.

«Москва, 1852 года, февраля 2. — Да, почтеннѣйшій землякъ, время летитъ, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся. Славные часы были по осени у насъ, рѣдкіе часы! Хотя и тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отвѣдать отъ него. Причина простая — семейство пѣвуныи (Н. С. Аксаковой) живетъ большею частью въ подмосковной. — Чтò до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живетъ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему произведенія Майкова, не обойдите и меня. Я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдывать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хорошъ; стало-быть, вдвойнѣ наслажденіе — познакомиться съ хвалимымъ и провѣрить хвалителя. Не забывайте вашего земляка. О. Б.—й».

Недѣли черезъ двѣ съ половиной, по полученіи мною этого письма, въ Петербургѣ неожиданно, съ особымъ упорствомъ, заговорили о болѣзни Гоголя. Хотя этой болѣзни въ то время не придавали особаго значенія, 18-го февраля я обратился съ письмомъ къ И. С. Аксакову, прося его сообщить, чѣмъ именно заболѣлъ Гоголь и чтò стало съ его дальнѣйшею работою надъ «Мертвыми душами»? Отвѣтъ отъ Аксакова не приходилъ. И вдругъ, 24-го февраля, разнеслась потрясающая вѣсть, что Гоголь 21-го февраля скончался. Пораженный этимъ, я тогда же написалъ къ Бодянскому, прося его скорѣе сообщить хотя нѣкоторыя свѣ-

дѣнія объ этой неожиданной великой утратѣ. Вотъ отвѣтъ Бодянскаго:

«28-го февраля 1852 года, Москва.»—Вы желаете, чтобы я написалъ вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, о его смерти и бумагахъ на Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добродію, не скажу! И теперь я хожу, какъ угорѣлый, и на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ. Все онъ, одинъ онъ—въ умѣ и въ глазахъ! Когда-нибудь, можетъ-быть, соберусь съ духомъ—поразсказать вамъ. Нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти, покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недоброе и потому на масляной говѣль и приобщился. Въ половинѣ первой недѣли поста соборовался, а 21-го, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра, его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣлъ вовсе лѣчиться. Послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство. Всѣмъ намъ едино—умрети. По вотъ бѣда: онъ въ ночь, часу во 2—3-мъ, сжегъ всѣ свои бумаги до тла. Премного провинились окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый; а тотъ, разумѣется, поцеремонился, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Нема нашего Рудаго-Панька больше, да и не буде, пока свить стоять буде. Не забывайте вашего щираго земляка, О. Бодянскаго». — Послѣ я узналъ, что Гоголь свои бумаги отдавалъ-было хозяину своей квартиры, гр. А. П. Толстому, но тотъ, не желая показать виду, что считаетъ положеніе своего гостя опаснымъ, отказался ихъ принять.

И. С. Аксаковъ, на мои вопросы о болѣзни Гоголя, отвѣтилъ мнѣ въ томъ же февралѣ, но послалъ свой отвѣтъ уже въ началѣ марта. Вотъ этотъ отвѣтъ: «Ваше письмо, любезнѣйшій Г. П., было получено мною 21-го февраля, въ самый день смерти Гоголя. И какъ странно было мнѣ читать это письмо, въ которомъ вы безпрестанно о немъ говорите, въ которомъ вы просите матушку помолиться за Гоголя и за «Мертвыя души». Ни того, ни другого больше не существуетъ. «Мертвыя души» сожжены, самая жизнь Гоголя сгорѣла отъ постоянной душевной муки, отъ непрерывныхъ духовныхъ подвиговъ, отъ тщетныхъ усилій—отыскать обѣщанную имъ свѣтлую сторону, отъ необъятности творческой дѣятельности, вѣчно происходившей

въ немъ и вмѣщавшейся въ такомъ скудельномъ сосудѣ. Сосудъ не выдержалъ. Гоголь умеръ безъ особенной болѣзни. Современемъ вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва ли прилично будетъ рассказывать о немъ печатно нашему языческому обществу. Гоголь былъ истинный мученикъ искусства и мученикъ христіанства. Художественная дѣятельность этого монаха-художника была истинно-подвижническая. Теперь намъ надо начинать новый строй жизни — безъ Гоголя.—Весь вашъ душою—*Ив. Аксаковъ*».

Началась жизнь—«безъ Гоголя»... Отлично помню тогдашнее наше настроеніе. Мы, искренніе поклонники великаго писателя, были въ неописанномъ горѣ — еще потому, что онъ умеръ, осыпавъ безсердечными, злыми укоризнами и клеветами, не успѣвъ довести до конца своей главной, заветной работы. Вышла литографія съ изображеніемъ Гоголя въ гробу. Ее раскупили на-расхватъ. Вслѣдъ за похоронами Гоголя, произошелъ извѣстный арестъ при полиціи И. С. Тургенева и его высылка въ деревню, за напечатаніе имъ въ Москвѣ замѣтки объ умершемъ Гоголѣ, непрощенной цензурою въ Петербургѣ. Нѣкоторые придавали этому объясненіе, будто бы Тургеневъ заплатился за то, что въ своей невинной замѣткѣ назвалъ «великимъ» Гоголя, котораго, какъ сатирика, не долюбливало тогда высшее начальство. Дѣло было нѣсколько иначе. Авторъ замѣтки заплатился не за ея содержаніе, а за несоблюденіе формальностей цензурнаго устава. Когда статью И. С. Тургенева цензура не пропустила въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», я получилъ отъ тогдашняго издателя послѣднихъ, А. А. Краевского, слѣдующее письмо: «Мнѣ бы очень нужно было сказать вамъ два слова, Г. П. Не можете ли вы завернуть ко мнѣ сегодня между 6 и 7 часами вечера? Пятница, 29-го февраля. Вашъ А. Краевскій». Навѣстивъ г. Краевского, я узналъ отъ него, что статью Тургенева, послѣ задержанія ея цензоромъ, не одобрилъ и М. П. Мусинъ-Пушкинъ, тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета. Мусинъ-Пушкинъ, къ сожалѣнію, какъ и нѣкоторые другіе его сверстники, смотрѣлъ тогда на Гоголя глазами враждебной послѣднему «Сѣверной Пчелы» и потому не особенно высоко цѣнилъ произведенія автора «Мертвыхъ душъ»

и «Ревизора». А. А. Краевскій горячо возсталъ въ защиту какъ Гоголя, такъ и И. С. Тургенева, автора поминальной замѣтки о немъ. Онъ, вручивъ мнѣ оттискъ задержанной статьи Тургенева, обратился ко мнѣ съ просьбою—сообщить о ея задержаніи высшей инстанціи, а именно товарищу министра просвѣщенія А. С. Норову, при коемъ я тогда состоялъ на службѣ, и просить о его ходатайствѣ за пропускъ этой вполнѣ невинной статьи передъ министромъ просвѣщенія, княземъ П. А. Ширинскимъ-Шахматовымъ, которому въ то время былъ предоставленъ высшій надзоръ за цензурою. Норовъ, совершенно раздѣляя взглядъ г. Краевского, охотно взялся исполнить желаніе послѣдняго и, при первомъ же своемъ докладѣ, сообщилъ это дѣло министру, ходатайствуя о пропускѣ остановленной статьи. Князь Ширинскій-Шахматовъ не согласился на отмѣну распоряженія Мусина-Пушкина. Издатель «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» А. А. Краевскій и ихъ редакторъ А. Н. Очкинъ покорились этому рѣшенію. Но задержанная статья, однако, мимо ихъ, 13-го марта, явилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ ее пропустилъ къ печатанію попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ. Послали запросъ въ Москву. Назимовъ отвѣтилъ, что ему не было извѣстно о задержаніи статьи попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа и самимъ министромъ просвѣщенія: Начальство сочло себя обиженнымъ. Статья, остановленная въ одномъ цензурномъ округѣ, не могла явиться въ другомъ. Нашли, что авторъ замѣтки сознательно нарушилъ это цензурное правило, и ему, послѣ его ареста, въ половинѣ апрѣля, предложили даже выѣхать изъ Петербурга въ его орловское помѣстье. Я былъ тогда уже внѣ Петербурга. Эта высылка всѣхъ поразила. Толковали не о простомъ нарушеніи цензурныхъ формальностей, а о томъ, будто авторъ «Записокъ охотника» написалъ, по поводу кончины Гоголя, нѣчто невозможно рѣзкое. Его статья недавно помѣщена въ его «Воспоминаніяхъ». Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ сердечныхъ, теплыхъ словъ о Гоголѣ, ничего болѣе нѣтъ.

Проѣздомъ въ отпускъ черезъ Москву, я навѣстилъ Бодянскаго и съѣздить съ нимъ въ Даниловъ монастырь, на могилу Гоголя.

— Вы ѣдете въ харьковскую губернію?—спросилъ меня при этомъ Бодянский.

— Да, въ окрестности Чугуева.

— Чтò бы вамъ съ вашего Донца проѣхать въ Полтаву? Побывали бы въ деревнѣ Гоголя. Тамъ теперь его мать и сестры. Имъ будетъ пріятно услышать о немъ, вы лично видѣли его осенью.

— А и въ самомъ дѣлѣ, — сказали я: — Рудый Панько не одного меня, съ нашего дѣтства, звалъ къ себѣ на хуторъ. Но какъ туда проѣхать?

Бодянскій вызвался справиться о пути на родину Гоголя, предупредить о моемъ заѣздѣ его мать и сестеръ и прислать мнѣ къ нимъ письмо, а также подробный туда маршрутъ, по почтовой дорогѣ и проселкамъ. Онъ сдержалъ слово. Недѣли черезъ двѣ по прибытіи на родину, я получилъ отъ него обѣщанное письмо и маршрутъ и рѣшилъ навѣститъ съ дѣтства меня манившій «хуторъ близъ Диканьки».

II.

Это было черезъ два съ половиною мѣсяца по кончинѣ Гоголя, въ маѣ 1852 года.

Изъ-подъ Чугуева, гдѣ я гостилъ у своей матери, я отправился на почтовой перекладной, черезъ Харьковъ, въ Миргородъ, а оттуда на Колонтаѣ, Оплошно и Воронянщину, въ село Яновщину (Васильевка—тожь), на родину Гоголя, близъ Диканьки. Дорога, отъ рѣки Ворсклы, шла Кочубеевскими степями. Поля въ ту весну еще не видѣли косы и пышно зеленѣли. Цвѣты пестрѣли роскошными коврами. Голова кружилась отъ ихъ благоуханія.

Былъ полдень. Лошади лѣнливо тащились, срывая на ходу головки махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, слегка нагибаясь, я нарвалъ цѣлый ихъ букетъ. Невольно вспомнились картины изъ «Тараса Бульбы». Тѣ же пышные кусты репейника, будто косари въ алыхъ шапкахъ, торчали надъ травой, съ своими колючими косами, тотъ же длинный, желтый дрокъ и бѣлая кашка. Огромная дрофа, какъ страусъ, поднявъ голову, осторожно пробиралась по зеленѣющей пшеницѣ, невдали отъ телѣги. Стаи кузнечиковъ, поднимаясь съ дороги, передъ лошадьми, летѣли и падали въ траву голубыми и розовыми, крылатыми ракетами.

— Гдѣ хуторъ Гоголя? — спрашивалъ я изрѣдка встрѣчавшихся путниковъ.

— Гоголя? не знаемъ! — отвечали они.

Я догадался объяснить, что хуторъ называется Васильевка или Яновщина.

— Яновщина? Знаемъ, пане, знаемъ!—Вотъ туда дорога.

И мнѣ указали просѣлокъ къ Гоголю-Яновскому, въ село Васильевку «Рудяго-Панькѣ».

Отъ Опошни до с. Вороняницы я ѣхалъ, вслѣдствіе нестерпимаго жара, почти шагомъ. Всю дорогу за мною, сидя на возу съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ на волахъ толстый поселянинъ-казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣнливо сторбясь, нагѣвая и покачиваясь отъ одолѣвавшей его дремоты. Встрѣчавшіеся на пути толчки будили его; онъ просыпался и снова пѣлъ одно и то же.

Стало прохладнѣе. Я поѣхалъ рысью.

До села Яновщины оставалось версты три. Оно было спрятано за косогоромъ.

Я остановился въ сосѣднемъ хуторѣ Вороняница, вслѣдствіе соскочившей колѣсной гайки, которую ямщикъ пошелъ отыскивать. Я присѣлъ въ тѣни, на призбѣ ближайшей хаты. Ея хозяйка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, привѣтливо разговаривалась со мною изъ сѣней, гдѣ въ прохладѣ сидѣли еще другія дѣти. Зашла рѣчь о ихъ сосѣдѣ, Гоголѣ-Яновскомъ.

— То не правда, чтѣ толкуютъ, будто онъ умеръ, — сказала она: — похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; самъ онъ, слышно, поѣхалъ молиться за насъ въ святой Іерусалимъ. Уѣхалъ и скоро опять вернется сюда.

Странная вещь. Сосѣдніе хуторяне, какъ я удостовѣрился въ то время, дѣйствительно, можетъ-быть, въ виду частаго и продолжительнаго пребыванія Гоголя за границей, долго были убѣждены, что онъ не умеръ, а находится въ чужихъ краяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обязанные ему чѣмъ-нибудь въ жизни, даже гадали по немъ, ставя на ночь пустой поливянный горшокъ и сажая въ него паука. Объ этомъ мнѣ передала мать Гоголя, которую всѣ сосѣди близко знали и любили. По мѣстному повѣрью, если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка съ выпуклыми, скользкими стѣнками, то чело-вѣкъ, по которомъ гадаютъ, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго хуторянами было возложено рѣшить, живъ ли Рудый-Панькѣ, ночью заткалъ паутиною бокъ горшка и по ней вылѣзъ; но Гоголь, къ оторченію гадавшихъ, не возвратился.

Хуторъ Яновщина выглянулъ, наконецъ, между двухъ зеленыхъ, отлогихъ холмовъ. Съ дороги стала видна на широкой полянѣ каменная церковь съ зеленою крышею. За церковью, спадая въ долину, виднѣлись бѣлыя избы хутора, вперемежку съ садами; слѣва отъ церкви — лѣвада, родъ огромнаго огорода, обсаженная со стороны хутора липами и вербами. Ограда церкви — сквозная, въ видѣ рѣшетки, изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краской кирпичей. На пути къ церкви, примыкая къ избамъ хутора, виднѣлась другая ограда. За нею показался господскій деревянный домъ, съ красною деревянною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него — флигель, налѣво — хозяйскія постройки, кухня, амбаръ и конюшня. За домомъ, спускаясь къ болотистому лѣгу, зеленѣлъ старый, тѣнистый садъ; за садомъ виднѣлись вырытые въ долинѣ пруды, — за ними — неоглядныя, зеленыя равнины украинской степи. Пруды вырылъ отецъ Гоголя, бывшій усерднымъ хозяиномъ.

Я въѣхалъ во дворъ. По его травѣ бѣгали дворовые ребятки. Телѣга остановилась у крыльца. Я всталъ, отряхая съ себя густую дорожную пыль. Никто не слышалъ стука телѣги, и я тщетно поглядывалъ, къ кому обратиться съ вопросомъ о хозяевахъ. Все было тихо. Чуть шелестѣли листья ясеней у садовой ограды. Звонко куковала кукушка въ деревьяхъ за церковью. Я вошелъ въ домъ. Меня встрѣтили въ траурѣ мать и двѣ дѣвочки — сестры покойнаго Гоголя, Анна Васильевна и Ольга Васильевна. Его третья сестра, Елисавета Васильевна, при его жизни, минувшею осенью, вышла замужъ за г. Быкова и тогда находилась въ Кіевѣ. Я вручилъ матери Гоголя письмо Бодянского. Послѣ первыхъ привѣтствій, мнѣ дали умыться, переодѣться, закусить. Въ гостиной, за чаемъ, меня осыпали вопросами о моихъ осеннихъ встрѣчахъ съ Николаемъ Васильевичемъ. Оказалось, что Шевырѣвъ, видѣвшійся съ Бодянскимъ послѣ моего проѣзда черезъ Москву, предупредилъ мать Гоголя о моемъ заѣздѣ, и меня здѣсь уже ожидали. Эти черныя, шерстяныя платья, эти полныя горькой скорби лица и эти слезы близкихъ великаго писателя потрясли меня до глубины души. Марья Ивановна, мать Гоголя, говорила о сынѣ съ глубокимъ, почти суевѣрнымъ благоговѣніемъ.

— Моего сына, — сказала она, отирая слезы: — зналъ

самъ государь и, за его писательство, велѣть считать его на службѣ и отпускать ему жалованье. Не пожилъ покойный, не послужилъ родинѣ!

— Вашъ сынъ долго отсутствовалъ за границей?

— Почти восемнадцать лѣтъ; но онъ и тамъ служилъ перомъ своей родинѣ.

Мы прошли въ садъ. Но прежде опишу домъ. Гоголь, въ послѣдніе четыре года, въ свои прїѣзды къ матери, обыкновенно помѣщался во флигель, направо отъ большого дома. Здѣсь онъ, по словамъ его близкихъ, работалъ и надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ», съ 20-го апрѣля по 22-е мая 1851 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Инѳовщинѣ.

Флигель — низенькое, продолговатое строеніе, съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Вѣтхія ступени вели на крыльцо; изъ небольшихъ сѣней былъ входъ въ просторную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную.

Въ этой гостиной и въ кабинетѣ поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное его настроеніе, по словамъ его матери, въ послѣдній его заѣздъ сюда, заставляло его нерѣдко мѣнять свои рабочія комнаты. Также точно онъ, по ея словамъ, не могъ нѣсколько ночей сряду и спать въ одной и той же комнатѣ. Трудно это приписать, какъ это объяснили впоследствии, мухамъ, которыхъ на югѣ весною почти не бываетъ, или безпокойству отъ солнечныхъ лучей; во всѣхъ комнатахъ флигеля я засталъ въ мой заѣздъ на окнахъ занавѣски. Окна гостиной выходили въ особый палисадникъ у флигеля, огражденный высокими тополями. За ними былъ видъ на избы хутора и на степь.

Кабинетъ во флигель былъ расположенъ въ другомъ концѣ зданія и имѣлъ особый выходъ въ садъ. Здѣсь болѣе всего оставался Гоголь. Въ послѣднее свое пребываніе въ Васильевѣ, онъ отсюда не выходилъ иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ только къ обѣду и вечернему чаю. Это — комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два небольшихъ ея окна выходятъ во дворъ, между ними зеркало. На окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкапъ для книгъ. Этотъ шкапъ былъ заказанъ Гоголемъ лѣтомъ 1851 года и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи стояла деревянная,

простая кровать, покрытая ковромъ. Кромѣ писанія, во флигель Гоголь усердно занимался въ послѣднее время улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, — самъ рисовалъ для нихъ узоры, — и это занятіе, съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло его главное удовольствіе въ немногіе часы его отдыха. Надъ кроватью въ углу висѣлъ образъ св. угодника Митрофанія. Рабочій столъ Гоголя помѣщался между печью и кроватью, у забитой, лишней двери. Это — на высокихъ ножкахъ конторка, изъ грушеваго дерева, съ косою доской, покрытою кожей. На верхней части конторки съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. На стѣнѣ, надъ конторкою, висѣлъ привезенный Гоголемъ изъ Италіи Нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

Домъ, гдѣ помѣщались мать и сестра Гоголя, выстроенъ удобно. По стѣнамъ были развѣшаны старинные портреты Екатерины Великой, Потемкина и Зубова и англійскія гравюры, изображающія рыночныя и рыбацкія сцены въ Англій. Въ залѣ стоялъ рояль, за которымъ Гоголь, по словамъ его матери, иногда любилъ наигрывать и пѣть свои любимыя украинскія пѣсни, особенно — веселыя и плясовыя.

— Онъ иногда смѣшилъ насъ до упаду, — сказала мнѣ М. И. Гоголь: — самъ казался веселъ, хотя въ душѣ оставался постоянно задумчивымъ и печальнымъ.

Кстати о матери Гоголя. Она — урожденная Косоярѳовская. дочь чиновника. Когда я впервые увидѣлъ ее, по прїѣздѣ въ Яновщану, меня поразило ея близкое сходство съ ея покойнымъ сыномъ: тѣ же красиво очерченныя, крупныя губы, съ чуть замѣтными усиками, и тѣ же каріе, нѣжно-внимательныя глаза. Она была въ бѣломъ чепцѣ и безъ малѣйшей сѣдины. Ея полныя, румяныя, безъ морщинъ, щеки говорили, какъ была въ молодости красива эта еще и въ то время замѣчательно красивая женщина.

— Покойный братъ, — сказала мнѣ старшая сестра Гоголя, когда мы вышли въ садъ: — все затѣвалъ исправить, перестроить домъ — передѣлать въ немъ печи, переменить двери, увеличить окна и перебрать полы. Зимой у васъ холодно, писалъ онъ, надо иначе устроить сѣни. Оштукатурили мы домъ особымъ составомъ, по присланному изъ-за границы рецепту. Самъ онъ не выносилъ зимы и любилъ лѣто, — ненапопеленное тепло.

Старый, дѣдовскій садъ, гдѣ такъ любилъ гулять Гоголь, расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Его деревья высоки и вѣтвисты. По сторонамъ тѣнистой дорожки, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь, въ послѣднее здѣсь пребываніе, посадилъ съ десятокъ молодыхъ деревцовъ клена и березы. Далѣе, на луговой полянѣ, онъ посадилъ нѣсколько желудей, давшихъ съ новою весной свѣжіе и сильныя побѣги. Влѣво отъ балкона, другая, менѣе тѣнистая дорожка идетъ надъ прудомъ и упирается во второй, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Возлѣ нея, на пригоркѣ, стояла деревянная бесѣдка, разрушенная бурей, вскорѣ за послѣднимъ отъѣздомъ Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, былъ устроенъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дигимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь, по словамъ его матери, игралъ, будучи еще ребенкомъ по третьему году. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры, онъ любилъ садиться на этотъ камень, любуясь съ него видомъ прудовъ и окрестныхъ полей.

На дальнемъ прудѣ, за садомъ, стояла купальня. Къ ней ѣздили на небольшомъ, двухъ-весельномъ плотѣ. Купальню Гоголь устроилъ для себя, но пользовался ею не болѣе трехъ разъ. За прудомъ—широкая поляна, обсаженная надъ берегомъ вербами и серебристыми тополями, за которыми Гоголь ухаживалъ съ особымъ участіемъ.

— Вонъ туда, за церковь, — замѣтила Марья Ивановна, указывая за садъ: — сынъ любилъ по вечерамъ одинъ ходить въ поле.

Это былъ просѣлокъ въ деревни Яворщину и Толстое, куда нерѣдко, въ прежнее время, бывая здѣсь, Гоголь хаживалъ пѣшкомъ въ гости, своеобразно рассказывая друзьямъ, какъ онъ совершалъ возвратный путь, пополамъ «съ подѣдомъ на чужія тѣлги», а потомъ опять «съ напускомъ пѣхондачка». За послѣдніе годы онъ почти никого не посѣщалъ изъ сосѣдей.

Гоголь въ деревнѣ вставалъ рано; въ воскресные дни посѣщалъ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу, не отрываясь отъ нея иногда по пяти часовъ сряду. Напившись кофе, онъ до обѣда гулялъ. За обѣдомъ старался быть веселымъ, шутилъ, рассказывалъ импровизованныя анекдоты и все передвечернее время оставался въ кругу

семьи, хотя иногда среди близкихъ, какъ и среди знакомыхъ, любилъ и просто помолчать, слушая разговоры другихъ. Вечеромъ онъ опять гулялъ, катался на плоту по прудамъ или работалъ въ саду, говоря, что тѣлесное утомленіе, «рукопашная работа» на вольномъ воздухѣ — освѣжаютъ его и даютъ силу писательскимъ его занятіямъ. Гоголь въ деревнѣ ложился спать рано, не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди семьи, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы; кромѣ рисованія узоровъ для любимаго его матерью тканья ковровъ, онъ кроилъ сестрамъ платья и принималъ участіе въ обивкѣ мебели и въ окраскѣ оштукатуренныхъ при его пособіи стѣнъ. Я засталъ гостиную въ домѣ его матери—раскрашенную его рукой, въ видѣ широкихъ голубыхъ полосъ до бѣлому полю, заль—съ бѣлыми и желтыми полосами.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе посѣщали его. Пные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій; другіе, изъ старыхъ друзей, въ то время не жили въ своихъ помѣстьяхъ; а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Вообще, соотечественники-полтавцы чуждались и недолюбливали его. Да и Гоголь, особенно послѣ изданной имъ «Переписки съ друзьями», упорно избѣгалъ свиданія съ сосѣдами, говоря въ шутку сестрамъ, что прежде, чѣмъ явится кто-либо изъ окрестныхъ знакомыхъ, того и гляди уже выскочитъ «длинноязыкая бестія—чортъ», распускающій сплетни. Посторонними собесѣдниками Гоголя изъ его сосѣдей изрѣдка были, болѣею частью, простолюдины-хуторяне, убогіе и несчастные, которымъ онъ часто помогалъ. Оба священника села Васильевки, въ послѣдніе заѣзды сюда Гоголя, были отъявленные пьяницы. Поневолѣ онъ переписывался съ отдаленнымъ священникомъ города Ржева.

Къ украшеніямъ дома въ Яновщинѣ, въ послѣднее здѣсь пребываніе Гоголя, прибавились: его чрезвычайно схожіи портретъ, писанный въ 1840 году масляными красками Моллеромъ (этотъ портретъ былъ привезенъ Гоголемъ въ подарокъ матери изъ Петербурга), и трость изъ пальмовой вѣтви, съ которою Гоголь путешествовалъ по Святой Землѣ.

— Мы его съ прошлой осени ждали на всю зиму въ деревню, — сказала мнѣ мать Гоголя: — онъ сперва думалъ ѣхать въ Крымъ, хотя говорилъ, что Крымъ прелесть, но

безъ людей тамъ—тоска. Зимой онъ почти никогда не жилъ въ деревнѣ.

— Почему?

— Онъ это объяснялъ тѣмъ, что въ деревнѣ въ ненастную погоду онъ болѣе хвораеть, чѣмъ въ городѣ. Ему каждый день были нужны прогулки, и онъ предпочиталъ Москву, гдѣ всѣ дома просторнѣе и теплѣе и гдѣ для прогулокъ пѣшкомъ устроены хорошіе тротуары.

— Онъ и при мнѣ выражалъ сожалѣніе Бодянскому, — сказалъ я: — что не попалъ на свадьбу сестры — по нездоровью и изъ-за осенней погоды.

— А ужъ какъ онъ этого хотѣлъ, — замѣтила мать Гоголя: — мечталъ въ подарокъ новобрачной купить небольшую коляску и въ ней пріѣхать на свадьбу. На покупку у него, очевидно, не хватило денегъ.

Гоголь, пославшій черезъ меня Плетнѣву пособіе бѣднымъ студентамъ, дѣйствительно, самъ нуждался въ средствахъ къ жизни. Надо вспомнить, что въ то же время книгопродавцы, скупившіе остатки послѣдняго изданія его сочиненій, распускали слухъ, что новаго изданія почему-то не будетъ, и продавали каждый его экземпляръ по сто рублей.

Гоголь, по словамъ его матери, родился 19-го марта 1809 года, въ селѣ Сорочинцахъ, въ двадцати верстахъ отъ Яновщины. Черезъ три года исполнится восемьдесятъ лѣтъ со дня его рожденія. Марья Ивановна Гоголь имѣла до него другихъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не жилъ болѣе недѣли, вслѣдствіе чего появленія на свѣтъ новаго дитяти она ожидала съ грустнымъ и тяжелымъ раздумьемъ, будетъ ли ему суждено остаться въ живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ родную Васильевку-Яновщину. Несмотря на слабый организмъ, онъ, однако, скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, онъ уже сносно разбиралъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ.

Пяти лѣтъ отъ роду Гоголь, по словамъ его матери, вздумалъ писать стихи. Никто не понималъ, какого рода стихи онъ писалъ. У его домашнихъ осталось воспоминаніе, что извѣстный украинскій литераторъ Капшеть, заѣхавъ од-

нажды къ отцу Гоголя, засталъ его пятилѣтняго сына за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ у стола, глубокомысленно задумавшись надъ какимъ-то писаніемъ. Капнисту удалось просьбами и ласками, склонить ребенка-писателя прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи. Капнисть никому не сообщилъ о содержаніи выслушаннаго имъ. Возвратившись къ домашнимъ Гоголя, онъ, лаская и обнимая маленькаго сочинителя, сказалъ: «Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!» Склонность Гоголя къ стихамъ проявлялась въ немъ впоследствии еще не одинъ разъ. По словамъ его матери, онъ въ Нѣжинскомъ лицѣ написалъ стихотвореніе «Россія подъ игомъ татаръ». Эту никогда не напечатанную вещь Гоголь тщательно переписалъ въ изящную книжечку, украсилъ ее собственными рисунками и переслалъ матери изъ Нѣжина по почтѣ. Изъ всего содержанія этой поэмы, увезенной имъ впоследствии изъ Яновщины и, вѣроятно, истребленной, мать покойнаго вспомнила мнѣ только окончаніе, а именно, слѣдующіе два стиха:

«Раздвинувъ тучки среброруны,
«Явилась трепетно луна».

Гоголь, начавъ впоследствии писать исключительно прозою, обыкновенно молчалъ о своихъ первыхъ стихотворныхъ попыткахъ. О сожженіи имъ изданной своей поэмы «Гансъ-Кюхельгартенъ» мнѣ разсказалъ свидѣтель этого аутодафе, его бывший камердинеръ и поварь, Якимъ, состоявшій во время моего пріѣзда въ Яновщину дворецкимъ и ключникомъ. Застѣнчивый и робкій Якимъ передалъ мнѣ, что его покойный баринъ однажды, въ Петербургѣ, пришелъ домой сильно не въ духѣ и послалъ его скупать и отбирать по книжнымъ лавкамъ отданныя на комиссію книгопродавцамъ синенькія книжки, на которыхъ было заглавіе: «Гансъ-Кюхельгартенъ». Были собраны, привезены и безъ всякаго сожалѣнія сожжены около шести сотъ этихъ книжекъ. Кстати объ этомъ Якимѣ. Узнавъ, въ 1837 году, о смерти Пушкина, онъ неутѣшно плакалъ въ передней Гоголя.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ? — спросилъ его кто-то изъ знакомыхъ.

— Какъ же мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ.

— Да тебѣ-то что? развѣ ты его зналъ?

— Какъ что? и знать, и жалко. Помилуйте, они такъ любили барина. Бывало, снѣгъ, дождь и слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Пондеевскаго моста, сюда, въ Мѣщанскую. По цѣлымъ ночамъ у барина просиживали, слушая, какъ нашъ-то читалъ имъ свои сочиненія, либо читая ему свои стихи.

Зная объ этомъ слугѣ Гоголя отъ Плетнева, я сталъ разспрашивать Якима о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. По словамъ Якима, Пушкинъ, заходя къ Гоголю и не заставая его, съ досадою рылся въ его бумагахъ, желая знать, что онъ написалъ новаго. Онъ съ любовью слѣдилъ за развитіемъ Гоголя и все твердилъ ему: «пишите, пишите», а отъ его повѣстей хохоталъ, и уходилъ отъ Гоголя всегда веселый и въ духѣ. Наканунѣ отъѣзда Гоголя, въ 1836 году, за границу, Пушкинъ, по словамъ Якима, просидѣлъ у него въ квартирѣ, въ домѣ каретника Юхима, на Мѣщанской, всю ночь на пролетѣ. Онъ читалъ начатыя имъ сочиненія. Это было послѣднее свиданіе великихъ писателей. Въ 1837 году Пушкинъ скончался. Гоголь, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, уже не засталъ его въ живыхъ.

Мать Гоголя мнѣ передавала, что первые годы отрочества онъ провелъ со своимъ младшимъ, рано умершимъ братомъ Иваномъ. Отецъ Гоголя, ѣздя въ поле съ сыновьями, иногда задавалъ имъ дорогою темы для стихотворныхъ импровизаций: «солнце», «стень», «небеса». Старшій сынъ отличался находчивостью въ отвѣтахъ на такія задачи. Гоголь-отецъ самъ сочинялъ театральныя, комическія пьесы для домашней сцены въ семействѣ Тропинскихъ, которые оказывали особое вниманіе ему и его старшему сыну. Комедіи своего покойнаго отца Гоголь взялъ съ собою отъ матери при отъѣздѣ въ Петербургъ, для того, чтобы ихъ напечатать. Неизвѣстно, какой участи онѣ подверглись, такъ какъ впоследствии никто ихъ не видѣлъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, послужившихъ эпитафиями къ нѣкоторымъ изъ повѣстей Гоголя.

Смерть младшаго брата до того поразила отрока-Гоголя, что были принуждены отвезти его въ Нѣжинскій лицей, чтобы отвлечь мысли его отъ могилы брата. Здѣсь Гоголь скорѣе оправился и изъ хилаго, болѣзненнаго ребенка сталъ сильнымъ, веселымъ и падкимъ до разныхъ потѣхъ и шалостей юношей. Страстный поклонникъ всего высокаго и

изящнаго, онъ на школьной скамейкѣ тщательно переписывалъ для себя на самой лучшей бумагѣ, съ рисунками собственнаго изобрѣтенія, выходившія въ то время въ свѣтъ поэмы «Цыгане», «Полтава», «Братья разбойники» и главы «Евгенія Онѣгина». По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, Гоголь у матери отпросился въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время усердно занимался живописью и иностранными языками.

Въ 1829 году Гоголь неожиданно уѣхалъ за границу. Добравшись до Любека, онъ написалъ матери покаянное письмо (она мнѣ давала его читать), изложилъ въ немъ свои разочарованія въ мѣстахъ, къ которымъ онъ такъ жадно стремился, приложилъ къ письму очеркъ улицы, въ которой остановился, и, увидѣвъ близкій конецъ своихъ скудныхъ денежныхъ средствъ, съ грустью возвратился въ Петербургъ.

Мать Гоголя, на разставаньи со мной, узнавъ, что я ѣду въ Кіевъ, просила меня доставить туда письмо и небольшую посылку ея замужней дочери, Ел. В. Быковой, отъ которой она давно въ то время не получала извѣстій. Мѣстожителства г-жи Быковой въ Кіевѣ мнѣ помогъ найти тамошній, тогда уже извѣстный, профессоръ медицины, докторъ Ѳ. С. Цыцуринъ, знавшій и не однажды лѣчившій Гоголя, отъ котораго у него бережно хранился экземпляръ «Мертвыхъ душъ» съ дружескою на немъ надписью автора. У доктора Цыцурина, кстати сказать, я засталъ при этомъ молодого тогдашняго ученаго, впоследствии кіевскаго профессора и нынѣшняго министра финансовъ, Н. Х. Бунго.

Прошло болѣе тридцати-четырехъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ изъ семейства Гоголя я никого не видѣлъ. Мнѣ, въ годъ смерти Гоголя, привелось набросать и напечатать въ одной изъ газетъ очеркъ его родной усадьбы. Другихъ, болѣе подробныхъ о ней свѣдѣній я послѣ того не встрѣчалъ въ печати. Часто думалось мнѣ съ тѣхъ поръ: «Что нынѣ стало съ Яновщиною-Василевкою? Цѣлы ли въ ней домъ и флигель, гдѣ въ послѣднее время жилъ великій писатель, сохраняются ли тамошніе садъ и пруды, и благополучно ли растутъ посаженные руками Гоголя деревья?»

Набросавъ давно эти воспоминанія, я не рѣшался ихъ печатать, не собравъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ семей-

ства Гоголя. Меня также занимать вопросъ, почему ни въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ изданій доннынъ не помѣщено изображеній усадьбы знаменитаго автора «Тараса Бульбы» и «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»? Въ Полтавѣ и въ Кіевѣ, съ его смерти, перебивали многіе наши даровитые художники; фотографія въ этихъ городахъ развилась съ тѣхъ поръ и процвѣтаетъ. Неужели же никому изъ мѣстныхъ фотографовъ,—разсуждалъ я,—не пришло въ голову снять, для печати, виды Васильевки? Время не ждетъ и легко можетъ снести послѣдніе слѣды деревенскаго жилища дорогаго писателя, которому, между тѣмъ, мы собираемся ставить памятникъ.

Лѣтомъ 1886 г. я узналъ, что въ полтавской губерніи благополучно здравствуютъ двѣ сестры Гоголя, которыхъ я, тридцать-четыре года назадъ, видѣлъ въ Яндовщинѣ, а именно: Анна Васильевна Гоголь—въ городѣ Полтавѣ и Ольга Васильевна Головня—въ родномъ селѣ Васильевкѣ.

На мои обращенія съ вопросами въ Полтаву, я получилъ отъ почтенной Анны Васильевны Гоголь отвѣтъ, за который приношу ей глубочайшую признательность. Привожу отрывки изъ ея писемъ ко мнѣ, давшихъ мнѣ возможность значительно дополнить мою статью. Анна Васильевна Гоголь мнѣ сообщила, между прочимъ, слѣдующее:

«Какъ я вамъ благодарна, что вы прислали мнѣ прочесть ваши воспоминанія! Отвѣчаю по пунктамъ на ваши вопросы.

«Наша мать умерла, 76-ти лѣтъ, въ 1868 году, въ деревнѣ Васильевкѣ, скоропостижно, на первый день Свѣтлага праздника; вѣроятно, не побереглась послѣ семинедѣльнаго поста. Она до смерти была очень моложава и бодра; у нея не было морщинъ и сѣдины. Съ нею тогда жила меньшая наша сестра Ольга, съ мужемъ, отставнымъ майоромъ Головня, который держалъ наше имѣніе въ арендѣ. Сестра Ольга съ тѣхъ поръ овдовѣла и имѣетъ трехъ дѣтей, замужнюю дочь и двухъ сыновей, Николая и Василя Яковлевичей, служащихъ въ Ахтырскомъ драгунскомъ полку, въ Бѣлой Церкви. Наша деревня Васильевка раздѣлилась на двѣ части—сестрѣ Ольгѣ и старшему сыну покойной сестры Елисаветы Васильевны Быковой, Ник. Влад. Быкову, который женатъ на Марьѣ Александровнѣ Пушкиной, внучкѣ поэта.

«По жребію, старая усадьба (дворъ, садъ и пр.) досталась сестрѣ Ольгѣ, а племянникъ, Николай Быковъ, построилъ себѣ новую усадьбу, за прудомъ, въ другомъ саду, гдѣ теперь и живетъ, имѣя двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Александра и дочь Елисавету. Онъ служилъ въ нарвскомъ гусарскомъ полку, во время командованія имъ А. А. Пушкинымъ (сыномъ поэта), гдѣ женился на его дочери.

«Старая наша усадьба въ заустѣніи, особенно флигель для гостей, въ которомъ братъ останавливался въ послѣднее время. Садъ запущенъ, заглохъ; гротикъ завалился. Старый поваръ Якимъ умеръ въ прошломъ 1885 году, въ деревнѣ, у женатаго своего сына, а его дочь Наталья, съ десятилѣтняго возраста, у меня въ услуженіи. Она была нѣкоторое время замужемъ, но, овдовѣвъ, опять поступила ко мнѣ.

«Портретъ брата масляными красками (работы Моллера) у меня; онъ попорченъ, и потому я никому его не даю. У меня же его шкалъ для книгъ и конторка. Изъ прочихъ вещей брата почти ничего не сохранилось. Имѣніе (Васильевка) не было во владѣніи брата. Мать владѣла имъ пожизненно, по завѣщанію свекрови. Крестьяне-сосѣди звали ее «барыня изъ Яновщины». Это имѣніе нѣкогда было заложено, но выкуплено уже давно. Въ немъ, за надѣломъ крестьянъ, осталось на двѣ части около 700 десятинъ. Я удовольствовалась частью выкупной ссуды и живу въ Полтавѣ, близъ племянницы М. В. Рахубовской. Ея меньшей братъ, Ю. В. Быковъ, въ Петербургѣ служить въ лейбъ-казакахъ (въ лейбъ-атаманскомъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полку).

«Н. П. Трушковскій, сынъ старшей нашей сестры, Марьи Васильевны, умершей въ 1844 году, остался круглымъ сиротой съ одиннадцати лѣтъ; учился въ гимназій, потомъ въ казанскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ; кончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ кандидатомъ. Онъ занимался изданіемъ сочиненій покойнаго брата, но заболѣлъ и умеръ въ помѣшательствѣ. Я съ моею матерью ѣздила за нимъ въ Москву. Это была славная личность! Я его очень любила.

«Изъ сосѣдей, знакомыхъ брата, никого уже нѣтъ въ живыхъ. Въ деревнѣ Толстое, въ шести верстахъ отъ насъ, жили Черныши, которыхъ братъ любилъ. Особенно же былъ

дружень съ дѣтства съ А. С. Данилевскимъ *). Не знаю, живъ ли послѣдній. Онъ ослѣпъ и жилъ въ сумскомъ уѣздѣ, у родныхъ жены; у нихъ было трое дѣтей. Приѣзжая въ деревню лѣтомъ, въ послѣдніе четыре года, братъ прежнихъ знакомыхъ уже не нашель, а новыхъ знакомствъ не любилъ, радъ былъ, что наша деревня въ глуши, не на большой дорогѣ.

«Сестра Елизавета Васильевна вышла замужъ, какъ вы знаете, при братѣ; она овдовѣла, послѣ его смерти, черезъ десять лѣтъ; прожила вдовою еще четыре года и умерла, оставивъ пятерыхъ дѣтей. Теперь самому меньшему изъ нихъ, Ю. В. Быкову, 25 лѣтъ.

«Братъ никогда не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ: даже намека о нихъ не допускалъ. Если, бывало, кто-нибудь заговоритъ о нихъ, онъ хмурился, перемѣнялъ разговоръ или уходилъ. Въ послѣднее время его письма были всегда грустныя и строгія, а прежде въ институтъ онъ намъ писалъ веселыя письма и часто шутилъ, особенно съ сестрою Ел. В. Быковой. Письма брата къ намъ, потомъ въ деревню, были наполнены наставленіями. Онъ боялся, чтобы мы не скучали,—весь день были бы въ занятіяхъ и болѣе дѣлали бы моціона; боялся, чтобы насъ не занимали наряды, и внушалъ намъ, что очень стыдно при комъ-нибудь говорить о нарядахъ.

«Сестра Ел. Вас. Быкова, въ 1862 году, была у насъ съ дѣтми въ деревнѣ, когда ея мужъ, подполковникъ, командовавшій сапернымъ баталіономъ въ Тифлисѣ, былъ назначенъ на такую же должность въ Гүри-Кальварію, близъ Варшавы, куда и уѣхалъ заготовлять квартиру, чтобы взять свою семью. Вдругъ получаемъ извѣстіе, что онъ умеръ... Бѣдная сестра чуть не потеряла разсудка! Я съ нею переѣхала въ Полтаву. Ея старшая десятилѣтняя дочь Марья Влад. (впослѣдствіи Рахубовская) поступила въ полтавскій институтъ. Черезъ четыре года, сестра Елис. Васильевна умерла. По ея смерти, я съ ея дѣтми жила въ Полтавѣ.

«Еще о старой усадьбѣ. На мѣстѣ теперешняго нашего деревенскаго дома былъ другой; тамъ братъ провелъ дѣтство.

*) Имя жены А. С. Данилевскаго, Юліи, Улиньки, дало Гоголю, какъ слышно, мысль назвать героиню второй части «Мертвыхъ душъ» — Улинькою. Г. Д.

Его рисунокъ, работы брата, хранится у меня. Теперешній домъ, гдѣ вы когда-то были, я помню, долго стоялъ недостроенный. На немъ былъ мезонинъ, который потомъ сняли. На этомъ мезонинѣ одна комната была наскоро отдѣлана, для пріѣзда брата изъ Нѣжина, и я помню, что мы, сестры, дѣтьми ходили къ нему туда, по узенькой лѣсенкѣ.

«Изъ посаженныхъ братомъ деревьевъ въ обоихъ садахъ сохранилось нѣсколько клѣновъ. Это было его любимое дерево. Дубки онъ садилъ желудями; они почти всѣ пропали. Я рѣдко ѣзжу въ деревню. Грустно видѣть разрушеніе. Новая усадьба племянника Николая иногда интересуесть; но я ѣзжу туда только съ кѣмъ-нибудь; одной скучно и сорокъ верстъ отъ Полтавы.

«Братъ считалъ насъ двухъ сестеръ (Елизавету и Анну) своими воспитанницами, потому что самъ помѣстилъ насъ въ институтъ въ Петербургѣ. Онъ заставлялъ насъ переводить. Далъ мнѣ разъ нѣмецкую статью, гдѣ сравнивали брата съ Погодинымъ. И когда я затруднилась перевести фразу: «Pogodin ist ein umgekehrter Gogol», онъ посоветовалъ мнѣ перевести такъ: «Погодинъ—вывороченный Гоголь». При этомъ онъ старался насъ увѣрить, что наши переводы «очень нужны», самъ ихъ поправлялъ и давалъ намъ награды за нихъ. Бумаги брата, бывшія въ его чемоданѣ, пропали; цѣль одинъ чемоданъ».

Желательно было бы видѣть въ печати тѣ «веселія» письма Гоголя къ его сестрамъ, о которыхъ упоминаетъ почтенная Анна Васильевна. То была лучшая, свѣтлая пора Гоголя, когда онъ писалъ С. Т. Аксакову: «О себѣ скажу вамъ, что моя природа совсѣмъ не мистическая». Живя лѣтомъ близъ Петербурга, на Поклонной горѣ, на дачѣ Гюнтера, и избѣгая журнальной среды, онъ писалъ друзьямъ, что журнальныя занятія «вывѣтриваютъ душу», и стремился къ родному югу, къ южной веснѣ. «Что это такое весна?—писалъ онъ тогда:—я ее не знаю, не помню! позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь?» Въ свѣтлые часы Гоголь любилъ шутить не только съ сестрами, но и съ друзьями, утѣшая ихъ, по-своему, въ ихъ жизненныхъ неудачахъ: «Это все дѣло нашего общаго пріятеля—чорта,—писалъ онъ друзьямъ:—бейте эту длиннохвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти кисели, да еще съ пидилеснемъ...»

(т.-е. съ пришлёпкой). Невольно вспоминается чернильница, пущенная Лютеромъ въ бѣса. Пріятелямъ-сверстникамъ Гоголь щедро раздавалъ шутливые совѣты и прозвища, оставшіяся необъясненными въ изданныхъ его письмахъ: Барончикъ, Доримончикъ, Фонъ-Фонтикъ, Купидончикъ, Ходцики и пр. «О, моя юность! о, моя свѣжесть!»—восклицалъ въ послѣдствіи великій писатель объ этой своей веселой и свѣтлой порѣ.

Анна Васильевна Гоголь обязательно прислала мнѣ также фотографію дома и части усадьбы села Васильевки, исполненную В. А. Волковымъ, имѣвшимъ недавно собственную фотографическую мастерскую въ Полтавѣ. При этой фотографіи она доставила мнѣ, по моей просьбѣ, и исполненный Н. В. Гоголемъ акварельный рисунокъ «старого дома» Васильевки, гдѣ Гоголь провелъ свое дѣтство. Оба эти рисунка переданы мною редакціи «Историческаго Вѣстника».

Русскіе читатели, безъ сомнѣнія, съ особымъ удовольствіемъ узнаютъ изъ вышеприведенныхъ мною писемъ Анны Васильевны Гоголь, что внучка великаго нашего поэта, Пушкина, сочеталась бракомъ съ племянникомъ Гоголя, бывшаго нѣкогда въ искренней дружбѣ съ Пушкинымъ. Послѣдній, какъ извѣстно, еще при жизни, уже духовно сроднился съ Гоголемъ: онъ далъ ему сюжеты лучшихъ его произведеній—«Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».

1886 г.

СТОРІЯ О ГОСПОДЬ И О ЗЕМЛѢ.

(къ воспоминаніямъ о гоголѣ.)

Осенью 1851 года Гоголь въ разговорѣ со мной въ Москвѣ о собираніи народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, преданій и былинъ, спросилъ меня, слышалъ ли я когда-нибудь любопытную украинскую легенду о томъ, какъ Господь создалъ землю? На мой отвѣтъ, что этого мнѣ не удавалось слышать, онъ сказалъ: «Интересно было бы найти и записать эту легенду. Въ моей памяти осталось о ней кое-что, совершенно отрывочное и смутное; а надо думать, что у народа объ этомъ сохранилась цѣлая, своеобразная космическая поэма. И если теперь, когда забывается многое, слышанное отъ дѣдовъ, трудно найти эту легенду цѣликомъ, то хорошо было бы записать ее хотя бы по частямъ». — На мой вопросъ, что же именно осталось у него въ памяти изъ этой легенды, Гоголь отвѣтилъ: «Не спрашивайте; такъ, какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что-то тутъ помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличень, и только...»

Послѣ смерти Гоголя, я не разъ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ и, въ развѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, тщетно допытывался о занимавшей его легендѣ. Тѣ, кого я о ней спрашивалъ, отзывались невѣдѣніемъ. И вотъ, однажды, совершенно случайно, мнѣ удалось услышать простодушный народный разсказъ не только о томъ, какъ Господь сотворилъ землю, но и какъ онъ потомъ, въ видѣ нищаго, ходилъ по ней, — спасать грѣшныхъ людей. Я тогда же записалъ и переслалъ слышанное М. А. Максимовичу, извѣстному собирателю украинскихъ преданій, вскорѣ потомъ, къ сожалѣнію, умершему. Что сдѣлалъ послѣдній съ

моимъ разсказомъ и куда попали его бумаги,—между которыми могъ сохраниться и записанный мною разсказъ,—мнѣ неизвѣстно.

Перебирая недавно свои старые письменные матеріалы, я среди нихъ нашелъ черновой набросокъ слышанной мною легенды. Привожу его здѣсь въ томъ видѣ, какъ я тогда его записалъ.

...Это случилось въ половинѣ апрѣля, во время половодья, у Екатеринослава. Мнѣ пришлось долго ожидать переправы черезъ Днѣпръ. Былъ канунъ Пасхи, — вечеръ страстной субботы. Стояла бурная, студеная погода. Вдувшаяся рѣка несла бѣлогривыя, пѣнистыя волны. По небу стремительно бѣжали сѣрыя, разорванныя клочками, облака. Изрѣдка срывался дождь, косыми полосами застилая окрестности. Смеркалось.

Кучка перезябшаго народа, съ котомками и топорами, пробравшагося на другой, едва видный въ туманѣ берегъ, сидѣла у лощманскаго куреня. Иные, грѣясь у костра, толковали и спорили, будетъ ли еще къ ночи, съ той стороны, паровой баркасъ или на веслахъ паромъ; другіе молча и сумрачно глядѣли на рѣку, въ неоглядномъ разливѣ катившую опустѣлыя, хмурыя воды.

Высокій, сѣдой и загорѣлый, коротко-остриженный лощманъ, съ длинными бѣлыми усами, въ высокихъ сапогахъ и въ накинутой на плечи короткой сермягѣ, расхаживалъ по берегу, то подкладывая щепокъ и хвороста въ костеръ, то ворча на волны, хлеставшія въ бока его сторожевой лодки, привязанной, у песчаного берега, къ вербѣ.

— А что, панче, не погрѣлись бы въ куреніѣ?—сказалъ, подойдя ко мнѣ, съ изыбшимъ и намокшимъ лицомъ, лощманъ:—переправы сегодня уже не будетъ.

Я вошелъ въ куренъ, гдѣ сохранялась моя ручная поклажа, улегся на соломѣ и, отъ сильной усталости, скоро заснулъ...

Долго ли я спалъ, не помню. Меня разбудили какіе-то голоса. Я прислушался. Подъ куренемъ снаружи разговаривали двое. Кто-то спрашивалъ; ему отвѣчалъ другой. Въ послѣднемъ я узналъ густой и басистый голосъ лощмана. Приподнявшись на локтѣ, я взглянулъ въ отверстіе куреня. Буря смолкла; вѣтеръ затихъ. Ночь была на исходѣ. Про-

ленившееся небо сверкало тысячами звѣздъ. Съ вечера, — когда я заснулъ, — очевидно, изъ города приплывало что-нибудь сюда, такъ какъ ожидавшихъ переправы здѣсь уже не было видно. Берегъ опустѣлъ. Съ лодманомъ, пустившимъ меня въ курень, разговаривалъ кто-то изъ подошедшихъ позже.

— Боже милостивый, Боже правый, — слышалось изъ-за куреня: — шестой десятокъ живу... день-денской маешься, всѣ ноженки отобѣешь; а пришелъ, вотъ и домъ, рукою, кажется, подать, въ церквахъ божіе служеніе, всякъ разговѣтся поспѣнаеть, а самъ когда попадешь? Ты говоришь — конь; былъ, да покрали. Ну, и ходи... И все вода, вода! гдѣ ея нужно людямъ, въ стени, тамъ нѣту, а тутъ — сущій потопъ.

— Изъ воды, друже, Господь и землю сотворилъ, — возразилъ голосъ лодмана: — не будь воды, не было бы и земли!

— Ну?! — удивился путникъ: — какъ же такъ изъ воды? то вонъ что, жидкое, а то земля...

— А также... Про то люди старые знаютъ; есть такая стѣрія.

— Какая же она такая стѣрія?

— Про Господа и про землю.

— Расскажи, Андрій Петровичъ.

Лодманъ помолчалъ.

— Прежде, споконъ вѣку, — сказалъ онъ: — вездъ была одна, какъ есть, вода. Богъ леталъ надъ тою водою, а за нимъ его главный, вѣрный ангель. И сказалъ Господь ангелу: нырни на дно, захвати въ горсть илу; пора быть землѣ. Ангель нырнулъ, долго былъ подъ водою, а какъ выплылъ, едва переводитъ духъ; говоритъ: «не досталъ, Господи, дна; очень глубоко!» — «Нырни еще разъ!» — Опять нырнулъ ангель, былъ подъ водою еще долѣе, и досталъ илу. Началъ Богъ сѣять землю. Куда, на восходъ солнца, ни кинетъ, — тамъ становятся горы, долины, поля. Такъ онъ леталъ и сѣялъ; а на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выросли травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. — «Что это у тебя?» — спрашиваетъ Богъ. — «Ошкрябнулъся, Господи, какъ нырять». — Стало благословиться на свѣтъ: взощло и покатилося по небу солнце. Былъ первый на свѣтъ день. Оглянулся Богъ, передъ вечеромъ, и видитъ, ангель изъ-за губы тоже выни-

маеть что-то, кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя.—«Что это ты дѣлалъ, позади меня?» — спросилъ Господь ангела. Тотъ молчитъ. — «Признайся, ты украдъ плу, утаилъ отъ меня?» — Ангелъ влянется, что не кралъ и не утаилъ.—«Ну, будь же ты,—скажаль Господь:—не моимъ первымъ и вѣрнымъ ангеломъ, а сатанѣюмъ, и чтобъ тебѣ, отъ сего часу, опочину не было, до конца вѣка и земли!»—Богъ полетѣлъ выше и дальше, на восходъ солнца, а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрые люди и зѣмли, а отъ дьяволова—злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана, съ своими подпомощниками, больше и держится надъ водою, въ ому-тахъ, у мельницъ и у переправъ; водяные—то все его дѣти.

— А кто ихъ видѣлъ?—усомнился собесѣдникъ:—можетъ, оно и не такъ...

— Были такіе... Вотъ хоть бы мой батько,—царство ему небесное,—видѣлъ, да не одного, а двухъ водяныхъ, молодшаго и старшаго.

— Гдѣ онъ ихъ видѣлъ?

— То было давно. Батько тоже держалъ перевозъ, только не тутъ, а въ Никополѣ. Погода,—разсказывасть, бывало,—стояла тогда еще хуже,—дождь и буря, да такая, что онъ черпаль, черпаль воду изъ челна, да и руки опустилъ. И вдругъ видитъ, передъ нимъ выросъ незнакомый, черномазый такой человекъ, не то мѣщанинъ изъ города, не то приказный фертикъ. Дождь сыпаль, какъ изъ рѣшета, а тотъ черномазый подошелъ чистый и сухой, точно съ иголки снятый. — «Добрый вечеръ, старче,—говорить:—перевези, будь ласковъ, на ту сторону». — «Да какъ же везти,—отвѣтилъ батько:—въ такую темень, не то, что я, самъ чортъ тебя не переправить, не намочивъ хвоста». — Черный усмѣхнулся. — «Не бойся,—говорить,—со мною не замочишься!» — Батько видитъ, буря, дождь еще сильнѣе, а черный стоитъ сухой, какъ порошокъ, сапоги такъ и блестять, и еще пылъ съ нихъ палочкой онъ сбиваетъ. Перекрестился батько и сталъ развязывать лодку; возился, копался, никакъ не раскрутить узла. Оглянулся, а возлѣ него уже не одинъ, а двое; откуда-то взялся еще сивенькій дѣдокъ, весь въ тинѣ, съ зеленою бородою и кнутикомъ. — «О чемъ, спрашиваетъ, тол-

куешь, рыбаچه?»—«Да вотъ, человекъ просится на тотъ бокъ; только боюсь, не скупаться бы въ такую бурю и тьму» — Дѣдокъ посмотрѣлъ на фертика, да какъ крикнетъ: «А? такъ это ты? шебарда — барда! а на свое мѣсто, — пьяницъ въ шинки таскать, — не знаешь?»—и ну его чесать кнутомъ по бокамъ... Черный въ воду, дѣдъ за нимъ, и побѣжали оба, въ перегонку, по Дибѣру, точно по полю... То и были водяные!.. Шебарда!.. Съ тѣхъ поръ и батьку такъ всё и прозвали шебардой.

— Такъ, выходить, — отозвался голосъ за курунемъ: — гдѣ сѣялъ сатана, тамъ уже только грѣшныя люди и земли?

— Такъ оно было и долго, пока милосердый Господь опять спустился съ неба и сталъ нищимъ ходить по землѣ.

— Для чего нищимъ?

— Узнать, кто праведный, кто грѣшный, какъ люди живутъ и кому что воздать по дѣламъ.

— Расскажи на милость... Сколько живу, немало внукамъ рассказывалъ, а про такое, о, Господи, не доводилось слышать.

Лощманъ всталъ, подложилъ щенокъ въ костеръ и опять сѣлъ.

— Ходилъ это Богъ, съ апостоломъ Петромъ, — сказалъ онъ: — оба цѣшіе, съ котомками и клюками, какъ старцы-нищунъ. И пришли они разъ, противъ ночи, въ большое село. Видятъ, стоитъ новая, богатая хата. Петръ и говорить: — «Господи! мы въ конецъ изморились, — попросимся тутъ ночевать». — Богъ отвѣтилъ: «Богачъ даромъ не пуститъ, еще заставитъ утромъ молотить снопы». — «Такъ пойдемъ на постоялый». — «И туда не слѣдъ, — сказалъ Господь: — тамъ навѣрное много всякаго народа; кто-нибудь хмельной еще чоботомъ подъ лавку подохнетъ». — Не послушался Петръ, пошелъ въ хату къ богатому. Тотъ говорить:—«Пока жены нѣту дома, заходите, ложитесь за печкой, въ углу; жена у меня бѣдовая, гуляетъ въ гостяхъ; а можетъ, какъ вернется, и не замѣтитъ». — Господь улегся за печкой, подальше къ стѣнѣ, а Петръ съ краю, снаружи. Середь ночи возвратилась жена, да хмельная. Напустилась, съ пьяну, на мужа:—«Такой—сякой, пускаешь всякихъ бродягъ!»—Ухватила метлу и давай ея стегать по спинѣ праведнаго Петра. Умаялась, заснула. Лежитъ, охаетъ Петръ:—«Господи, когда бы уже скорѣе разсвѣло!» — Рано утромъ старцы встали, поблагодарили хозяина и ушли. Имъ на-

встрѣчу мужикъ изъ шинка, а изъ церкви попъ. — «Боже правый, — говоритъ мужикъ: — еле бреду, упился, хоть वाली!» — А попъ говоритъ: — «Вотъ до бѣса было дѣтей въ церкви! руки отбилъ, ихъ причащаючи» — И сказалъ Богу Петръ: — «Такая-то правда на свѣтѣ; мужикъ пьянъ и поминаетъ Господа, а попъ, только-что причащаль, поминаетъ бѣса!» — «Молчи, — сказалъ Господь: — не то еще услышишь и увидишь». — Ходили они цѣлый день, къ ночи зашли на хуторъ. Тамъ жила бѣдная вдова. Хатенка у нея такая, что ни стать, ни сѣсть; сама хозяйка хвораая лежитъ, а дѣтей куча, да все маленькія, — ползають, пищать вокругъ нея. Обрадовалась вдова гостямъ; встала черезъ силу, затопила печку, достала въ торбочкѣ послѣдней муки, наварила варениковъ, накормила гостей, чѣмъ Богъ послалъ, и уложила ихъ спать на палатахъ, а сама съ дѣтьми легла на земь, подъ лавку. Отдохнули старцы, поблагодарили утромъ хозяйку и ушли. Идутъ полемъ. Смотритъ Петръ, надъ Богомъ летитъ бѣлое кудрявое облако, — то былъ съ крыльями серафимъ. И говоритъ Богъ серафиму: — «Лети вонъ на тотъ хуторъ, гдѣ мы ночевали, — тамъ живетъ праведная, убогая вдова; вынь изъ нея и принеси мнѣ ея душу!» — Серафимъ полетѣлъ и воротился одинъ. — «Не могу, — говоритъ, — Господи! рука не поднялась! жалко бѣдной вдовы; дѣти такъ пищать и ползають вокругъ нея, что пристуцу нѣтъ! что будетъ съ малыми дѣтьми, какъ возьмемъ у нея душу?» — «И правда, Господи, — сказалъ Петръ: — какъ ее не пожалѣть! Она такъ ласково насъ приняла и накормила; дай ей, милостивый, пожить, хоть нѣсколько годковъ, пока дѣти подрастутъ!» — Господь отвѣтилъ: — «Слушай, Пётре! ты еще не все знаешь, не все видишь! Узнаешь и увидишь послѣ. А теперь иди вонъ въ тотъ лѣсъ; тамъ стоитъ хата — еще хуже, чѣмъ у той вдовы, — дырявая и нетопленная, — и въ ней живетъ такая старая старца, что отъ старости совсѣмъ поцвѣла и мохомъ поросла. Коли она согласится теперь же помереть, дамъ той вдовѣ жизни, — она еще поживетъ на землѣ для своихъ дѣтей!» — Отправился Петръ, нашель непокрытую дырявую хату и въ ней старуху. — «Здорово, — говоритъ, — бабуся!» — «Здоровъ будь и ты!» — «Тяжко тебѣ, бабуся, жить тутъ одной?» — «Охъ, тяжело!» — «Такъ ты бы, бабуся, лучше померла!» — «Э-ге, — говоритъ старая: — умирай лучше ты самъ; только еще лѣто подошло, солнышко

пригрѣло, цвѣтики зацвѣли, а ты о смерти!» — Доложилъ Господу Петръ.—«Ну, теперь видишь?» — сказалъ Господь и велѣлъ серафиму летѣть ко вдовѣ. Тотъ махнулъ крыльями, зашумѣлъ, понесся, вынулъ и принесъ Богу душу вдовы.— «Пусти ее въ рай,—сказалъ Господь: — она лучшее мѣсто заслужила!» — И полетѣла праведная душа въ рай; малыя дѣти осиротѣли. Удивился Петръ и осмѣлился укорить Бога: — «Не по правдѣ, Господи, ты рѣшилъ!» — «Не по правдѣ?»—спросилъ Господь:—хорошо же; пойдемъ на судъ къ тому, кто не покривитъ душой, къ праведному Семіону!»— А тотъ Семіонъ долго былъ судьей, состарился и сказалъ людямъ:—«Ни сильному, ни богатому я не угождалъ; а вы все думали, что я потакалъ зажиточнымъ, да своимъ. Хотите, чтобъ я васъ еще судилъ, выжгите мнѣ глаза!»—Люди подумали, потолковали и согласились. Ослѣпъ Семіонъ. Петръ взялъ серебряный дукатъ, а Богъ хлѣбъ, и пошли къ Семіону. Сидитъ слѣпецъ за столомъ и спрашиваетъ: — «Что вамъ, добрые люди, надо?»—«Мы пришли къ тебѣ, — говоритъ Петръ: — разсуди наше дѣло!»—и подsunулъ слѣпому дукатъ. Семіонъ ощупалъ его и отодвинулъ по столу прочь. Богъ положилъ на столъ хлѣбъ; Семіонъ ощупалъ хлѣбъ, поцѣловалъ его, но тоже отодвинулъ. Поклонился Петръ и сталъ говорить, какъ неправедно божій серафимъ вынулъ у бѣдной вдовы душу и какъ осиротилъ неповинныхъ передъ Богомъ ея малыхъ дѣтей. Семіонъ выслушалъ, задумался и отвѣтилъ:—«Вы пришли ко мнѣ судиться?» — «Такъ, честный отче!» — «Вы заспорили?» — «Заспорили». — «Ну, слушайте же, добрые люди; не нужно мнѣ ни вашего сребра, ни злата, ни всякаго явства; а скажу вамъ, по чистой, по правдѣ; у отца — матери, а особливо еще съ достаткомъ, дѣти выходятъ иной разъ—куда хуже злыхъ, ненасытныхъ псовъ,—лѣнтяи, негодники и моты, — а какъ сами стануть трудиться, въ потъ лица добывать божій хлѣбъ,—куда скудное сиротство бываетъ лучше богатаго родства!» — Богъ отвѣтилъ: «Праведно разсудилъ ты, Семіоне! и какъ судъ твой свѣтелъ, чтобъ и ты такъ же увидѣлъ свѣтъ!» — Семіонъ тѣмъ же часомъ прозрѣлъ. А когда, спустя сколько лѣтъ, Богъ и Петръ опять шли по землѣ и завернули въ большое село, на ярмарку, смотрятъ, имъ навстрѣчу ѣдетъ судія, съ нимъ полковникъ и богатый купецъ. Передъ церковью они снимаютъ шапки, Богу молятся, нищимъ мило-

стыню подають.—«Угадай,—сказаль Господь Петру: — что это за люди ѣдут?»—«Важные, видно, господа.» — «Важные? то дѣти-сироты убогой той вдовы,—сказаль Господь:—тебѣ думалось, я ихъ за добро матери покараль, а видишь, стали на свои ноги, трудился и въ люди вышли... могъ ли я помиловать ихъ лучше?»

Лоцманъ замолчалъ. Не отзывался нѣкоторое время и его собесѣдникъ.

— Сторія опять-таки важная,—проговориль онъ:—только какъ же это? Милосердный Господь сотвориль землю, небо и весь великій міръ... Зачѣмъ же ему было о людяхъ узнавать отъ другихъ? развѣ и такъ онъ не знаетъ всего?

Лоцманъ не отвѣтилъ. Съ рѣки, въ это мгновеніе, донесся странный звукъ, точно вдали, въ темнотѣ, кто звалъ на помощь и тихо стоналъ. У берега, какъ бы отъ проплывшей гдѣ-то лодки, плеснула волна.

— Чайки уже проснулись!—сказаль, вслушавшись, лоцманъ:—завтра будетъ тихо и тепло... Ты говоришь, зачѣмъ? и я такъ бы думаль, — а знающіе толкують не то... На что батько былъ разумный, а разъ тоже, какъ и мы теперь, передъ самую свѣтлую заутреней,—сидитъ это на берегу и думаетъ, — люди по божьимъ храмамъ, скоро «Христось воскресе» запоютъ, понесутъ кресты и свѣчи вокругъ церквей,—а онъ одинъ, какъ персть... и вдругъ видитъ... Одначе, стой! что-то, и въ самомъ дѣлѣ, плыветь... такъ и есть... почта!

Лоцманъ направилъ къ берегу. Въ тишинѣ ясно слышался мѣрный плескъ весель. Что-то темное близилось и надвигалось отъ рѣки. У песчаной отмели обрисовался бортъ казеннаго баркаса. На берегъ стали выгружать почтовые тюки.

— А кому ѣхать? садись!—послышался окликъ отъ рѣки.

Я взялъ свою поклажу, вышелъ изъ куреня, поблагодариль лоцмана за ночлегъ и, въ передразвѣтныхъ сумеркахъ, поплылъ черезъ стихшую, плавно-колыхавшуюся рѣку.

Баркасъ чуть переваливалъ. На палубѣ стоялъ низенькій, бородатый дѣдъ, очевидно, собесѣдникъ лоцмана. Опершись на посохъ, онъ пристально вглядывался за рѣку и крестился. На противоположномъ, еще невидномъ въ туманѣ, берегу, вправо и влѣво по взгорью, двигались огоньки церковныхъ крестныхъ ходовъ. Благовѣсть воскресной заутрени торжественно гудѣлъ и далеко разносился надъ городомъ и по рѣкѣ.

ПОЪЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.

(Помѣстье графа Л. Н. Толстого.)

Изъ письма къ редактору: «Вы мнѣ предложили разсказать для читателей «Историческаго Вѣстника» о моемъ недавнемъ посѣщеніи Ясной Поляны, помѣстья графа Л. Н. Толстого. Охотно беру изъ моей записной книжки, относительно этой поѣздки, то, что въ правѣ былъ бы, не нарушая чужой скромности, разсказать всякій, посѣтившій жилище знаменитаго отечественнаго писателя».

Это было минувшею осенью. Стояла теплая, тихая погода. Легкія бѣлыя облачка рѣдѣли и таяли надъ зелеными холмами, долинами и желтѣющими лѣсами крапивенскаго уѣзда, тульской губерніи. Солнце готовилось выглянуть. Былъ полдень 22 сентября.

Скорый поѣздъ курской дороги, не доѣзжая Тулы, остановился на двѣ минуты у станціи Ясенки. Я вышелъ изъ вагона и пересѣлъ въ тарантасъ.

Каждый, кому дорого имя любимѣйшаго изъ русскихъ писателей, творца «Войны и мира» и «Анны Карениной», пойметъ, съ какимъ чувствомъ, получивъ на пути приглашительную телеграмму, я ѣхалъ навѣстить хозяина Ясной Поляны.

Иностранцы, въ особенности англичане, съ особенною любовью встрѣчаютъ въ печати описанія жилищъ и домашней обстановки своихъ писателей, художниковъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Въ «Graphic», «Illustrated London News» и другихъ изданіяхъ давно помѣщены пре-

восходныя фотографюры и описанія деревенскихъ жилищъ Тенниссона, Диккенса, Гладстона, Вальтеръ-Скотта, Коллинза и друг. Здѣсь изображены не только «рабочіе кабинеты», «пріемныя» и «столовыя» лучшихъ слугъ Англій, но и мѣста ихъ обычныхъ сельскихъ прогулокъ, скамьи подъ любимыми деревьями, виды на поля и пруды и проч. Нельзя не пожалѣть, что наши художники еще не ознакомили русскаго общества съ видами помѣстьевъ Гоголя, Аксаковыхъ, кн. П. А. Вяземскаго, Островскаго, Хомякова, Григоровича, Фета, Л. Н. Толстого и другихъ. Это въ особенности приходится въ голову при посѣщеніи Ясной Поляны.

Бдучи въ это помѣстье, я невольно вспомнилъ и другое обстоятельство, а именно, тѣ странные и противорѣчивые толки и слухи, которые въ послѣднее время возникли о гр. Л. Н. Толстомъ, не только въ обществѣ, но и въ печати. Еще недавно, въ изданной весною 1884 г., въ пользу литературнаго фонда, перепискѣ Тургенева, всѣ съ недоумѣніемъ прочли трогательное, предсмертное письмо карандашемъ автора «Дворянскаго гнѣзда» къ графу Л. Н. Толстому. Умирающій Тургеневъ обращался къ послѣднему (въ іюнь 1883 года, изъ Буживаля) съ такими загадочными, послѣдними словами: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель Русской земли, внимайте моей просьбѣ...» Разнообразные толки и пересуды о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ извѣстно, выросли, наконецъ, въ цѣлыя легенды. Иностранная печать подхватила эти толки и пошла еще далѣе. Въ одномъ изъ выпусковъ извѣстнаго парижскаго журнала «Le Livre» (№ 70, 1885 г., стр. 549) подъ заглавіемъ «Россія» явилось даже такое чудовищное извѣстіе: «Увѣряютъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой постигнутъ умопомѣшательствомъ и что его должны подвергнуть заключенію». Въ этомъ извѣстіи удостовѣряется, между прочимъ, будто Л. Н. Толстой «бросилъ перо писателя, чтобы лично заняться усовершенствованіемъ обуви и одежды», и проч., и проч.

Намъ, русскимъ, не въ диковину подобныя разглашенія о людяхъ съ самостоятельнымъ, сильнымъ умомъ, переживающихъ душевную борьбу. «Милліонъ терзаній» Чацкаго кончился извѣстною сценою:

«Съ ума сошелъ?—А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ...»

Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили!

— Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатахъ былъ, тутъ...

— Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!»

Помню, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ же ложныхъ толковъ я ѣхалъ когда-то съ покойнымъ О. М. Бодянскимъ впервые къ Гоголю. Объ этомъ свиданіи я расскажу въ другое время. Надо надѣяться, что извѣстный, острый эпизодъ съ отношеніями русской критики пятидесятыхъ годовъ къ Гоголю, по поводу его «Переписки съ друзьями», будетъ когда-нибудь за-ново пересмотрѣнъ и рѣшенъ другимъ, болѣе спокойнымъ и безпристрастнымъ составомъ «присяжныхъ» цѣнителей. Были разглашенія о Гоголѣ, какъ и о Чаадаевѣ, въ сущности та же трагикомедія Чацкаго. Неудивительно, что злые пересуды коснулись и современнаго намъ, своеобразнаго русскаго писателя.

Рѣзвые, сытыя лошадки, погромыхивая бубенцами, весело неслись съ холма на холмъ, между жнивьевъ и свѣжихъ озимей, по которымъ паслись овцы и скотъ.

— Что это за поселокъ? — спросилъ я на пути возницу.

— Кочакі.

— Помѣщичій?

— Куницы.

— А та, вонъ, вдали деревня, на взгорьѣ? чей домъ за лѣсомъ, съ зеленой крышей?

— Ясная Поляна... домъ графа Льва Николаевича.

Тарантасъ свернулъ съ шоссе, понесся большою дорогой.

Скажу нѣсколько словъ о моей первой встрѣчѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Я съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ молодымъ и статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и Дружининъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ теперь помню, вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома, во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ

сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впоследствии я уже не встрѣчалъ изданій Герцена. Надо вспомнить, что это сужденіе было сказано задолго до поры, когда русское общество, а подъ конецъ и самъ Герценъ—разочаровались во многомъ, чему тогда такъ отъ души поклонялись.

Припоминается мнѣ и другой случай разногласія графа Л. Н. Толстого съ признанными авторитетами былого времени, гдѣ онъ опять явился побѣдителемъ. Это было лѣтъ десять спустя.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, сперва въ отрывкахъ,— въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — потомъ отдѣльнымъ полнымъ изданіемъ, вышелъ въ свѣтъ знаменитый романъ графа Л. Н. Толстого «Война и миръ». Вскорѣ затѣмъ въ «Военномъ Сборникѣ» явился разборъ этого произведенія А. С. Норова, подъ заглавіемъ: «Война и миръ, 1805—1812 гг., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника». Приѣхавъ съ юга въ Петербургъ, я осенью 1868 года навѣстилъ въ Павловскѣ А. С. Норова, при которомъ, незадолго передъ тѣмъ, я служилъ въ качествѣ его секретаря. Онъ прочелъ мнѣ свой отзывъ о романѣ графа Л. Н. Толстого.

Увлеченный достоинствами романа, я съ досадою слушалъ разборъ А. С. Норова и спорилъ съ нимъ чуть не за каждое его замѣчаніе. На мои возраженія Норовъ отвѣчалъ одно: — «Я самъ былъ участникомъ Бородинской битвы и близкимъ очевидцемъ картинъ, такъ невѣрно изображенныхъ графомъ Толстымъ, и переубѣдить меня въ томъ, что я доказываю, никто не въ силахъ. Оставшійся въ живыхъ, свидѣтель Отечественной войны, я безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства не могъ дочитать этого романа, имѣющаго быть историческимъ». На это я отвѣтилъ Норову, что не всегда отдѣльные участники и очевидцы крупныхъ историческихъ событій передаютъ ихъ вѣрнѣе позднѣйшихъ изслѣдователей, хотя бы и романистовъ, получающихъ доступъ къ болѣе всестороннимъ и разнообразнымъ источникамъ, и что, между прочимъ, художественная правда произведенія графа Толстого, вовсе не зависитъ только отъ

того, стояла ли именно такая-то колонна, во время описаннаго имъ боя, направо или налѣво отъ полководца, и проч., и проч.

Болѣе всего Норовъ нападалъ на одно мѣсто въ романѣ.

— Графъ Толстой,—говорилъ онъ мнѣ:— рассказываетъ, какъ князь Кутузовъ, принимая въ Царевѣ-Займищѣ армию, болѣе былъ занятъ чтеніемъ романа Жанлисъ—«Les chevaliers du Cygne», чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. И есть ли какое вѣроятіе, чтобы Кутузовъ, видя передъ собою всѣ армии Наполеона и готовясь принять рѣшительный, ужасный съ нимъ бой, имѣлъ время не только читать романъ Жанлисъ, но и думать о немъ?

— Но что же тутъ невозможнаго? — возразилъ я критику:— быть-можетъ, это былъ расчетъ со стороны Кутузова, чтобы видимымъ своимъ спокойствіемъ ободрить окружающихъ. Да, притомъ, такъ свойственно всякому человѣку стремленіе, подчасъ, чѣмъ-либо совершенно постороннимъ, чтеніемъ книги или неидущимъ къ дѣлу разговоромъ, успокоить потрясенныя свои чувства и, черезъ это виѣшнее отвлеченіе, хотя бы на мигъ оторваться отъ тяжелой и роковой дѣйствительности.

Я приводилъ Норову примѣры изъ жизни великихъ людей: Цезаря, Петра I, Александра Македонскаго и друг. При этомъ я ему напомнилъ, что Александръ Македонскій въ персидскомъ походѣ не разставался съ Гомеромъ и, среди столкновеній съ азіатскими кочевниками, переписывался съ своими друзьями въ Греціи, прося ихъ о высылкѣ ему произведеній греческихъ драматурговъ. Наконецъ, указывая Норову на описанія послѣднихъ дней приговоренныхъ къ смертной казни, я просилъ его вспомнить, что иные изъ нихъ, за нѣсколько часовъ до неминуемой смерти, искали бесѣды съ тюремщиками о театрѣ и другихъ новостяхъ дня или съ увлеченіемъ читали своихъ любимыхъ поэтовъ.

— Все это такъ, мой милый, все это могло случиться, но съ другими людьми и въ иные времена!—возражалъ мнѣ Норовъ:—мы же въ двѣнадцатомъ году не были искателями приключеній, въ родѣ Цезаря или македонскаго героя, а тѣмъ наче производителями пышныхъ, шарлатанскихъ эффектовъ, на подобіе гильотинированныхъ во время французской революціи клубистовъ. До Бородина, подъ Бородиномъ и послѣ него, мы всѣ, отъ Кутузова до послѣдняго

подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ высокоимъ и священнымъ огнемъ любви къ отечеству и, вопреки графу Льву Толстому, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. И я не знаю, какъ посмотрѣли бы товарищи на того изъ насъ, кто бы въ числѣ своихъ вещей дерзнулъ тогда имѣть книгу для легкаго чтенія, да еще французскую, въ родѣ романовъ Жанліст.

А. С. Норовъ, черезъ два мѣсяца послѣ напечатанія своего отзыва о романѣ гр. Толстого, скончался. Въ январѣ 1869 года, послѣ его похоронъ, мнѣ было поручено составить для одной газеты его некрологъ. Каково же было мое удивленіе, когда, собирая источники для некролога, я въ семействѣ В. П. Поливанова, родного племянника покойнаго, случайно увидѣлъ крошечную книжку изъ бібліотеки Норова «Похожденія Родерика Рандома» («Aventures de Roderik Random, 1784») и на ея внутренней оберткѣ прочелъ слѣдующую, собственноручную надпись А. С. Норова: «Читалъ въ Москвѣ, раненый и взятый въ плѣнъ французами, въ сентябрѣ 1812 г.» («Lu à Moscou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les français, au mois de septembre, 1812»).

То, что было съ подпоручикомъ артиллеріи въ сентябрѣ 1812 года, забылось черезъ сорокъ-шесть лѣтъ престарѣлымъ сановникомъ, въ сентябрѣ 1868 года, такъ какъ не подходило подъ понятіе, невольное составленное имъ, съ теченіемъ времени, о временахъ двѣнадцатаго года. Нельзя, разумѣется, утверждать, что романъ о Родерикѣ-Рандомѣ Норовъ держалъ подъ подушкой у Царѣва-Займища, гдѣ Кутузовъ читалъ романъ Жанліст. Но нельзя отвергать и предположенія, что Норовъ могъ читать романъ о Рандомѣ даже подъ самымъ Бородинымъ, какъ впоследствии раненый онъ дочиталъ его, во время занятія Москвы французами, въ голицынской больницѣ, изъ оконъ которой онъ, по его же словамъ, съ такимъ искреннимъ презрѣніемъ смотрѣлъ потомъ воочию на ухидившаго изъ Москвы Наполеона.

Это обстоятельство я тогда же подробно записалъ и сообщилъ графу Л. Н. Толстому.

Тарантасъ, миновавъ поселокъ Ясной Поляны, повернулъ между двухъ кирпичныхъ сторожевыхъ башенокъ влѣво и въѣхалъ въ широкую аллею изъ красивыхъ развѣсистыхъ

березъ. На взгорьѣ, въ концѣ аллен, обрисовалась графская усадьба.

Каменный въ два этажа яснополянскій домъ, въ которомъ теперь графъ Л. П. Толстой живетъ почти безвыѣздно уже около двадцати-пяти лѣтъ (съ 1861 г.), передѣланъ имъ изъ отцовскаго флигеля. Большой же отцовскій домъ, въ которомъ родился авторъ «войны и мира» (въ 1828 г.), былъ имъ сломанъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ старый домъ, лѣвѣе и невдали отъ новаго. Оно заросло липами, обозначаясь въ ихъ гущинѣ остаткомъ нѣсколькихъ камней былого фундамента. Здѣсь подъ липами стоятъ простыя скамьи и столъ, за которыми въ лѣтнее время семья графа собирается къ обѣду и чаю. Колоколь, прицѣпленный къ стволу стараго вяза, созываетъ сюда, подъ липы, изъ дома и сада, членовъ графской семьи.

У этого вяза обыкновенно, между прочимъ, собираются яснополянскіе и другіе окрестные жители, имѣющіе надобность переговорить съ графомъ о своихъ деревенскихъ нуждахъ. Онъ выходитъ сюда и охотно бесѣдуетъ съ ними, помогая имъ словомъ и дѣломъ. Не всѣ, однако, сосѣди умѣютъ, какъ слышно, цѣнить вниманіе и щедрость графа. Онъ вдали отъ своего двора, лѣтъ пятнадцать назадъ, посадилъ цѣлую рощицу молодыхъ елокъ. Елки поднялись почти въ два человѣческихъ роста и немало утѣшали своего насадителя. Недавно графъ вздумалъ пройти въ поле, полюбоваться елками, и возвратился оттуда сильно огорченный: болѣе десятка его любимыхъ, красивыхъ елокъ оказались безжалостно вырубленными подъ корень и увезенными изъ рощи. Онъ досадовалъ и на происшествіе, и на свое неудовольствіе. — «Опять вернулось мое былое, старое чувство, досада за такую потерю!» — говорилъ онъ и, узнавъ, что, по домашнимъ развѣдкамъ, виновникомъ дѣла оказался домашній воръ, тайно свезшій елки, подъ праздникъ, въ городъ, — просилъ объ одномъ, чтобы этотъ случай не былъ доведенъ до свѣдѣнія графини — его жены.

Тарантасъ, обогнувъ лѣвый уголъ дома, остановился у небольшого крыльца, ведущаго въ сѣни нижняго этажа. Не успѣлъ я здѣсь, внизу, войти въ переднюю, въ нее отворилась дверь изъ смежнаго графскаго кабинета, и на ея порогъ показался графъ Левъ Николаевичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ всѣхъ мнилъ въ свой кабинетъ.

Давно не видя графа, я, тѣмъ не менѣе, сразу узналъ его—по живымъ, ласково-задумчивымъ глазамъ и по всей его сильной и своеобразной фигурѣ, такъ художественно-схоже изображенной на извѣстномъ портретѣ Ив. Н. Крамского. Помню, какъ на парижской всемирной выставкѣ, восемь лѣтъ назадъ, въ отдѣлѣ русской живописи, всѣ любовались этимъ портретомъ, гдѣ графъ Л. Н. Толстой написанъ съ длинною темнорукою бородой и въ темной, суконной рабочей блузѣ. Съ такою же бородой и въ такой же точно блузѣ я увидѣлъ графа и теперь. Ему въ настоящее время пятьдесятъ-семь лѣтъ, но никто, несмотря на сѣдину, проступившую въ его окладистой, красивой бородѣ, не далъ бы ему этихъ годовъ. Лицо графа свѣжо; его движенія и походка живы, голосъ и рѣчь звучатъ юношескимъ жаромъ.

При входѣ въ яснополянскій домъ, невольно вспоминаются всѣмъ извѣстныя картины «Дѣтства» и «Отрочества» его владѣльца: его покойная мать, въ голубой косыночкѣ; жившій здѣсь когда-то его учитель Карлъ Ивановичъ, съ хлопункой на муху; дворецкій Фока, ключница Наталья Саввишна и ея сундуки, съ картинками внутри крышечекъ; дядька Николай, съ сапожною колодкой; учительница музыки Мимй, и юродивый Гриша, за ночью трогательною молитвой котораго дѣти, съ испугомъ и умиленьемъ, однажды наблюдали изъ темнаго чулана.

Графъ провелъ меня, черезъ переднюю часть своего кабинета, за перегородку изъ книжныхъ шкаповъ. Мы сѣли у его рабочаго стола,—онъ на своемъ обычномъ рабочемъ креслѣ, я—на другомъ креслѣ, противъ него, за столомъ, оба закурили папирсы и стали бесѣдовать.

Опишу вкратцѣ кабинетъ графа.

Это—свѣтлая, высокая и скромно убранная комната, аршинъ 12 длины и около 6-ти аршинъ ширины. Два большихъ книжныхъ шкапа, изъ лакированной, бѣлой березы, раздѣляютъ эту комнату пополамъ—на нѣчто въ родѣ пріемной и уборной графа и на его рабочій кабинетъ. Окна и стеклянная дверь этой комнаты выходятъ на невысокое садовое, покрытое каменными плитами, крыльцо. Мебель въ обѣихъ половинахъ—старинная и, очевидно, не только отцовская, но и дѣдовская.

Въ пріемной—мягкій, широкій и длинный диванъ, покры-

тый зеленою клеенкой, съ зеленою сафьянною подушкой. Передъ диваномъ—круглый столъ, съ грудю разбросанныхъ на немъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книгъ. У стола и возлѣ стѣнъ—съ поддюжины кресель. На этажеркѣ—опять книги. Между дверью въ садъ и окномъ—умывальный столъ. Вправо отъ окна, въ углу, березовый комодъ, съ зеркаломъ. Надъ нимъ—оленьи рога, съ брошеннымъ на нихъ полотенцемъ. На заднихъ стѣнахъ книжныхъ шкаповъ висятъ разныя вещи—верхнее платье, коса для кошенія травы и круглая мягкая шляпа графа. Въ углу, за этажеркой, нѣсколько простыхъ, необдѣланныхъ, съ суковатыми ручками, палокъ для прогулки. Стѣна надъ диваномъ увѣшана коллекціей гравированныхъ, фотографическихъ и акварельныхъ портретовъ родныхъ и знакомыхъ графа,—его жены, отца, братьевъ, старшей дочери и друзей. Между послѣдними—фотографическая группа Левицкаго, съ портретами Григоровича, Островскаго и др., и отдѣльные портреты Шопенгауэра, А. А. Фета, Н. Н. Стрхова и другихъ. Въ стѣнной нишѣ—гипсовый бюстъ покойнаго старшаго брата графа, Николая. На окнѣ разбросаны сапожные инструменты; подъ окномъ—простой, деревянный ящикъ, съ принадлежностями сапожнаго мастерства,—колодками, обрѣзками кожи и проч.

Въ рабочемъ кабинетѣ, за перегородкою, направо—у другаго окна въ садъ, письменный столъ графа, налѣво—железная кровать съ постелью для гостей. Полки березовыхъ шкаповъ, съ стеклянными дверцами, обращенныя въ эту часть комнаты, снизу до верху уставлены старыми и новѣйшими, иностранными и русскими, изданіями. За рабочимъ кресломъ графа, въ большой стѣнной нишѣ—открытыя полки, съ подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальныя свободныя стѣны этой части комнаты также заняты полками съ книгами. Здѣсь, какъ и въ шкапахъ и въ нишѣ, видѣются, — въ старинныхъ и новыхъ переплетахъ и безъ переплетовъ,—изданія сочиненій Спинозы, Вольтера, Гёте, Шлегеля, Руссо, почти всѣхъ русскихъ писателей, затѣмъ — Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена-Констана, Де-Сисмонди, Иоанна Златоуста и другихъ, иностранныхъ и русскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ мыслителей. Житія святыхъ, «Четыи-Минеи», «Пролога»,—переводъ на русскій языкъ «Пятикнижія» Мандельштама, еврейскіе подлинники <http://www.vostok.ru> «Ветскаго Завета» и греческіе тексты

«Евангелія»,—«Мировоззрѣніе талмудистовъ» съ нѣмецкими, французскими и англійскими комментаріями,—установлены на полкахъ, рядомъ съ извѣстными русскими проповѣдниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешевыми изданіями для народа *).

Простой письменный столъ графа, аршина въ два длины и въ аршинъ ширины, покрытый зеленымъ сукномъ и обведенный съ трехъ сторонъ небольшою рѣшеткой, извѣстенъ обществу по новѣйшему, прекрасному портрету графа, работы профессора Н. Н. Ге. На этомъ портретѣ, бывшемъ на передвижной выставкѣ, графъ изображенъ пишущимъ за этимъ именно столомъ. Справа и слѣва чернильницы разбросаны рукописи, книги и брошюры. Здѣсь лежатъ — «Новый Заветъ» въ греческомъ переводѣ Тишендорфа и новѣйшее изданіе еврейскаго подлинника библии. На окнѣ—нѣсколько портфелей, съ рукописями, и опять книги.

Верхъ окна прикрытъ зеленою шерстяною занавѣской. Передъ окномъ—лужайка, съ клумбами еще свѣжихъ, нетронутыхъ морозомъ цвѣтовъ. За цвѣтникомъ—столбъ, съ веревками, для такъ называемой игры «гигантскіе шаги». Кучка яснополянскихъ ребятишекъ, свободно проникая въ садъ, бѣгаетъ въ эту минуту у названнаго столба.

Изъ окна—видъ на садъ, спускающійся къ пруду, и на живописныя окрестности. Вправо изъ окна виднѣются вершины густой березовой аллеи, по которой дорога поднимается къ дому. Влѣво — аллея изъ старыхъ, громадныхъ липъ. Прямо—просторный, гладкій скатъ къ пруду, у котораго красиво зеленѣетъ нѣсколько высокихъ, живописно-разбросанныхъ елей. Между липовою и березовою аллеями, за низиной, въ которой прячется прудъ, видъ на шоссе, на дальнія поля, холмы и голубоватые лѣса, а между холмами и лѣсами — на полосу желѣзной дороги, по которой время отъ времени извивается дымъ и проносятся московско-курскіе поѣзда.

У этого окна, въ дѣдовскомъ креслѣ, работы XVIII-го вѣка, съ узенькими, ничѣмъ не обитыми подлокотниками и

*) Въ числѣ послѣднихъ виднѣются на полкахъ: «Progress and poverty, by Henry George» (1884); «God and the Bible, by Matthew Arnold» (1885 г.), «Israel Sack» (1885 г.); «A discourse of matters, partaining to religion, by Theodore Parker» (1875 г.); «The twenty essays of Ralph W. Emersen» (1877 г.); «Litterature and Dorma, an essay towards a better apprehension of the Bible, by M. Arnold» (1877 г.) и др.

съ потертою, зеленою, клеенчатою подушкой, графъ Л. Н. Толстой писалъ свои знаменитыя произведенія. Здѣсь, на этомъ простомъ столѣ, днемъ, поглядывая на синѣющую даль, а вечеромъ и ночью — при свѣчахъ, въ старинныхъ, бронзовыхъ подсвѣчникахъ, — онъ писалъ исторію Наташи Ростовой, Андрея Болконскаго и Пьера Безухаго. Здѣсь же онъ рассказывалъ поэмѣ любви Китти Щербацкой и Левина, рисовалъ образы Вронскаго и Стивы Облонскаго, набрасывалъ очерки лошади Фру-фру и собаки Ласки и съ такою глупиною рассказалъ полную трагизма судьбу Анны Карениной.

Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, красивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяйина.

— Это не Ласка? — спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ каждый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій за простымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или шлю дрова, работаю косою, рубанкомъ или инымъ инструментомъ.

Я вспомнилъ о ящикѣ съ сапожными колодками, подъ окномъ пріемной графа.

— А работа съ сохой! — продолжалъ графъ: — вы не повѣрите, что за удовольствіе пахать! Не тяжкій искусь, какъ многимъ кажется, — чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело переливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чувствуешь; а аннетитъ потомъ, а сонъ? — Если вы не устали, не хотите ли пока, до обѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перенали дожди: должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ я.

Графъ надѣлъ свою круглую мягкую шляпу и взялъ лукошко; я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ налокъ за этажеркой. Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невдали отъ котораго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

— Это также для васъ? — спросилъ я графа, указывая на станокъ.

— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія упражненія, — отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ видѣлась груда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

Не удивительно, что, при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ такъ сохранилъ свое здоровье. Этому, въ значительной степени, помогло и то обстоятельство, что большую часть своей жизни Л. Н. Толстой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урожденной княжны Волконской, онъ 9 лѣтъ отъ роду, въ 1837 году, былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ въ деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультету, съ 1851 по 1855 годъ провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно живетъ въ Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ провелъ въ деревнѣ.

Пройдя черезъ смежный съ усадьбой, молодой плодовой садъ, насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, видѣлись другіе лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долинкой, мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце выглянуло и опять спряталось за легкія, пушистыя облачка. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотившійся листъ медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

И шель рядомъ съ графомъ, любуясь его легкою походкой, живостью его рѣчи и простотою и прелестью всей его такъ сохранившейся, могучей природы. — «Боже мой, — думалъ я, глядя на него и слушая его, — его прославили потерянными для искусства, мрачнымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли бы на этого мистика!»

Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ. Онъ горячо соболѣзновалъ о смерти Тургенева, Мельникова-Печерскаго и Достоевскаго. Говоря о чуткой, любящей душѣ Тургенева, онъ сердечно сожалѣлъ, что этому, преданному Россіи, высоко-художественному писателю пришлось лучшіе годы зрѣлаго творчества прожить внѣ отечества, вдали отъ искреннихъ друзей и лишенному радостей родной, любящей семьи.

— Это былъ независимый, до конца жизни, пылливый

умъ,—выразился графъ Л. П. Толстой о Тургеневѣ:—и я, несмотря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко чтить его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный художникъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолетнымъ потребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его заблужденія были искренни.

Наиболѣе сочувственно графъ отозвался о Достоевскомъ, признавая въ немъ, какъ въ художникъ-писатель, неподражаемаго психолога сердцева и исполнѣ независимаго писателя, самостоятельныхъ убѣжденій которому долго не прощали въ нѣкоторыхъ слояхъ литературы, подобно тому, какъ одинъ нѣмецъ, по словамъ Карлейля, не могъ простить солнцу того обстоятельства, что отъ него, въ любой моментъ, нельзя закурить сигару.

Коснувшись Гоголя, котораго Л. П. въ своей жизни никогда не видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ,—сказалъ Л. П.:—когда нѣкоторые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только работать,—въ стомилионномъ русскомъ государствѣ грамотные считались десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ и городскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліонами. И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчата, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа, родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живого, литературнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ же лубочныхъ Еруслановъ Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи. Простой и честный русскій народъ стѣбитъ того, чтобы мы отвѣтили на призывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много думалъ и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ.

Мы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ рассчитывалъ найти много хорошихъ бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

— Какъ тепло и какъ пахнетъ листвою — сказалъ онъ, подходя къ ветхому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей:— удивительная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И какъ я люблю и ценю художниковъ, чер-

нающихъ все свое вдохновеніе изъ этого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и правда.

При этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его разсказъ «Севастополь въ маѣ 1855 г.» — «Герой моей повѣсти, — сказалъ въ заключеніе этого разсказа Л. Н., — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*».

Мы разговорились о различныхъ художественныхъ приемахъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ.

— Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу, — сказалъ, между прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками, перекинутыми черезъ ручей:—это были стихотворенія одного умершаго, молодого испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованія этого писателя, меня заняло его жизнеописаніе. Его біографъ приводитъ разсказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ, съ тревогой замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи безъ сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какія-то слова, уходилъ при мѣсяцѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ. Однажды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съ ума. Молодой человѣкъ всталъ, придѣлся впотѣмахъ и пошелъ къ ближайшему колодцу. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведро воды и сталъ се понемногу выливать на землю, вылилъ, снова зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: «спятилъ, малый, съ ума». А молодой человѣкъ это продѣлывалъ, съ цѣлью — ближе видѣть и слышать, какъ въ тихую ночь, при лунномъ сіяніи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенія. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и заронившія въ нее поэтическія впечатлѣнія — тою же природой, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособію натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенія и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто фальшивитъ. Много моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, какъ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказаніемъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть много автора...

Въ одной изъ критическихъ статей Н. Н. Стрехова о «Войнѣ и мирѣ» говорится, что если Достоевскій былъ психологъ-идеалистъ, то графа Л. Толстого слѣдуетъ назвать психологомъ-реалистомъ. «Война и миръ», по выраженію почтеннаго критика, «подымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ обыкновенно недоступныхъ людямъ. Графъ Л. Толстой — поэтъ, въ старинномъ и наилучшемъ смыслѣ слова. Онъ прозрѣваетъ и открываетъ намъ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти. Его идеаль—въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Онъ самъ говоритъ: нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды. — Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго—вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ «Войны и мира». — Кто умѣетъ цѣнить высокія и строгія радости духа, кто благоговѣетъ передъ гениальностью и любитъ освѣжать и укрѣплять свою душу созерцаніемъ ея произведеній, тотъ пусть порадуется, что живетъ въ настоящее время». — Бесѣдующій съ графомъ Л. Н. Толстымъ объ искусствѣ невольно вспоминаетъ эти выраженія его лучшаго истолкователя.

Мы приблизились обратно къ усадьбѣ, мимо молодыхъ, собственноручныхъ насажденій графа. Красивыя, свѣжія деревца яблонь и грушъ, съ круглыми, сильными кронами вѣтвей, стояли въ шахматномъ порядкѣ на обширной плантаціи, невдали отъ усадьбы. Крестьянскія дѣвочки, съ серпами въ рукахъ, копались надъ чѣмъ-то въ бурьянѣ, у сосѣднихъ хлѣбныхъ скирдъ. Графъ разговорился съ ними, называя каждую по имени.

— Знаете ли, что онѣ дѣлають? — спросилъ онъ: — жнутъ крапиву, для обставки на зиму стволовъ плодовыхъ деревьевъ; это лучшее средство противъ зайцевъ и мышей, которые не любятъ крапивы и бѣгутъ даже отъ ея запаха.

Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шести-семи верстъ. Графъ, послѣ такого движенія, смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнные графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

— Вы не устали? — спросилъ Л. Н. весело поглядывая

на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома: — для меня ежедневное движеніе и тѣлесныя работы необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я паху землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время, — бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ троттуаровъ и мостовыхъ, — въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ; — пахать и косить тамъ негдѣ, — я шилю и рублю дрова. При усидчивой, умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай я ногами и руками, въ теченіе хоть одного дня, вечеромъ я уже никуда не тожусь: ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ, голова кружится, а въ глазахъ — звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна.

Въ московскомъ, недавно купленномъ, своемъ домѣ (въ Долгохамовническомъ переулкѣ), Л. Н. обыкновенно съ утра самъ рубить для печей дрова и вытаскивъ воды изъ колодца, подвозить ее въ кадкѣ на саняхъ къ дому и къ кухнѣ.

— «А досужіе-то вѣстовицки, свои и чужіе, въ особенности свои? — подумаль я, слушая эти простыя откровени знаменитаго писателя, — чего они не нашли? и литературу-то онъ оставилъ, для шитья платевъ и сапоговъ, и якшается съ чернью, подъ видомъ рубки дровъ на Воробьевыхъ горахъ!»

Верхній этажъ яснополянскаго дома занятъ семейнымъ помѣщеніемъ и столовою графа. По деревянной лѣстницѣ, на средней площадкѣ которой стоятъ старинныя, въ деревянномъ футлярѣ, англійскіе часы, мы поднялись направо въ залъ. Здѣсь у двери стоитъ роиль, на юпитрѣ котораго лежатъ раскрытыя ноты «Русланъ и Людмила». Между оконъ — старинныя, высокія зеркала, съ отдѣланными бронзой подзеркальниками. Посрединѣ залы — длинный обѣденный столъ. Стѣны увѣшаны портретами предковъ графа. Изъ потемнѣлыхъ рамъ глядятъ, какъ живые, представители восемнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ: мужчины — въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ; женщины — въ робронахъ, кружевахъ и пудрѣ. Одинъ портретъ особенно привлекаетъ вниманіе посѣтителя. Это — портретъ, почти въ ростъ, красивой и молодой монахини, въ схимѣ, стоящей въ молитвенной задумчивости передъ иконой. На мой вопросъ, графъ

Л. Н. отвѣтилъ, что это — изображеніе замѣчательной по достоинствамъ особы, жены одного изъ его предковъ, принявшей постриженіе, вслѣдствіе даннаго ею обѣта Богу. Въ комнатѣ графини, смежной съ гостиною, мнѣ показали превосходный портретъ Л. Н.—ча, также работы И. Н. Крамского. Этимъ портретомъ семья Л. Н. особенно дорожить.

Вошла жена графа; возвратился съ охоты его старшій сынъ, Сергѣй, кончившій въ это лѣто курсъ въ московскомъ университетѣ и нѣсколько дней назадъ прѣхавшій изъ самарскаго имѣнія отца; собралась и остальная, наличная семья графа: взрослая, старшая дочь Татьяна, вторая дочь Марія и младшіе сыновья. Всѣ, въ томъ числѣ и маленькія дѣти, сѣли за обѣдъ. Всѣхъ дѣтей у графа нынѣ восемь человекъ (второй и третій его сыновья, въ мой заѣздъ въ Лесную Поляну, находились въ ученіи въ Москвѣ; младшій ребенокъ, сынъ, скончался въ мнувшемъ январѣ). Нѣжный, любящій мужъ и отецъ, графъ Л. Н., среди своихъ взрослыхъ и маленькихъ, весело болтавшихъ дѣтей, невольно напоминалъ симпатичнаго героя его превосходнаго романа «Семейное счастье». Скромный въ личныхъ привычкахъ, Л. Н.—чь ни въ чемъ не отказываетъ своей семьѣ, окружая ее полною, нѣжною заботливостью. Занятія по домашнему хозяйству раздѣляютъ, между прочимъ, съ графиней и старшія дѣти графа.

Когда-то наша критика назвала великаго юмориста-сатирика Гоголя русскимъ Гомеромъ. Если кого изъ русскихъ писателей можно дѣйствительно назвать Гомеромъ, такъ это, какъ справедливо замѣтилъ А. П. Милюковъ, графа Л. Н. Толстого. Въ «Илиадѣ» воспѣтъ воинственный образъ древней Греціи, въ «Одиссеѣ» — ея мирная, домашняя жизнь. Графъ Л. Н. Толстой въ поэмѣ «Война и миръ» одновременно изобразилъ бурную и тихую стороны русской жизни. Но главная сила графа Л. Н. Толстого — въ изображеніи мирныхъ, семейныхъ картинъ. Въ отдѣльныхъ главахъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и въ цѣломъ романѣ «Семейное счастье» онъ является истиннымъ и могучимъ поэтомъ тихаго семейнаго очага.

Начало вечера было проведено въ общей бесѣдѣ. Подвезли со станціи продолженіе корректуръ новаго изданія графа. Его жена занялась ихъ просмотромъ. Мы же съ Л. Н. спустились внизъ, въ его приемную. На мой вопросъ онъ

съ увлеченіемъ разсказалъ о своихъ занятіяхъ греческимъ и еврейскимъ языками,—благодаря чему онъ въ подлинникѣ могъ прочесть Ветхій и Новый Заѣтъ,—о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области христіанства и пр. Зашла рѣчь объ «истинной вѣрѣ, фанатизмѣ и суевѣріи». Сужденія объ этомъ Л. Н.—ча не новостъ: они проходятъ и отражаются по всѣмъ его сочиненіямъ, еще съ его «Юности» и «Исповѣди Коли Иртенъева». Коснувшись современныхъ событій, графъ говорилъ о послѣдней восточной войнѣ, о крестьянскомъ банкѣ, податномъ, питейномъ и иныхъ вопросахъ, и снова—о литературѣ. Мы проговорили за полночь...

Я затруднился бы, на ряду съ доступными для каждаго внѣшними чертами Ясной Поляны, передать подробно, а главное—вѣрно, внутреннюю сторону любопытныхъ и своеобразныхъ сужденій графа Л. Н. Толстого по затронутымъ въ нашей бесѣдѣ вопросамъ.

Ясно и вѣрно вспоминаю одно, что я слушалъ рѣчь правдиваго, скромнаго, добраго и глубоко убѣжденнаго человѣка.

Онъ, между прочимъ, удивлялся одному явленію въ нашей общественной жизни. Привожу его мысли по этому поводу, не ругаясь за точность ихъ изложенія...

...Вслѣдъ за видимымъ и кореннымъ погромомъ стариннаго, дворянско-помѣстнаго землевладѣнія, въ нѣкоторой части общества особенно горячо и искренно усиливаются поощрять и навязывать крестьянамъ покунку дворянскихъ и иныхъ земель. Но для чего? для того ли, чтобы вовсе не было на свѣтѣ помѣщиковъ? Оказывается, что отнюдь не въ тѣхъ видахъ, а чтобы сейчасъ же выдумать, искусственно сдѣлать новыхъ помѣщиковъ-крестьянъ. И мало того,—сюда втянули, кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ, и не думавшихъ о томъ государственныхъ крестьянъ, обративъ ихъ изъ вольныхъ пользователей, оброчниковъ свободныхъ казенныхъ земель—въ подневольныхъ земельныхъ собственниковъ, т.-е. опять-таки въ помѣщиковъ. Но кто поручится, что новымъ помѣщикамъ-крестьянамъ все это, съ теченіемъ времени, не покажется недостаточнымъ, и что они, за свой суровый сельскій трудъ и за свои деревенскія лишенія и тяготы, не станутъ справедливо добиваться былыхъ привилегій и, между прочимъ, стать дворянами?.. Забываютъ примѣръ Китая, Турціи и большей части древняго Востока. Тамъ вся земля казенная, государственная, и ею, за извѣстный оброкъ пра-

вительству, казнѣ, пользуются изъ всѣхъ сословій только тѣ, кто дѣйствительно, тѣмъ или другимъ способомъ, личнымъ трудомъ или капиталомъ, ее обрабатываютъ. Для такой цѣли выкупъ въ казну и при посредствѣ казны частныхъ земель имѣлъ бы скорѣе и свое оправданіе, и полезный для государства исходъ. На этотъ способъ пользованія землею давно обращено вниманіе западныхъ и въ особенности американскихъ ученыхъ, напримѣръ, Джорджа и другихъ. Это, безъ сомнѣнія, предметъ далекаго будущаго; но не слѣдуетъ, среди современныхъ европейскихъ доктринъ, забывать и того, чѣмъ живетъ и рядъ тысячелѣтій живетъ великій, древній Востокъ...

Я ночевалъ въ кабинетѣ графа, на кровати, за перегородкой изъ книжныхъ шкафовъ. Послѣ новой, утренней бесѣды, прогулки съ Л. Н. по парку и завтрака въ его семьѣ, я уѣхалъ въ его экипажѣ въ Тулу и далѣе по чужинѣ въ Москву.

Оставивъ Ясную Поляну, я съ отрадой разбиралъ и провѣрялъ свои впечатлѣнія. Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ же великимъ и мощнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполне здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, въ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ «Войнѣ и миру» и «Аниѣ Карениной». Скажу болѣе. Какъ затишь и перерывъ, послѣ «Дѣтства», «Отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ» (когда онъ занялся вопросами педагогич и издавалъ «Яснополянскій журналъ»), были не апатіей и не ослабленіемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ отдыхомъ, въ теченіе котораго въ его душѣ зрѣли образы «Войны и мира», — такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ подлинникъ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ свои досуги разсказамъ для народа, — онъ, очевидно, лишь готовится къ новымъ, крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешнее настроеніе — только новая ступень, только приближеніе къ инымъ, еще болѣе высокимъ образамъ его творчества.

1886 г.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Н. Ѳ. Щербина.

(Его письма и неизданныя стихотворенія.)

Осенью 1850 года, кончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, я поѣхалъ въ Одессу и въ Крымъ. Было 6-е сентября. Блился вечеръ.

Послѣ долгаго, пыльнаго и душнаго пути на перекладныхъ, я завидѣлъ, наконецъ, съ обгорѣлой, возвышенной степи, Одессу и скоро спустился къ ней. Чистенькій, бѣлокаменный городъ, среди садиковъ изъ акацій, надъ розово-фіолетовымъ морскимъ заливомъ, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе.

Покрытый съ головы до ногъ сѣрою пылью, я вѣхалъ въ ворота длинной, съ закрытыми зелеными жалюзі, гостиницы Мазараки, наскоро умылся, переодѣлся, пообедалъ въ Палероялѣ, у описаннаго Пушкинымъ Оттона (ресторанъ «Au petit gourmand»), гдѣ на картѣ кушаньевъ пестрѣли незнакомыя имена мѣстныхъ морскихъ рыбъ, — скумбрія, кефаль, камбала, баламутъ, калканы, бычки и проч., — зашелъ въ погребъ, подъ выѣской «Текущая рѣка», гдѣ вынулъ за шесть копеекъ, какъ теперь помню, стаканъ превосходнаго, безноплиннаго хіосскаго вина (Одесса тогда еще была *porto-franco*) и пустился пѣшкомъ осматривать городъ. Мнѣ тогда пошелъ двадцать второй годъ и я былъ способенъ, безъ усталости и съ наслажденіемъ, проходить огромныя пространства.

Улицы Одессы, сорокъ лѣтъ назадъ, мало походили на русскій городъ. Надъ магазинами вездѣ кросовались итальянскія

янскія, греческія и французскія вывѣски. Молдаване, валахи, армяне, греки и татары, въ живописныхъ національныхъ одеждахъ, торговали въ палаткахъ, на площадяхъ и перекресткахъ улицъ. Мелькали фески турецкихъ матросовъ; какой-то алжирецъ, въ бѣлой чалмѣ, носилъ и продавалъ ручную, ученую обезьяну. Тысячи возовъ, телѣгъ и нѣмецкихъ гарбъ тянулись отъ взморья къ громаднымъ каменнымъ, пшеничнымъ амбарамъ и обратно. На площадяхъ, передъ амбарами, высыпали, допѣтили, вѣяли и снова насыпали пшеницу. Вездѣ слышался иноплеменный говоръ. Извозчики, на оклики иностранцевъ, отвѣчали, подавая дрожжи: «си, синьоры!»—«прѣсто» и «тутсюйтъ». Нарядныя, съ восточными лицами, красавицы, подъ широчайшими бѣлыми, съ бахромой зонтиками, проносились по улицамъ на рысакахъ, въ богатыхъ коляскахъ и ландо. Гдѣ-то подкрѣпившись за три копѣйки рюмкой малаги съ бисквитомъ, конецъ вечера я провелъ въ театрѣ.

Давали оперу «Сомнамбула», съ знаменитой пѣвицей Брамбилла и съ нѣкимъ замѣчательно-нѣжнымъ и сладко-пѣвучимъ теноромъ. Мастерски спѣвшіеся, оживленные и подвижные хоры, красивый дирижеръ, —худой и блѣдный еврей Буффѣ, съ длинными черными волосами, живописно падавшими на его большіе, отложные воротнички, необычайно шумный, съ перекликаньями черезъ сосѣдей, говоръ публики въ антрактахъ и масса хорошенькихъ женщинъ въ ярко-освѣщенныхъ ложахъ, отдѣланныхъ бронзой и инкрустаціей изъ зеркалъ, —все это на скромнаго путника, прибывшаго съ сѣвера, производило сильный эффектъ.

Въ антрактѣ, послѣ одного изъ дѣйствій, со мной заговорилъ сосѣдъ по креслу партера. Не помню, съ чего онъ началъ, —кажется, съ оперы, —въ родѣ того: «ну, какова опера и исполненіе? а за то слушатели?» Это былъ ниже средняго роста человекъ, смуглый, съ большими, черными, выразительными глазами и въ черныхъ, длинныхъ, тщательно-причесанныхъ кудряхъ. Ему было лѣтъ подъ тридцать, онъ нѣсколько заикался. На его шеѣ, на шпуркѣ, висѣла золотая лорнетка. Зло подсмѣиваясь надъ одесскою публикой, которая вся, по его словамъ, въ глубинѣ души, была меркантильно-невѣжественна и, не имѣя понятія объ искусствѣ, ѣздила въ театръ только изъ моды, — онъ указалъ на одну изъ ложъ въ бель-этажѣ.

— Вонъ сидитъ старыи Крезъ,—сказаль онъ:—какъ важенъ и съ какимъ достоинствомъ аплодируетъ!— а въ молодости былъ морскимъ разбойникомъ, звался капитаномъ Барбуни и разбогатѣлъ на контрабандѣ... Теперь называется иначе... И что значать деньги! всѣ знаютъ его прошлое и никто его не трогаетъ.

Мы заговорили о Петербургѣ. Узнавъ, что я недавно былъ въ Москвѣ, сосѣдъ сказаль мнѣ, что особенно любить этотъ городъ, и спросиль меня, кого я тамъ видѣлъ. Я назвалъ нѣсколько именъ и, между прочимъ, Загоскина.

— Автора «Юрія Милославскаго»?—спросиль оживленно сосѣдъ.

— Да.

— И вы знакомы съ нимъ?

— Давно, со школьной скамьи, — хаживаль къ нему по праздникамъ.

— Что же онъ? пишетъ что-нибудь новое?

— Комедію въ стихахъ,—«Женатый женихъ».

— Въ стихахъ?—улыбнулся сосѣдъ:—и онъ вамъ ее читаль?

— Познакомилъ изъ отрывковъ.

— Ну, и что же, хорошо?

— Мнѣ понравилось.

— Каковъ онъ, скажите? какъ вы его нашли, когда захали, что именно онъ въ то время дѣлаль? очень старъ?

— Бодрыи, какъ всегда, толстенкій, круглолицый, румяный и голубоглазыи. А что онъ дѣлаль,—когда я вошелъ,—разсматриваль на столѣ, въ витринѣ, любопытную коллекцію лукутинскихъ табакерокъ съ картинками; взялъ бильбокѣ и, лоя его шарикъ, разговорился о рнѣмахъ.

— Въ какомъ родѣ?

— Онъ сказаль,—есть русскія слова, на которыя вовсе нѣтъ рнѣмъ.

— Что за пустяки! Любопытно, однако, знать, какія это слова?—закнаясь и какъ бы сердясь, проговориль сосѣдъ.

— Между прочимъ, онъ назвалъ «зеркало»—«жалоба»—«память» и еще, не помню, что.

Сосѣдъ нервно двинулся, хотѣлъ отвѣчать, но въ это время оркестръ кончилъ играть, взвился занавѣсъ, въ публикѣ послышалось шиканье говорунамъ, и онъ затихъ. Все дѣйствіе онъ сидѣлъ спокойно, лорнируя ложи, при-

нужденно зѣвая и почти не глядя на сцену. Когда, послѣ новаго дѣйствія оперы, опять спустился занавѣсъ, онъ быстро обратился ко мнѣ.

— Риема на зе... зе... «зеркало» есть!—сильно заикаясь и сердито пуча глаза, громко проговорилъ онъ: — какъ не быть! мудрости тутъ нѣтъ никакой... «зеркало»—«исковеркало»... И на «жалоба» есть, въ другомъ хотя падежѣ— «жалобѣ»—«узнало бѣ»—или «жалобѣ»—«жало бы».

— А память?—спросилъ я.

— На это, положимъ, труднѣе, хотя тоже вздоръ, и, безъ сомнѣннй, есть, если подумать.

Сосѣдъ замолкъ. На нашъ разговоръ, изъ слѣдующаго ряда кресель къ намъ обернулся высокій, съ темнорусыми волосами, господинъ, сидѣвшій прямо противъ насъ.

— На «память», разумѣется, также есть риемы, — сказалъ онъ: — одна не вполне созвучная — «заметъ», другая не цензурная — «попа—мать»...

— И третья не бла-бла-говонная! «клопа—мать!»—еще сильнѣе заикаясь, точно выстрѣлили первый мой сосѣдъ: — вотъ и открытiя! передайте ихъ Загоскину...

Музыка снова прервала нашъ разговоръ. Опера кончилась бурными оваціями Брамбиллѣ. Съ улицы слышались виваты и крики «ура». Пѣвицѣ не дали ѣхать. Ея поклонники отпрягли лошадей и, осыпая артистку цвѣтами, потащили ее въ коляскѣ на рукахъ. Свѣтила яркая луна. Публика, расходясь, наполняла оживленными группами бульваръ.

Прощаясь съ сосѣдями по театру, я сказалъ тому изъ нихъ, который заикался:

— Если Загоскинъ спроситъ, отъ кого я слышалъ риемы, какъ мнѣ васъ назвать?

— Щербина.

— Авторъ греческихъ стихотвореній?

— Онъ самый...

— А ваше, извините, имя?—обратился я къ другому.

— Полонскій.

— Авторъ «Гаммъ»?

— Къ вашимъ услугамъ.

Такъ случайно, въ одинъ день и часъ, произошло мое знакомство съ двумя высокодаровитыми поэтами, произведениями которыхъ, уже въ то время, зачитывалась вся обра-

зованная Россія. Оставшись еще нѣсколько дней въ Одессѣ, я уѣхалъ на пароходѣ «Тамань» въ Крымъ, одновременно съ Я. П. Полонскимъ, который возвращался на Кавказъ, гдѣ онъ въ то время редактировалъ «Закавказскій Вѣстникъ». На пути мы вынесли сильный шквалъ; половину путешественниковъ укачало.

Въ Ялтѣ, Я. П. Полонскій, остановившись со мной въ одной гостиницѣ, прочелъ мнѣ и вписалъ карандашомъ въ мою памятную книжку новое свое стихотвореніе «Качка въ бурю», очевидно написанное имъ подъ впечатлѣніемъ перенесеннаго нами шквала, обозначивъ подъ нимъ: «Пароходъ «Тамань». Сентябрь 1850 г.».

Знакомство мое съ Щербиной, вскорѣ съ его переѣздомъ въ Москву и потомъ въ Петербургъ, перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины.

Въ бытность студентомъ харьковскаго университета, Щербина жилъ въ крайней бѣдности, изъ заработка грошей писалъ проекты проповѣдей семинаристамъ, искавшимъ мѣста священниковъ, и спалъ подъ такимъ изорваннымъ одѣяломъ, что его ноги просовывались въ прорѣхи. Слуга одного изъ моихъ знакомыхъ, А. О. Т., жившаго въ то время въ Харьковѣ, видя Щербину, приходившаго къ его господину, въ невѣроятномъ тепломъ костюмѣ, обернутаго шарфами, докладывалъ о немъ: «Щербина пришла», очевидно принимая его за женщину.

Мало оцѣненный критикой при жизни, частью, вѣроятно, вслѣдствіе безразсудныхъ и подчасъ слишкомъ отзывавшихся личнымъ раздраженіемъ, стихотворныхъ и прозаическихъ его сатиръ и памфлетовъ на современныхъ дѣятелей, — Щербина и послѣ своей смерти не дождался еще вполне вѣрной и безпристрастной оцѣнки своей поэтической дѣятельности. Въ родной литературѣ, какъ поэтъ антологическихъ стихотвореній, онъ несомнѣнно будетъ поставленъ рядомъ съ лучшими изъ своихъ современниковъ, съ Майковымъ, Фетомъ, Полонскимъ и Меемъ. Въ области сатиры онъ далъ также замѣчательные образцы, не потерявшие своей соли и донныѣ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Наслѣдникамъ Н. О. Щербины, его брату и сестрѣ, давно слѣдовало бы издать болѣе полное и провѣренное собраніе его произведеній, предпославъ ему обстоятельное его жизне-

описаніе. Съ цѣлью содѣйствовать тому и другому, привожу здѣсь, съ примѣчаніями, нѣкоторыя изъ сохранившихся въ моемъ литературномъ архивѣ его писемъ ко мнѣ и писемъ о немъ другихъ писателей, отрывки изъ неизданныхъ его стихотвореній и описаніе его кончины.

Щербина вѣрно опредѣлитъ свою жизнь слѣдующими стихами:

«Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
«Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ»,
«Но съ мелочью горя, по съ глупостью дикой,
«Въ упорствѣ ея мелочномъ».

Н. Ѳ. Щербина родился 2-го декабря 1821 г.; умеръ на 48 году, 10-го апрѣля, въ 1869 году, въ 10 съ половиною часовъ вечера. По моей просьбѣ, онъ написалъ мнѣ за три дня до своей смерти (7-го апрѣля 1869 года) слѣдующія свѣдѣнія о своей жизни:

«*Записка о Николаѣ Щербинѣ.* — Онъ происходитъ съ отцовою стороны изъ дворянъ харьковской губерніи, а съ материнскою изъ дворянъ Войска Донского. Родился въ концѣ 1821 года, въ степномъ помѣстьѣ матери своей, въ землѣ Войска Донского, находившемся близъ города Таганрога.

«Съ 8-ми-лѣтняго возраста началъ постоянно жить съ родителями въ Таганрогѣ и обучался въ тамошнемъ училищѣ и гимназій. Будучи еще гимназистомъ; онъ напечаталъ первое свое стихотвореніе въ журналѣ «Сынъ Отечества» 1838 года, № 10.

«Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ поѣхалъ учиться частнымъ образомъ въ Москву, а оттолъ въ Харьковъ, гдѣ чрезъ извѣстное время и поступилъ въ университетъ. По тяжелымъ житейскимъ обстоятельствамъ, въ которыя впади его родители, онъ вынужденъ былъ выдержать экзаменъ на учителя и преподавать въ деревняхъ у помѣщиковъ. По временамъ возвращался въ Харьковъ и занимался преподаваніемъ въ женскихъ пансіонахъ.

«Въ это время онъ печаталъ свои стихотворенія въ мѣстныхъ литературныхъ сборникахъ и въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ, а также и статьи въ прозѣ.

«Переѣхавъ изъ Харькова въ Одессу, онъ издалъ тамъ

собраніе своихъ стиховъ, подъ названіемъ: «Греческія стихотворенія». Эта книга была принята благосклонно и публикою, и критикою, и доставила автору извѣстность.

«Въ Одессѣ онъ былъ представленъ Л. С. Пушкинымъ, братомъ поэта, князю П. А. Вяземскому.

«Изъ Одессы онъ отправился въ Москву, въ 1850 году, гдѣ опредѣлился на государственную службу въ московское губернское правленіе, въ должность помощника редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ Москвѣ же онъ занимался преподаваніемъ уроковъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества. Участвовалъ въ журналѣ «Москвитянинъ» и печаталъ стихи въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Сбиралъ и записывалъ изъ устъ простонародья русскія народныя пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ поступилъ вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія — чиновникомъ по особымъ порученіямъ при товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, и дѣлопроизводителемъ одного еврейскаго ученаго комитета.

«Въ это время онъ издалъ: 1) Полное собраніе своихъ стихотвореній въ 2-хъ томахъ; 2) «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», и 3) «Пчела», сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Этой книги напечатано уже 3-е изданіе. Кромѣ того, печаталъ статьи въ журналахъ и отдѣльными брошюрами по части простонароднаго образованія. Во французскомъ журналѣ «Le Nord» помѣстилъ статью о медали въ память 19 февраля 1862 г., исполненной графомъ Ѳ. П. Толстымъ.

«Путешествовалъ по Европѣ и помѣщалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свои путевыя письма и стихотворенія, а также и въ «Днѣ». Въ настоящее время находится у него не напечатаннымъ довольно большое собраніе сатирическихъ стихотвореній.

«Пожертвовалъ 2 тысячи экземпляровъ своей народной книги «Пчела» на бѣдныя сельскія школы, учрежденныя при церковныхъ приходахъ, на сумму 2,225 рублей. Пожертвовалъ эту же книгу во всѣ воскресныя простонародныя школы при духовныхъ семинаріяхъ. Также пожертвовалъ и на славянъ.

«При новомъ преобразованіи министерства народнаго просвѣщенія, остался за штатомъ и былъ годъ безъ мѣста.

Потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ прикомандированъ къ главному управленію по дѣламъ печати для составленія «Обозрѣнія русскихъ газетъ и журналовъ», представляемаго ежедневно его величеству государю императору. Во время этой послѣдней службы, Щербина заболѣлъ тяжкою хроническою болѣзнію: но должность свою, однако, отпиривлялъ неукоснительно, какъ бы былъ совершенно здоровымъ. Болѣзнь же продолжается около 4-хъ лѣтъ. Состоитъ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ».

«*Прибавленіе къ запискѣ о Щербинѣ*». Еще онъ писалъ, по порученію Академіи Наукъ, критическіе разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, и былъ награжденъ за это Академіею, которая присудила ему золотую медаль.

«Кромѣ того, онъ писалъ критическія статьи и рецензіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ».

Онъ же за два дня до своей смерти написалъ лично и вручилъ мнѣ, для представленія князю П. А. Вяземскому, слѣдующее заявленіе:

«*Замѣтка относительно редакціи статей въ «Пчелѣ»*»). Что касается словъ, выраженій и образовъ, которые принято отстранять отъ дѣтскихъ и женскихъ сферъ, то составитель «Пчелы» въ редакціи статей своего сборника обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе.

«На 640 страницахъ книги, не болѣе какъ въ двухъ мѣстахъ находится подобное слово, да и то, въ статьяхъ, изложенныхъ только на церковно-славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Сказаніи келаря Авраамія Палицына» (стр. 116) слово «блудъ» и другія еще болѣе рельефныя выраженія и картины *выпущены* составителемъ изъ статьи, и только одинъ разъ было необходимо по редактивнымъ соображеніямъ удержать это слово.

«Въ другой разъ это слово упоминается въ «Словѣ святаго Василія Великаго» (стр. 603), въ которомъ приводится текстъ изъ «Апостола Павла»: «не упивайтесь виномъ въ немже есть блудъ».

«Такъ какъ въ «Пчелѣ» болѣе 600 страницъ, то тѣ двѣ страницы, гдѣ по разу написано это слово, теряются «какъ капля въ море опущенна».

*) Объ этомъ сборникѣ Щербина говоритъ весьма подробно ниже, въ письмѣ XIII.

«И во всёхъ другихъ хрестоматіяхъ для учебныхъ заведеній никакъ невозможно было избѣгать совершенно подобныхъ словъ.

«Въ катихизисѣ и священной исторіи ихъ болѣе всего. При богослуженіи они тоже слышатся и находятся также въ повседневныхъ молитвахъ.

«Къ этому вообще не излишне присовокупить, что редакція статей въ «Пчелѣ» до щепетильности обращала вниманіе на цѣломудренность выраженій, образовъ и ситуаций, а въ нравственномъ, духовномъ и политическомъ отношеніяхъ относилась къ статьямъ своимъ съ дипломатическою осторожностью, имѣя въ виду свойства читателей книги. Коллежскій асессоръ Николай Ѳеодоровъ сынъ Щербина.— 8-го апрѣля 1869 года».

Друзья Н. Ѳ. Щербины и врачи совѣтовали ему оставить Петербургъ, столь вредно дѣйствовавшій на его здоровье и переселиться, хотя временно, на югъ Россіи; но покойный медлилъ и все собирался приступить къ этому переселенію. Въ мартѣ 1869 года онъ просилъ меня похлопотать о зачисленіи его въ распоряженіе новороссійскаго генераль-губернатора въ Одессу. Князь П. А. Вяземскій принялъ въ этомъ случаѣ снова самое живое участіе для осуществленія желанія Н. Ѳ. Щербины, силы котораго съ каждою недѣлею падали. Министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, въ вѣдомствѣ котораго Н. Ѳ. Щербина въ это время служилъ, изъявилъ полную готовность помочь въ осуществленіи его просьбы. Письмо о согласіи министра внутреннихъ дѣлъ перевести Н. Ѳ. Щербину въ Одессу, устроить его положеніе при генераль-губернаторѣ Коцебу и испросить для переѣзда въ Одессу денежное пособіе, было мною доставлено Н. Ѳ. Щербинѣ, утромъ, въ день его смерти. Обрадованный этимъ письмомъ, онъ поручилъ мнѣ принять мѣры къ ускоренію этого дѣла, предполагая немедленно выѣхать изъ Петербурга, и назначилъ мнѣ свиданіе 11-го апрѣля, для окончательныхъ переговоровъ о способахъ выѣзда своего на югъ, а 10-го апрѣля вечеромъ уже его не стало. Утромъ, 10-го апрѣля, онъ былъ осмотрѣнъ лучшими хирургами, изъ которыхъ покойный Е. И. Богдановскій, профессоръ медико-хирургической академіи, предложилъ ему тутъ же (дѣло было въ два часа пополудни) сдѣлать операцію, т. е. вставить ему въ разрѣзъ горла дыхатель-

ную трубку и, затѣмъ, вырѣзать полишь, начпнавшій его душить. Н. О. Щербина на это не согласился, подпучивая надъ страстью хирурговъ къ ножу. Весь день онъ провелъ въ обычныхъ занятіяхъ, читалъ, занимался служебною работою и передалъ своему слугѣ Ивану, на всякій случай, адреса трехъ докторовъ, бывшихъ у него на консультаціи (К. И. Богдановскій даже оставилъ у него свой инструментъ) и сказалъ, что слѣдовало дѣлать съ нимъ, если бъ у него паче чаянія начался приступъ удушія, а именно: мочить горло теплою губкой, растирать грудь и проч. Въ девять часовъ вечера онъ напился чаю, — потомъ пилъ зельтерскую воду, и еще въ десять часовъ вечера говорилъ со слугою. Въ 10^{1/2} часовъ онъ вѣхалъ въ кухню, разводя руками и показывая знаками, что съ нимъ началось удушье. Вслѣдъ затѣмъ, онъ молча бросился въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ. Слуга поѣхалъ за докторами; тѣ немедленно явились, употребили все средства къ его оживленію, искусственно возбуждая его дыханіе, и даже произвели сѣченіе его горла, — но жизнь покойнаго уже угасла. Онъ умеръ въ домѣ Карачарова, на углу Поварского переулка и Колокольной улицы, въ крошечной квартиркѣ четвертаго этажа, гдѣ лучшимъ его утѣшеніемъ были нѣсколько шкаповъ съ книгами и съ гипсовыми изображеніями греческихъ героевъ и героинь. Тѣло покойнаго погребено 13-го апрѣля 1869 г. на старомъ кладбищѣ Александроневской лавры, невдали отъ могилъ Даргомыжскаго и Сѣрова.

Письма Н. О. Щербины.

I.

«1850. Ноября 29. Москва. Милый Григорій Петровичъ. Съ чувствомъ особеннаго удовольствія читалъ я ваше письмо. Благодарю васъ за вниманіе и память обо мнѣ. Извините, что я никакъ не могъ увидѣться съ вами въ Москвѣ, не смотря на все мое искреннее желаніе: причиною тому было то, что разлилась рѣка въ селѣ Павловскомъ, гдѣ я былъ, и снесла мостъ, оттого мнѣ и нельзя было переѣхать, для свиданія съ вами въ Москвѣ. Не лишнимъ считаю сообщить вамъ, что я въ Москвѣ поступилъ на казенную службу, въ здѣшнее губернское правленіе, помощникомъ редактора «Мо-

сковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Это мѣсто штатное и классное. Я очень доволенъ, что наконецъ-таки добился до исполненія своего желанія — вступить въ казенную службу, которая одна только даетъ человѣку постоянное и вѣрное обезпеченіе въ жизни¹⁾; а частныя занятія такъ неостоянны и непрочны. Это я испыталъ на себѣ... Постараюсь же строго и законно исполнять свои служебныя обязанности, и благо мнѣ будетъ.

«Съ А. Н. Островскимъ я познакомился, былъ у А. О. Вельтмана раза два.

«Вы хотите знать: какія новости въ московской литературѣ? Я въ ней человѣкъ совершенно посторонній, и считаю—навѣдываться о такой литературѣ для себя нисколько не интереснымъ и бесполезнымъ. «Греческія стихотворенія» всѣ у меня раскуплены книгопродавцами, я не имѣю ихъ ни одного экземпляра. Требуется второе изданіе. Мнѣ предлагалъ это одинъ здѣшній книгопродавецъ, изъявившій желаніе быть постоянно моимъ издателемъ.

«Въ «Сынѣ Отечества» было напечатано безъ вѣдома моего и согласія нѣсколько моихъ пьесъ: одинъ изъ нихъ въ исковерканномъ видѣ, другія двѣ изъ дѣтскихъ моихъ опытовъ, которыя я неохотно и очень неохотно вижу въ печати. Не знаю кѣмъ и какъ онѣ доставлены въ этотъ журналъ. Подобныя вещи могутъ меня компрометировать.

«Я имѣю цѣлую тетрадь, состоящую изъ 42 стихотвореній, готовыхъ къ напечатанію. Изъ рукописи этой если я и думаю печатать въ какомъ-нибудь порядочномъ, любимомъ публикою журналѣ, то не иначе, какъ за плату, рассчитывая на печатный листъ, или хоть поштучно. Впрочемъ, я охотѣе готовъ отдать въ одинъ журналъ, за приличную плату, ужъ всю эту рукопись (42 пьесы), которая могла бы печататься въ продолженіи цѣлаго года въ журналѣ. Въ противномъ же случаѣ гораздо съ большимъ удовольствіемъ могу оставить ее не напечатанною въ своемъ портфель, или издать особою книжкою, когда и какъ мнѣ заблагоразсудится¹⁾. Впрочемъ, это все *vanitas vanitatum*. Въ Одессѣ уже вышелъ въ свѣтъ литературный сборникъ «Литературные Вечера». Постарайтесь не медлить рецензіей на него въ пе-

¹⁾ Такъ думали русскіе люди 40 лѣтъ назадъ.

¹⁾ Эту тетрадь впоследствии Щербина подарилъ мнѣ и изъ нея мною ниже приводятся отрывки.

тербургскихъ журналахъ: это будетъ полезно для этого сборника. Вы, я думаю, скоро получите его въ Петербургъ. Содержаніе его вы знаете. Адресъ мой: Въ Москву. За Прьсенскими прудами, въ Грузинской ул., въ домъ Никулина, гдѣ контора Павловской казенной суконной фабрики. Пріймите увѣреніе въ душевномъ къ вамъ расположеніи. Весь вашъ Н. Щербина».

Н. Ѳ. Щербина пріѣхалъ въ Петербургъ 22-го января 1851 г., и въ тотъ же день навѣститъ меня. Утромъ слѣдующаго дня я повезъ его къ О. И. Сенковскому, а вечеромъ къ А. А. Краевскому. Съ этого началось его знакомство съ петербургскими литераторами.

II.

«3-го апрѣля 1853 года. Москва. Вы я думаю, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, никакъ не ожидали получить отъ моей лѣности это посланіе... Но на меня, какъ найдеть, подъ какую минуту что прійдется: заснувшая, повидимому, дѣятельность возобновляется и даже дѣлается ровною и постоянною, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ, меня окружающимъ. Зная вашу любезную обязательность и расположенность лично ко мнѣ, я рѣшился обезпокоить васъ моею покорнѣйшею просьбою. У насъ въ Москвѣ предполагается издать одинъ «*Альманахъ*», для чего собрана уже часть матеріаловъ, между которыми есть вещи очень порядочныя, и людей, имѣющихъ имя въ современной литературѣ. Онъ будетъ изданъ одною изъ особъ «Дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ». За редакцію относительно литературнаго *сomme il faut* поручено присмотрѣть мнѣ. Можно ручаться, нѣкоторымъ образомъ, что онъ совершенно не будетъ похожимъ, по литературному достоинству, на такъ-называемый «Раутъ»—и это уже не малое, можно надѣяться, его достоинство. Нужно набрать побольше матеріаловъ для этого изданія, чтобъ было изъ чего выбрать «не борзяся, но со вниманіемъ». Я предполагаю получить статьи для этого изъ Одессы, Харькова, и другихъ пунктовъ нашей литературной дѣятельности, при статьяхъ Московскихъ и Петербургскихъ, почему и дано будетъ этому сборнику соотвѣтствующее названіе и фізіономія. И такъ покорнѣйше прошу васъ, Григорій Петровичъ, попросите отъ моего имени стихотвореній у А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и пришлите своихъ при этомъ. Не достанете ли хоть небольшихъ

статеекъ въ *прозѣ* у вашихъ или нашихъ общихъ знакомыхъ, словомъ, старайтесь приобрести побольше матеріаловъ для этого «Альманаха» отъ разныхъ лицъ. Да и вы, кромѣ стиховъ, еще такъ мило пишете въ прозѣ; расщедритесь-ка для насъ. Мы надѣемся на вашу любезность. Я многимъ обязанъ лично той дамѣ, которая издаетъ этотъ сборникъ, и не могу чѣмъ другимъ вознаградить ее за вниманіе ко мнѣ, какъ только стараніемъ собрать чрезъ своихъ добрыхъ знакомыхъ матеріалы для ея изданія, и лично присмотрѣть за изданіемъ. Надѣюсь, вы будете мнѣ въ этомъ содѣйствовать. Собирайте и пишите мнѣ. Жду отъ васъ письма. Васъ уважающій и преданный вамъ Н. Щербина».

«P. S. Вы, кажется, изъявили желаніе имѣть мой портретъ, по личной вашей расположенности ко мнѣ, наказывали объ этомъ чрезъ актера Домбровскаго и еще писали объ этомъ, въ числѣ другихъ вашихъ московскихъ литературныхъ знакомыхъ. Исполняю теперь желаніе ваше: посылаю вамъ при этомъ письмѣ *свой портретъ* (тотъ, который размѣромъ *побольше*) и книжечку послѣднихъ своихъ стихотвореній.

«Въ этой же посылкѣ находится *мой портретъ и семинарскіе аттестаты* ¹⁾ съ иллюстраціями. Эти двѣ бездѣлки передайте отъ меня Виктору Павловичу Гаевскому. Онъ, вѣрно, *позабылъ меня*, что такъ давно не пишетъ мнѣ, не отвѣчая на письмо мое, и пусть хоть дагеротипная физіономія моя напоминаетъ ему обо мнѣ и когда-нибудь внушитъ ему мысль написать ко мнѣ. Я его очень люблю и посылаю ему портретъ, какъ упрекъ, какъ вещь *для напоминанія* ему обо мнѣ, надѣясь, что хоть это когда-нибудь заставитъ его написать и возродитъ прежнее его вниманіе.

«Живя прошлое лѣто въ деревнѣ, на досугѣ, я прибавилъ еще нѣсколько новыхъ пунктовъ къ «аттестатамъ»: это—изданіе дополненное, исправленное и умноженное».

III.

«10-го апрѣля 1854 г. Москва. Адресъ: Въ Москву. Н. О. Щ. На большой Дмитровкѣ, у Дворянскаго клуба, въ Салтыковскомъ переулкѣ, въ домѣ Талызина.

«Я опять рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моею докучною просьбою, обязательный, любезный Григорій Петровичъ, и

¹⁾ Собственноручный списокъ этихъ аттестатовъ Щербина подарилъ также и мнѣ. Они издачны въ собраніи его сочиненій.

надѣюсь, что вы, по чувству расположенія ко мнѣ, не оставите ее исполнить. Вы уже не разъ обязывали меня вашимъ содѣйствіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

«Такъ какъ статьи сборника оказываются съ достоинствами и интересомъ, и сборникъ «Железная Дорога», какъ можно надѣяться, выйдетъ *comme il faut*, то я имѣю предлогъ покорнѣйше просить васъ: будьте такъ обязательны, вышлите для этого сборника какую-нибудь беллетристическую статью вашу — рассказъ или повѣсть. Только поспѣшите это сдѣлать не мало не медля и, если можно, съ первою почтою, чтобы не задерживать изданія, и безъ того, по милости моей, долго задерживаемаго въ видахъ собранія хорошихъ статей и статей болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, такъ же и имѣющихъ интересъ *историческихъ матеріаловъ*, по преимуществу, для современныхъ вопросовъ. Если есть у васъ и стихи, то и стихи вышлите вмѣстѣ съ вашею прозаическою статьею, и, если можно будетъ, то достаньте еще стихотворенія другихъ авторовъ; особенно намъ нужна ваша статья въ прозѣ повѣствовательнаго рода, чтобы беллетристическій отдѣлъ былъ пополнѣе и получше. Не достанете ли чего-нибудь еще изъ повѣстей и рассказовъ у кого-либо другого? Пишите мнѣ побольше и подробнѣе обо всемъ, что взбрѣдетъ на умъ, и новости, если есть какія, сообщите; я, какъ провинціальная барыня, отъ бездѣлья и скуки не прочь желать новостей и читать предлинныя письма съ любопытствомъ. Жду отъ васъ письма и статьи. Весь вашъ Н. Щербина».

IV.

«Москва. 1855 года, февраля 22. Вторникъ. Благодарю васъ, добрый Григорій Петровичъ, за пріятное письмо ваше: вы какъ-то умѣете сообщить всегда что-нибудь пріятное и въ пору, тѣмъ болѣе это теперь мнѣ было нужно при извѣстномъ моемъ расположеніи духа, когда предстоитъ мнѣ и перемѣна жизни, и перемѣна моихъ занятій: я даже всѣ свои, до этихъ поръ бывшія у меня, книги отослалъ къ себѣ домой въ Таганрогъ, и нѣтъ у меня ни одной книжонки изъ прежнихъ, которыя служили мнѣ этюдами для моихъ занятій: въ Петербургѣ ужъ буду собирать новыя книги, книги новаго рода, по части русской исторіи, русской старины, русской археологіи, народности и русской филологіи, хоть и буду еще заниматься преимущественно юридическими

предметами, думая держать экзаменъ на кандидата правъ, для улучшенія своей житейской участи и гражданской карьеры, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ необходимо тотчасъ поступить на службу, и я постараюсь воспользоваться мѣстомъ службы, о которомъ говорилъ Л. А. Мей. Большое спасибо за доброе его стараніе обо мнѣ и память даже обо мнѣ отсутствующемъ. Я это такъ тепло и искренно цѣню въ сердцѣ своемъ. Благодарите и В. М. Лазаревскаго за его дружеское предложеніе и передайте ему всю полноту моей признательности за его ко мнѣ расположеніе. А. Н. Майкова благодарите за добрую память и доброе слово обо мнѣ кому слѣдуетъ: я въ свою очередь тоже не въ долгу передъ нимъ и плачу за чувство чувствомъ, за слово словомъ. Не забудьте передать мой поклонъ и прямое чувство искренняго уваженія Александру Васильевичу Никитенкѣ. Его всѣ полюбили и уважаютъ здѣсь въ Москвѣ. Да то же самое отъ меня передайте моимъ незабвеннымъ графу и графинѣ Толстымъ и Штакеншнейдерамъ и всѣмъ тѣмъ хорошимъ людямъ, которые такъ радушно меня принимали: я все это помню и глубоко признателенъ. За особенную честь почту поближе быть знакомымъ съ супругою А. С. Норова, и надѣюсь имѣть эту честь по прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Въ Петербургъ я прїѣду или къ празнику или же на Ооминной недѣлѣ непременно. Въ Москвѣ мнѣ рѣшительно нечего дѣлать. Я даже давно не посѣщаю своихъ знакомствъ, такъ что отсталъ здѣсь отъ всѣхъ и отъ всего, и живу въ квартирномъ своемъ уединеніи, да и друзья мои уѣхали отсюда. Это какой-то годъ для всѣхъ грустный и тяжелый. Я еще кое-какъ живу мыслью о Петербургѣ: о будущей моей дѣятельности, о службѣ, объ другихъ занятіяхъ, хоть впрочемъ безъ всякихъ надеждъ, которыя я ужъ давно причислил къ самообольстительнымъ иллюзіямъ дѣтства, не имѣя на это никакихъ положительныхъ данныхъ, и мнѣ отъ этого куда какъ тяжело и постоянно носилъ въ душѣ какую-то томительную тяжесть и никуда не убѣжашъ отъ нея. Назадъ тому недѣли три я писалъ къ А. А. Краевскому объ статьѣ вашей «Основьяненко» и отнесся объ ней съ похвалою, что сдѣлано было мною по убѣжденію и положила руку на сердце, ибо я ее просматривалъ, да и вы читали мнѣ лично мѣста изъ нея. При томъ же предметъ ея мнѣ извѣстенъ. Я въ Харьковѣ жилъ 7 лѣтъ и знаю о немъ

кое-что. И такъ я самъ, не спросясь вась, написалъ о статьѣ вашей къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», и написалъ все, что можно было лучшее. О «сказкахъ» же я не писалъ, по причинамъ, которыя я объясню вамъ при свиданіи, и которыя вы, надѣюсь, найдете достаточными.

«Одинъ изъ друзей моихъ, кажется, меня выдаетъ, и мнѣ это больно, какъ разубѣжденіе. Чѣмъ больше кто чувствовалъ пріязни, тѣмъ горше разубѣдился ему въ предметъ своего чувства. У меня въ квартирѣ только и былъ одинъ человѣкъ, бывающій въ обществѣ Панаики ¹⁾, и больше никого, кто бы, кромѣ его, могъ передать о «персидскомъ халатѣ» изъ тармаламы и тому подобныхъ вещахъ, относящихся къ литературѣ. Вы поймете это, прочитавъ фельетонъ № 2 «Современника». Теперь я рѣшительный поводъ имѣю убѣдиться откуда и изъ какого источника являлись сплетни и намеки на мой счетъ въ извѣстномъ фельетонѣ, фразы изъ писемъ и тому подобное, такъ что я долженъ ожидать, что скоро явятся въ печати и всѣ мои интимныя разговоры съ нимъ tête-à-tête въ низко извращенномъ видѣ, которые своею извращенною кистью могутъ скомпрометировать меня передъ нѣкоторыми лицами. Каково теперь литературное времячко! Самъ извѣстный Фаддужа (Булгаринъ) предъ этими безнравственными господами покажется греческимъ Аристидомъ честности.

«Поклонитесь Николаю Осиповичу Осипову: я чувствую къ нему много пріязни и за многое ему благодаренъ, также Ѳ. А. Бурдину. Старцу Якову ²⁾ мой поклонъ. «Аспазія» его всѣмъ мыслящимъ и чувствующимъ дамамъ, понимающимъ поэзію, *чрезвычайно нравится*. Когда въ одномъ обществѣ прочитали эту «Аспазію», я воскликнулъ: «Умри, Яковъ!» и дамы повторили: «Умри, Яковъ!»

«Многія изъ женской половины знаютъ эту пьеску назусть.

«Вспомните — «Умри, Денисъ», и вы невольно скажете тоже: «умри, Яковъ!»

«Благодушному старцу Якову я лично доставлю книжку, у него мною занятаю.

«Передайте мой поклонъ Н. А. Стенанову (карикатуристъ) и супругѣ его. Серезу ихъ (сынъ) за меня разцѣ-

¹⁾ И. И. Панаевъ.

²⁾ Я. П. Полонскій.

луйте.— Письмо отъ Николая Александровича Степанова я получилъ, равно и отъ Николая Осиповича Осипова. Пишите мнѣ, Григорій Петровичъ, поскорѣе и поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ ужъ недолго быть въ Москвѣ, и старайтесь тамъ въ пользу мою, ибо для меня настаетъ не совсѣмъ-то легкая минута перемѣнъ, перелома и тому подобныхъ вещей. Будьте на этотъ разъ моимъ корреспондентомъ! Вы человѣкъ необыкновенно дѣятельный на этотъ счетъ, — и первые написали мнѣ изъ Питера, за что васъ искренно благодарю, — кланяйтесь В. Р. Зотову. — Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Вашъ Н. Щербина».

V.

«1856 г. Посылаю вамъ вашу корректуру. Настъ звать нынче Л. А. Мей, вечеромъ. Зайдите за мной, и отправимся. Жду васъ и такъ идемъ! «Поддай костыль, Григорій!»—Щербина».

VI.

«Милый Григорій. Я вчера былъ у А. С. Норова, былъ принять имъ благосклонно и обѣдалъ вчера у него. И потому, бывши только лишь вчера, такъ недавно, не знаю: ловко ли будетъ мнѣ быть нынче на вечерѣ? Во всякомъ случаѣ, заѣзжайте къ 10 часамъ, ибо я буду въ 8 часовъ у цензора Фрейганга.—Вашъ Щербина».

VII.

«1856 г. Сентября 25-го *). — Страшно лежать въ казенной больницѣ, Григорій. Я думаю, что я сойду съ ума... а для этого есть всѣ благопріятствующія данныя. Голодь свирѣпствуетъ въ этой юдоли плача и вздоховъ, и стоновъ. Я ночь всю не спалъ и такія страшныя мысли и фантазіи объ убитомъ мальчикѣ-братѣ, пилили мое сердце и зажигали мозгъ **). О, Григорій! Когда кончится подобное положеніе! а вопіющій голосъ поправныхъ правъ человѣческихъ. Неужели мозгъ мой снесетъ все это...

**) Объясненіемъ этого письма служитъ сохранившаяся у меня слѣдующая бумага.*

1856 г. 22-го сентября, № 7929. Въ контору Петропавловской больницы. — Служащій въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія Николай Щербина, будучи одержимъ болѣзнію, не имѣетъ, по совершенно недостаточному состоянію, средствъ къ пользованію себя на квартирѣ, по уваженію сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія проситъ покорнѣйше о принятіи г. Щербины въ опую больницу.

***)* См. далѣе письмо А. А. Солнцева объ этомъ убитомъ братѣ Щербины.

«Адресъ мой: Н. О. Ш. На Петербургской сторонѣ, въ Петропавловской больницѣ, въ операционномъ отдѣленіи. Видѣть лично меня можно по вторникамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 1 часу до 4-хъ часовъ. — Извѣстите объ этомъ Зотова, Солнцева и Шилля, и поспѣшите извѣстить. — Напишите мнѣ по городской почтѣ побольше. Страшно мнѣ, Григорій. — Вашъ Щербина. — Петропавловская больница».

VIII.

«1856 г. 4-го ноября. Представляю при семь вамъ, Григорій, широкое поле одолжать меня: предъ вами рукопись моихъ стихотвореній для представленія въ цензуру. Поступите въ этомъ случаѣ тако: 1) Поспѣшите этимъ дѣломъ. 2) Спросите у князя П. А. Вяземскаго позволеніе отдать эту рукопись прямо цензору Бекетову, чтобъ вы могли сказать ему, что его просилъ князь прочитатъ эту рукопись, не отлагая ее въ долгій ящикъ, ибо мнѣ скорость и въ этомъ случаѣ очень нужна. 3) Спросивъ у князя, поѣзжайте къ цензору сказать это; потомъ отъ цензора поѣзжайте въ Цензурный Комитетъ, гдѣ записавъ эту рукопись у секретаря и выставивъ на ней №, съ обозначеніемъ, гдѣ слѣдуетъ, что она поступила къ цензору Бекетову и оставьте ее у него для цензурнаго прочтенія, но въ Цензурномъ Комитетѣ не оставляйте. 4) Между прочимъ, слегка объясните ему, что почти всѣ пьесы въ рукописи были напечатаны уже въ журналахъ, и притомъ въ самое строгое цензурное время—особливо первый отдѣлъ весь. Попросите его поспѣшить прочитатъ ее. На рукописи я написалъ свой адресъ, въ случаѣ, если бы цензору нужно было въ чемъ-либо объясниться со мною. Все это дѣло не оставьте окончательно исполнить въ понедѣльникъ, т. - е. завтра. Вашъ Щербина.

«P. S. У князя я самъ лично, скажите, потому не былъ съ просьбой объ этой рукописи, что не выхожу изъ дому по болѣзни».

IX.

«Петербургъ. 27-го мая 1858 г. Благодарю васъ, добрый-шій Григорій Петровичъ, что вы меня не забываете, и за то, что вы посѣтили мой убогій домишко въ Таганрогѣ. Несмотря на небольшое письмо ваше, вы мнѣ высказали больше о Таганрогѣ, чѣмъ братъ мой въ десяти письмахъ.

Письмо ваше я читалъ съ большимъ любопытствомъ, и много вамъ за него благодаренъ: братъ мой пишетъ всегда лаконически. Впрочемъ и я ему пишу также, да и никогда не имѣлъ ничего писать ему поподробнѣе, потому, что считалъ это неумѣстнымъ и чуждымъ интересовъ его круга дѣйствій и отношеній. Получивши письмо ваше, и руководимый чувствомъ благодарности къ вамъ, за разныя прежнія обязательныя содѣйствія мнѣ, я тотчасъ отправился къ Зотову и показалъ ваше письмо; — вотъ что я могу послѣ этого сказать вамъ!—послѣ вашего отъѣзда, вслѣдствіе переворота мнѣній свыше, въ высшихъ кругахъ администраціи, цензура стала гораздо строже, и потому вашъ рассказъ не можетъ быть напечатанъ въ настоящее время, а нужно выжидать для него времени. Даже вашъ рассказъ уже напечатанный въ «Иллюстраціи» не былъ дозволенъ къ напечатанію цензоромъ и пропущенъ только съ разрѣшенія попечителя университета и предсѣдателя Цензурнаго Комитета князя Щербатова.

«За біографію и портретъ Радищева, Зотовъ будетъ вамъ несказанно благодаренъ. Онъ старику Радищеву за біографію отца его (вмѣсто подписки въ пользу его, что неудобно) дастъ самую большую цѣну, какую только можетъ платить «Иллюстрація». Пришлите статью-біографію (или автобіографію) Радищева въ «Иллюстрацію»; и если ее дозволятъ напечатать, то можете получить деньги въ пользу бѣдняка Радищева, что будетъ служить ему вспомоствованіемъ, вмѣсто подписки въ пользу его.

«Дружининъ врядъ ли скоро можетъ напечатать вашъ рассказъ, ибо всѣ редакціи завалены статьями, да при томъ и цензура...

«К** назадъ тому годъ продалъ повѣсть въ «Библіотеку для чтенія», получилъ впередъ деньги сполна за нее по 60 или, кажется, по 70 рублей сер. за листъ, и повѣсть до этихъ поръ никакъ не попадаетъ въ печать. Между тѣмъ, какъ «Современникъ» съ жадностію за дорогую цѣну покупаетъ его повѣсти. Такъ все завалено въ редакціяхъ статьешками; жди, когда-то дойдетъ очередь. Пишите въ редакцію «Иллюстраціи» и присылайте все, что есть у васъ и у другихъ; а главное Радищева присылайте.

«Сборничико мой, я скажу Давыдову, чтобъ вамъ отпавиль; а стихи мои и для васъ оставилъ было, но вы

ихъ не взяли, и теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Я ѣду послѣ-завтра въ отпускъ, въ деревню, до сентября, и вы мнѣ туда пишите побольше и поподробнѣе, какъ можно поподробнѣе, о Таганрогѣ, о Корсунѣ, о которомъ я ровно никакихъ свѣдѣній не имѣю, о братѣ моемъ, о Харьковѣ и о прочемъ.

«Адресъ мой: Въ Юрьевъ Польской, Владимірской губерніи, П. О. Щербинѣ.—Въ Есиплевѣ, имѣніи г-жи Акинеовой (оставить на почтѣ).

«Видите ли, все ѣзжу изучать Великую Русь на мѣстѣ, въ сердцѣ ея народности. Жилъ въ Костромской, Тверской и Московской губерніяхъ, а теперь ѣду во Владимірскую губернію.—Кланяйтесь вашей женѣ.—Вашъ Щербина.

«Новое начальство мое доброе, я имъ доволенъ. Хандра у меня прежняя, Божій свѣтъ не милъ, тоска отъ долго-тянущейся жизни. — Но, вѣрьте, все наше теперешнее *vanitas vanitatum*».

Х.

«18-го сентября 1858 года. Петербургъ.—Милый Григорій Петровичъ. Письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить и отвѣчаю вамъ на всѣ его пункты.

«Я видѣлся съ соредакторомъ «Библіотеки для чтенія» А. О. Писемскимъ, говорилъ съ нимъ о статьѣ вашей и онъ сказалъ мнѣ положительно, что статья ваша о пребываніи Екатерины Второй на Днѣпрѣ будетъ напечатана въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» этого года. Она будетъ напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ тонѣ, который редація нашла «нѣсколько сладкимъ», какъ сказалъ Алексѣй Теофилактовичъ. Для васъ редація тоже приготовитъ извѣстное число оттисковъ.

«В. Р. Зотовъ сказалъ, что онъ не можетъ опредѣлить времени напечатанія вашего очерка «Крестыанка ученица» равно какъ и видовъ Полтавы, по причинѣ множества накопившихся матеріаловъ, но при первомъ представившемся удобствѣ они будутъ напечатаны.

«Я. П. Полонскій возвратился изъ Парижа, гдѣ женился на премилой дѣвицѣ изъ русскихъ. Онъ живетъ теперь пока въ квартирѣ Штакеншнейдера.

«Мей Л. А. недавно переѣхалъ жить въ концѣ августа на дачу.

«Я недѣлю тому назадъ возвратился изъ Москвы сюда

въ Питеръ. Въ Москвѣ жилъ около мѣсяца, и въ восторгѣ отъ милой, доброй, благородной, разумной и мыслящей Москвы, предъ которой Петербургъ кажется мнѣ городомъ нравственно-ограниченнымъ, алтынно-практичнымъ, словомъ «скорбнымъ главою», выключая, разумѣется, дѣль, относящихся къ узкой практичности, къ обыденнымъ цѣлямъ и тому подобному, виѣшне, хоть и необходимо-житейскому... Но, вѣдь, Москва, за то, столица всего народа. Не даромъ всякая крестьянская дѣвушка поетъ, въ самомъ отдаленномъ захолустьѣ Великороссіи, и поетъ о «матушкѣ каменной Москвѣ».

«Но я боюсь не пристрастенъ ли я къ Москвѣ, потому что люблю и любилъ ее всею юлнотою сердца и патриотическаго чувства, да при томъ и провелъ въ ней два года первой юности — 1839 и 1840-й... А это много значить... А потомъ опять жилъ въ ней постоянно отъ 1850 по 1855-й годъ.

«Сухомлиновъ на годъ или, кажется, на два уѣхалъ за границу.

«У Штакенинщедеровъ я не бываю и потому вашего поклона передать не могу, у М—ъ тоже не бываю по причинѣ ихъ козней противъ меня и множества эниграммъ, мною на нихъ написанныхъ.

«Что дѣлается въ литературѣ — я почти не знаю, ибо избѣгаю всячески столкновенія съ литературщиками.

«Я былъ во Владимірской губерніи, ѣздивъ по деревнямъ, жилъ съ народомъ, изучалъ великорусскую народность, собиралъ народныя пѣсни, изучалъ русскую исторію и древности, потомъ былъ въ деревняхъ Московской губерніи, потомъ жилъ въ Москвѣ. Теперь я пріѣхалъ сюда на службу, которою пока весьма доволенъ, да и денегъ есть довольно. Адресъ мой: на Литейной, близъ Невскаго проспекта, въ домъ Ниротморцевой, въ квартирѣ Харламова.— Весь вашъ П. Щербина.

«Поклонитесь вашей женѣ. Семейству гр. Ө. П. Толстого я передамъ вашъ поклонъ.

«Р. С. Вотъ къ вамъ моя особенная и покорнѣйшая просьба. — У васъ есть подлинная рукопись моего «Сонника», писанная моею рукою. Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, успокойте меня тѣмъ, что вырвите изъ этой рукописи мѣсто о «Русскомъ Вѣстникѣ». Я написалъ его въ

сильной ипохондріи, въ болѣзненномъ припадкѣ самаго чернаго взгляда на все. — М. Н. Катковъ — самый лучший человекъ въ настоящее время въ Россіи и полезный гражданинъ для нашего отечества и здороваго его развитія. — Семейство его и кругъ его общества — прекрасные люди. — Я у него въ семействѣ оставилъ собраніе моихъ сатирическихъ сочиненій, эниграммъ и сонникъ въ новой редакціи, сдѣланной по моему выздоровленіи.

«Итакъ, я надѣюсь на васъ, что вы вырвете выше означенное мѣсто изъ «Сонника» и сожжете это мѣсто.

«Порука въ этомъ ваша честь:
Я смѣло ей себя вѣрлю»...

«Уничтожьте непременно».

XI.

«1859 года, января 1-го дня. Поздравляю васъ, Григорій Петровичъ, и жену вашу съ новымъ годомъ и благодарю васъ за память обо мнѣ, выраженную письмомъ вашимъ. Сохраняя постоянно благодарныя чувства къ вамъ въ душѣ моей за все вани старанія и содѣйствія личнымъ интересамъ моимъ, я все-таки долженъ рѣшиться просить васъ не дѣлать мнѣ никакихъ собственно литературныхъ порученій, ибо я стараюсь избѣгать всякихъ литературныхъ сношеній. Это въ послѣдній разъ, что я рѣшился удовлетворить васъ по этому предмету и только исключительно для васъ.

«Вчера я видѣлъ Полонскаго въ домѣ графа Ѳ. П. Толстого и говорилъ ему насчетъ напечатанія статьи вашей. Онъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, когда можетъ напечатать ее, равно какъ и никакой редакторъ не можетъ знать времени и обстоятельствъ, когда именно придется напечатать какую-либо статью. У него сотни статей, присланныхъ изъ провинціи, какъ и во всякой другой редакціи, — и много, много нужно времени и лицъ редактивныхъ, чтобы прочитать всю эту массу, и потому редакція печатаетъ большею частію статьи петербургскихъ и извѣстныхъ писателей, которыхъ статьи читать не нужно, ибо за достоинство ихъ отвѣчаетъ не журналъ, а имя самого автора. Это послѣднее относится къ г. Турбину, о которомъ Полонскій ничего не знаетъ и въ первый разъ отъ меня услышалъ его фамилію. Я также спрашивалъ о немъ одного изъ сотрудниковъ «Современника» — самыхъ близкихъ къ

редакціи, онъ тоже сказалъ, что не помнитъ этой фамиліи и статей подъ этой фамиліей, и что въ редакціи лежитъ многое множество, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ, статей и ихъ не прочтешь и въ два года. Полонскій сказалъ, что у него многія сотни статей лежатъ грудями въ редакціи, и потому онъ не беретъ статьи г. Турбина изъ «Современника», а пусть, коли угодно, онъ распорядится такъ, чтобы статья доставлена была ему изъ «Современника» прямо въ редакцію «Русскаго Слова» безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны.

«О скорости же напечатанія статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ и думать нечего, это чисто зависитъ отъ случая, а иногда нужно, чтобы статья возвышалась надъ уровнемъ обыкновенныхъ журнальныхъ повѣстей, чтобы ее напечатали... Кѣмъ журналисты изъ провинціальныхъ авторовъ нуждаются, они тому тотчасъ высылаютъ деньги и просятъ отъ него статей, которыя скорѣе и печатаютъ, — и наоборотъ. Ихъ приводятъ въ негодованіе тысячи писемъ, которыми спрашиваютъ ихъ о *времени* напечатанія; они ихъ рѣдко читаютъ, а еще рѣже отвѣчаютъ на нихъ, ибо въ статьяхъ нисколько не нуждаются и сами не просятъ, чтобы ихъ имъ присылали. Вольно же. Зотовъ сказалъ, что, когда выпадетъ удобный случай, онъ напечатаетъ вамъ «Полтаву». Но статья ваша — повѣсть, что ли, врядъ ли удобна къ напечатанію. Вотъ все, что я могъ отъ него добиться. Итакъ, этимъ надѣюсь, что навсегда отстраняю себя отъ литературныхъ порученій.

«О «Русскомъ Словѣ» и журналахъ вообще не могу вамъ сообщить ничего новаго, ибо никогда о нихъ и не спрашиваю, не интересуюсь ими.

«Полонскій будетъ самъ писать къ вамъ. Онъ квартируетъ у Штакеншнейдеровъ.

«Пишите ко мнѣ почаще и подробнѣе, — только безъ литературныхъ порученій. — Вапъ Щербина».

XII.

«С.-Петербургъ, 2-го октября 1862 года. Внемли, о «старче Григоріе!» Письмо ваше я получилъ, и очень благодаренъ вамъ за память обо мнѣ. Я вотъ уже полтора мѣсяца, какъ нездоровъ, не выходя изъ дома и не видаясь ни съ кѣмъ, за то же и адеки работаю, просиживаю за работою иногда до 4-хъ часовъ ночи... Да и сколько за этимъ трудомъ нужно

сообразить, ворочать мозгами, корить!.. По нынче моя работа ужь окончена совершенно. Этотъ трудъ мой по «Читальнику» или книгѣ для народа, назначаемой какъ для народнаго чтенія вообще, такъ и для всякаго рода простонародныхъ школъ, въ смыслѣ настольной книги для чтенія всесторонняго, объяснительнаго, развивающаго и сообщающаго разнообразныя, нужныя въ извѣстномъ быту, свѣдѣнія... «Читальникъ»—это народно-русская энциклопедія въ хрестоматической формѣ, гдѣ все въ связи и болѣе или менѣе въ системѣ. Чего не было въ данныхъ нашей литературы, мнѣ нужно было написать самому,—и я написалъ это. «Читальникъ» составленъ изъ произведеній русской словесности, начиная отъ 12-го вѣка по сей день, и содержитъ въ себѣ отдѣлы: 1) богословскій, 2) историческій, 3) по естествознанію и по практическому быту, 4) изящную словесность и 5) лѣчебникъ, календарь и т. п. Все это собрано, расположено, редижировано, переправляемо, сокращаемо, видоизмѣняемо, въ соображеніи съ основами и характеромъ русской народности, ея духа, пошиба вѣшняго, историческаго и пракческаго быта и настоящихъ потребностей. Писанныхъ листовъ этого сборника вышло у меня 400, если не болѣе. «Московское общество распространенія полезныхъ книгъ» беретъя его издать и меня требуетъ въ Москву лично. Я отдаю трудъ свой безвозмездно, только чтобъ заплатили мои денежныя издержки по составленію «Читальника»,—я тянулъ на него изъ своего жалованья, стѣснялъ себя во всемъ, единственно имѣя въ виду пользу страстно-любимаго и изучаемаго мною великорусскаго простонародья... Я тоже и даже дважды проѣхалъ Волгою отъ Твери до Астрахани.

«Платилъ я деньги и за нѣкоторыя спеціальныя статьи, которыхъ неоткуда взять, или по совершенно чуждому мнѣ отдѣлу знаній... Словомъ, много издерживался и терпѣлъ поэтому много скрытой, глухой, незнаемой никѣмъ нужды, прикрывая все это приличною *comme-il-faut*-ною вѣшностью.

«Все дѣлаю самъ,—никто мнѣ не помогаетъ и не обращаетъ вниманія на настоятельную, вопіющую потребность подобной книги въ настоящее время... Да и чего же можно ожидать отъ современнаго, политическаго и общественнаго хлыщовства, отъ петербургскаго пустозвонства и невѣже-

ства тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ... Все тулицы, мелкіе эгоистическіе плутишки, рутинно-модные (но отсталые вмѣстѣ съ тѣмъ) фразеры, безъ знанія своей страны и народа, общія мѣста, вычитанныя (или выслышанныя) европейскіихъ идей и науки, или, лучше сказать, кое-какихъ взглядишекъ... По *sapienti sat*.

«Мнѣ давно предстоитъ, по службѣ, поѣздка въ Москву, но я все оттягиваю ее по болѣзни. Кромѣ того, назначается командировка въ разное время въ 7 великорусскихъ губерній.

«Въ половинѣ этого октября я буду въ Москвѣ, если особенно что не помѣшаетъ. Квартира моя въ Москвѣ—въ Будринѣ, въ приходѣ Покрова, въ домѣ княгини Несвитской, въ квартирѣ А. В. Кирѣевой.

«Повѣсть вашу я читалъ; мѣстами она мнѣ очень понравилась. При личномъ свиданіи поговорю съ вами о ней подробнѣе.

«Мой петербургскій адресъ слѣдующій: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Никому не могу передать вашихъ поклоновъ, ибо по обыкновенію да и по болѣзни ни съ кѣмъ не выдаюсь. Я въ Петербургѣ живу какъ въ деревнѣ,—нигдѣ не показываясь, нигдѣ не бывая... Да и что съ дураками водить компанію.

«Эхъ, поѣхать бы въ любимую мною Москву, все-таки легче бы было!.. Вотъ ужъ полтора мѣсяца, какъ сижу въ своей квартирѣ, не видя людей—ко мнѣ никто не ходитъ, я словно въ казематѣ... Впрочемъ, все работаю, хоть себѣ и не въ пользу, зато для удовлетворенія души своей и сердца, которыя бьютъ въ набатъ, прося общепользнаго труда, труда только по строгому убѣжденію, а не своекорыстно-хлыщовскаго, въ петербургскомъ вкусѣ, и въ томъ, что въ модѣ...

«Шутовства немудрый бѣсъ
«Намъ разставилъ сѣти;
«Въ свистъ слышимъ мы прогрессъ,—
«Мы сурки и дѣти...
«Какъ сурковъ, насъ тѣшить свистъ,
«Какъ молокососовъ,
«Чернышевскій-публицистъ
«И Лавровъ-философъ!..»

«Прощайте, Григорій. Ждите меня въ Москвѣ... Вы мнѣ будете нужны. Вашъ Н. Щербина».

XIII.

1869 года 8-го марта, за мѣсяцъ до своей кончины, Н. О. Щербина писалъ мнѣ слѣдующее.

«Добрѣйшій Григорій Петровичъ. Гряди и дерзай! Прилагаю при семъ письмо къ князю П. А. Вяземскому по моему дѣлу. Оно написано, по возможности, кратко и опредѣлительно. Вновь передѣлывать его не-по-что. Кажется, все въ немъ, какъ должно. Еще прилагаю къ письму два изыщно и роскошно отпечатанныхъ и переплетенныхъ экземпляра «Пчелы»: пусть поступитъ съ ними князь Петръ Андреевичъ по своему благоусмотрѣнiю, да вы еще скажите кое-что отъ себя. Вы уже знаете, «многоопытный и хитроумный Одиссей», что сказать по части практической.

«Я вѣрю, Григорій, когда вы въ Петербургъ прѣѣзжаете, то мои житейскія дѣла улучшаются. А это тѣмъ болѣе нужно мнѣ теперь, такъ какъ болѣзнь сдѣлала меня калѣжкой: ни выйти, ни выѣхать, ни о себѣ похлопотать, словомъ, ни оказать себѣ самопомощи...

«Гряди же въ мiръ, и дерзай, Григоріе! Весь вашъ Щербина».

«P. S. Да, мнѣ нужно было повидаться съ вами. Что стоитъ вамъ зайти ко мнѣ хоть на $\frac{1}{4}$ часа».

По поводу переданнаго черезъ меня письма Н. О. Щербины, князь П. А. Вяземскій писалъ мнѣ 9-го марта 1869 года слѣдующее:

«Письмо ко мнѣ Щербины передалъ я министру Тимашеву, подкрѣпляя усерднѣйшимъ ходатайствомъ и убѣдительноѣйшею просьбою. Отвѣта еще не имѣю. Секретарь императрицы боленъ, и тутъ еще нѣтъ отвѣта. Надняхъ посылалъ я Щербинѣ, съ порученіемъ все это ему передать. Побывайте у меня завтра, или въ другой день, въ два часа. Совершенно вамъ преданный кн. Вяземскій. — Вторникъ, вечеромъ».

Письма Н. О. Щербины къ его брату Ив. О. Щербинѣ.

«21-го мая 1862 г. Спб. Мѣсто тебѣ по питейно-акцизному сбору я отыскалъ у пріятеля моего, управляющаго питейно-акцизными сборами въ Подольской губерніи и Бессарабской.

«Малѣйшее взяточничество, за выдачу, напимѣръ, свидѣтельства какого-либо, влечеть за собою неизбѣжное выключеніе изъ службы и опубликованіе во всѣхъ газетахъ, даже за шкаликъ водки, взятый въ благодарность. Слѣдить будутъ зорко и явятся сотни доносчиковъ, желая получить мѣсто выгнаннаго.

«Разсуди хорошенько и обстоятельно, — можешь ли жить однимъ только содержаніемъ по этой должности, совершенно безъ всякихъ постороннихъ доходовъ по должности, и тогда опредѣлись, а не иначе. Подумай хорошо.

«По службѣ могутъ впереди быть повышенія, если будешь безкорыстно правдивъ, строгъ и честенъ—при открывшихся вакансіяхъ.

«Да не пиши провинціально-холопскихъ чиновническихъ писемъ съ разными хамскими титулами и величаньями не-вѣжественно-чиновничьяго быта и униженіями лестью.

«Черезъ три недѣли я ѣду до осени въ Москву.

«Напиши о А. С. Сиротининѣ, полкомъ ли онъ командуетъ, или нѣтъ. Н. Щ.»

II.

«14-го декабря 1862 г. С.-Петербургъ. Любезный братъ! Письмо твое я получилъ. Строго и аккуратно исполняя обязанности новой твоей службы, придерживаясь во всемъ законности и вниканіемъ и изученіемъ пріобрѣтая надлежащую опытность въ новой службѣ, можно имѣть постоянно въ виду повышеніе по должности: ибо эта малая должность удовлетворитъ житейскимъ потребностямъ не совсѣмъ можетъ. Эта должность пужна будетъ покуда какъ начало, какъ вступленіе, а по временамъ могутъ впереди открываться высшія вакансіи по этой части, чѣмъ нужно будетъ, по возможности, пользоваться, пріобрѣвши усердною и честною службою доброе о себѣ мнѣніе. Лучше было бы перейти въ Подольскую губернію: ибо Аккерманскій уѣздъ, пограничный съ Турціею, наполненъ разными бродягами, бѣглыми и разбойниками, такъ что жизнь часто можетъ быть въ опасности, ѣздя по этимъ дикимъ и пустыннымъ степямъ. Есть ли съ тобою солдатъ по службѣ?.. Бродяги и разбойники могутъ нападать по преимуществу на акцизныхъ надзирателей, предполагая у нихъ собранныя деньги акциза. Нужно быть всегда и во всемъ осторожнымъ и предусмотрительнымъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ краю, наполненномъ

бродягами, при пограничности съ Турціею. Съ тобою, я думаю, долженъ ѣздить всегда служащій при акцизѣ солдатъ. Есть ли это у васъ положеніе? а тѣмъ болѣе въ такомъ дикомъ и опасномъ краю. Тутъ даже въ самомъ городѣ нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и на все предусмотрительнымъ и оберегательнымъ.

«Адресъ мой: въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Гассе.

«Пини мнѣ подробно о своемъ житьѣ-бытьѣ на новомъ мѣстѣ и объ отношеніяхъ своихъ по новой службѣ и т. п. Твой Н. Щербина».

III.

Предсмертное письмо Н. Ѡ. Щербины (дрожащимъ слабымъ почеркомъ) къ его брату Ив. Ѡ. Щербинѣ и его сестрѣ.

«22-го марта 1869 г. Петербургъ. Любезный братъ и сестра. Последнее письмо ваше я получилъ сегодня и сѣйшу отвѣчать на него, несмотря на то, что дней 5-ть тому назадъ отправилъ къ вамъ письмо. Дѣло въ томъ, что вы обо мнѣ не безпокойтесь. Надняхъ я обратился къ медику, специалисту горловыхъ болѣзней, профессору медицинской академіи. Онъ осмотрѣлъ меня подробно, постукивалъ и выслушивалъ, и нашель, что легкія у меня цѣлы и невредимы; но что сильное ослизненіе всѣхъ слизистыхъ оболочекъ, а въ дыхательномъ горлѣ опухоль, неровности, затвердѣнія горловыхъ связокъ. Отъ этихъ причинъ постоянный кашель и мокрота. Легкія мои цѣлы, потому что грудь необыкновенно развита природою; впрочемъ, чего добраго, со временемъ болѣзнь можетъ добраться и до легкихъ. Теперь мнѣ трудно спать: сопѣнье, свистъ и храпѣнье въ горлѣ и въ носу, да я еще ночью и задыхаюсь. Теперь я занимаюсь устройствомъ своихъ служебныхъ и денежныхъ дѣлъ,—ибо думаю года на два переселиться въ Одессу: меня только и лѣичитъ теплый климатъ; но я отнюдь не хочу жить въ Таганрогѣ; но это время въ августѣ, можетъ-быть, буду съ недѣлю въ Таганрогѣ, ибо поѣду изъ Нижняго-Новгорода Велгой парходомъ въ Самару, гдѣ буду мѣсяца 2 пить кумысъ, а тамъ отправлюсь Дономъ и желѣзной дорогой въ Таганрогъ, а оттуда въ Одессу на жительство. Такъ по крайней мѣрѣ я теперь предполагаю, а можетъ и пере мѣню намѣреніе. Я весной навѣрное окрѣпну: меня только и лѣ-

читъ, что воздухъ, а потому жильцамъ въ своемъ большомъ домѣ ты не отказывай и за мной не прѣзжай, а сиди себѣ въ Таганрогѣ: ибо это стоитъ большихъ денегъ. Я здѣсь въ Питерѣ имѣю особую свою квартиру, со всѣмъ хозяйствомъ и удобствами. За мной ухаживаютъ въ квартирѣ три человека,—и ухаживаютъ какъ нельзя лучше. Въ Одессѣ у меня близкіе люди—П. А. Новосельскій и тамошній градоначальникъ. Валъ Н. Щербина».

Кромѣ того, небезынтересны по отношенію къ Щербинѣ слѣдующія два письма:

I.

Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ П. В. Зин-
новьеву.

«1855 г. 15-го декабря. Милостивый государь, Павелъ Васильевичъ! Даровитый писатель нашъ, Н. Ф. Щербина, съ лучшей стороны извѣстный свѣту, по разстроенному здоровью долженъ оставить Петербургъ и поселиться въ Москвѣ. Не имѣя никакихъ средствъ для обезпеченія своей жизни, онъ желаетъ получить въ Москвѣ мѣсто, которое обезпечило бы хотя первыя потребности и въ свободные часы дало бы ему возможность посвятить свои силы продолженію литературныхъ трудовъ.

«Обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли найти возможность исполнить желаніе г. Щербины? Онъ указалъ два мѣста, гдѣ бы совершенно сродно съ его занятіями онъ счастливъ былъ бы найти службу».

«1855 г. Домашній учитель русскаго языка и словесности, состоящій при дирекціи училищъ Московской губерніи, служившій передъ симъ въ гражданской службѣ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, т. е. помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Николай Щербина, желаетъ имѣть мѣсто при редакціи «Московскихъ (Университетскихъ) Вѣдомостей». Именно при библиотекѣ университета, или по преимуществу при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», въ званіи младшаго чиновника, тѣмъ болѣе, что въ послѣдней имѣется въ виду, съ новаго года, перемѣна издателя, и при успѣхѣ «Вѣдомостей» въ настоящее время могло бы имѣться

въ виду увеличеніе числа при нихъ чиновниковъ. Г. Щербина имѣеть званіе домашняго учителя русскаго языка и словесности при дирекціи училищъ Московской губерніи и служилъ передъ этимъ помощникомъ начальника газетнаго стола въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи по изданію «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Надѣясь на благо-склонное участіе ваше къ службѣ г. Щербины, прошу васъ покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. 15-го декабря 1855 года. Его Высокородію П. Вас. Зиновьеву».

II.

Письмо ко мнѣ А. А. Сонцева *).

«Письмо твое глубоко поразило мою душу, я до полученія его не зналъ о смерти Щербины, а ты знаешь, какъ я его любилъ, какъ родного; мнѣ кажется, никто не зналъ его лучше меня; его напускная мизантропія и желчныя сарказмы не закрывали отъ меня его прекрасныхъ и благородныхъ качествъ души. Онъ со мною часто говоритъ по-человѣчески и далъ мнѣ себя близко узнать. Въ жизни онъ долго былъ ребенкомъ, за которымъ надо было смотрѣть и ухаживать, и я пять лѣтъ былъ его нянькой. Когда на Кавказѣ былъ убитъ его братъ, котораго онъ уговорилъ отправиться туда, онъ чуть съ ума не сошелъ, ему казалось, что окровавленная тѣнь его стоитъ надъ нимъ, и много ночей я сидѣлъ около него и тайно отъ него давалъ лѣкарство, укрѣпляющее нервы, конечно, по совѣту медика; явно онъ ни за что не сталъ бы лѣчиться. Я долго не привыкну къ мысли, что его нѣтъ на свѣтѣ, что я его больше не увижу и не обниму. Когда онъ былъ боленъ завалами печени и ему приказано было дѣлать моціонъ, а онъ не вставалъ по цѣлымъ днямъ съ кровати, я съ человѣкомъ насильно подымалъ его, несмотря, что онъ дрался и ругался, или плакалъ, какъ дитя, его выносили на улицу и за руку я вводилъ его и по два часа заставлялъ ходить, и это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; только съ другомъ можно было такъ возиться, какъ я съ нимъ, и онъ мнѣ дѣйствительно былъ другомъ, его теплыя и искреннія письма ко мнѣ это доказываютъ. Разъ мы были на дачѣ у Штакениншейдера;

*) Бывшаго впоследствии вице-губернаторомъ въ таврической губерніи.

въ общемъ спорѣ онъ сказалъ мнѣ желчно дерзость, я тогда промолчалъ, но когда мы сѣли въ экипажъ и выѣхали на дорогу, я спросилъ его, всёли ли онъ такъ платитъ за сердечную привязанность, какъ сегодня заплатилъ мнѣ; Щербина разрыдался, сталъ обнимать меня и цѣловать, а я едва могъ утѣшить его. Меня съ нимъ познакомили Сошальскій, тогда онъ жилъ въ какомъ-то чуланчикѣ; познакомившись ближе, я уговорилъ его переѣхать къ намъ, даромъ онъ не хотѣлъ это сдѣлать, и мы приняли его въ часть; онъ такъ былъ щекотливъ, что если обѣдъ готовился сколько-нибудь лучше всенеднежнаго, онъ ограничивался двумя блюдами, и эта церемонія долго продолжалась, пока съ нами жилъ Сошальскій, котораго онъ не любилъ за хвастливый и покровительственный характеръ. Онъ всю жизнь былъ горемычный труженикъ, только послѣдніе годы судьба ему улыбнулась для того, чтобы такъ безжалостно задуть его».

У меня хранится собственноручная тетрадь юношескихъ стихотвореній Н. О. Щербины, куда онъ внесъ и нѣсколько позднѣйшихъ пьесъ. Приготовивъ эту тетрадь для печати, онъ потомъ раздумалъ и выступилъ съ болѣе зрѣлыми произведеніями, озаглавивъ первую свою книгу: «Греческія стихотворенія». Привожу изъ упомянутой тетради слѣдующія восемь пьесъ:

I.

Д е р е в н я .

Па пыльный небосклонъ лишь тучка набѣжитъ
И городъ влажною прохладой освѣжитъ,
И ближній садъ повѣтъ ароматомъ,
А нивы дальнія заблещутъ лѣтнимъ златомъ,
Люблю я вспоминать, за чашею вина,
Пріютъ спокойствія и тихой нѣги сна—
Деревню добрую, съ роскошными полями,
Съ рѣкою голубой, съ зелеными садами,
Съ малиной спѣлою, со сливой золотой,
И локонъ барышни, природою завитой,
Ея воздушныя, плѣнительныя ножки,
Обутыя — увы! — въ полусаножки...

* * *

Сливаются вдали нагѣвы соловья
Съ журчаньемъ трепетнымъ кристальнаго ручья;

Склонились сводами плакучія березы:
Съ нихъ падаютъ въ рѣку росы вечерней слѣзы.
Со стадомъ молодымъ идетъ пастухъ къ рѣкѣ,
Играя весело на дѣдовскомъ рожкѣ.
Помѣщикъ пожилой, въ своемъ халатѣ давнемъ,
Отъ мошекъ затворять приказываетъ ставни.
Онъ говоритъ теперь о дочери своей,
Что старый бригадиръ въ мужья назначенъ ей,
Что будетъ онъ въ сей жизни ей попутчикъ,
А дочери все снится подпоручикъ!..

* * *

Люблю я отъ души тебя,^{*} уютный край,—
Деревни добрая, лѣнивца свѣтлый рай!..
Тамъ барыня свой станъ снуровкой не сжимаетъ,
Тамъ, удалясь она отъ тщетной суеты,
Свои наивныя до глупости черты
Подъ маской жалкою бѣлилъ не сокрываетъ;
И барышня твоя прелестна и стройна,
Хоть въ платьѣ ситцевомъ красуется она.
Люблю въ деревнѣ я житье-бытье простое,
И щечки полныя, и молока густое,

II.

Фонтенебло.

Уныло и глухо подъ сводами залы:
Не слышно тяжелыхъ шаговъ,
Не слышно ни звона задравныхъ бокаловъ,
Ни пѣсенъ веселыхъ бойцовъ.
Нѣтъ признака жизни; вокругъ заустѣнье,
Какой-то печалью глядять...
Въ дворцѣ позабытомъ, какъ даръ сокровенный,
Походная шляпа лежитъ.
Въ глубокую полночь тамъ носятся тѣни
Угасшихъ давно королей,
И постуью важной идутъ привидѣнья
Въ тотъ залъ изъ парадныхъ дверей...
На голову шляпу себѣ примѣряютъ:—
И всѣмъ не-по-мѣркѣ она!..
И тѣни одна за другой исчезаютъ,
Какъ въ утреннемъ блескѣ — луна...
Потомъ императоръ является въ залу...

Державныя руки скрестились...
Тревожная дума въ очахъ заблистала:
На шляпу онъ взоръ устремилъ.
Видна на той шляпѣ ничтожность земная,
Почило величье на ней,
И тѣнь, съ укоризной на шляпу взирая,
Груститъ о судьбинѣ своей...
Сирійское солнце ту шляпу палило,
Песокъ африканскій пылилъ,
Метели Россіи ее убѣлили,
И валъ океана кропиль!..
Смотрѣлъ императоръ и грозно, и дико:
Унести свою шляпу хотѣлъ.
Но вдругъ раздалися разсвѣтные клики,
И съ ночью онъ въ высь улетѣлъ...

III.

Пиръ въ Хіосѣ.

Напѣнимъ наксосомъ мастиковыя чаши,
Алѳа Индіи въ курильницахъ зажжемъ!..
Какъ этотъ дымъ, разсѣются печали наши,
И нектаръ радости смѣшается съ виномъ.
Сквозь тонкій паръ душистаго наксоса,
Сквозь ароматъ прозрачныхъ облаковъ,
Увидимъ васъ, красавицы Хіоса,
Въ вѣнкахъ изъ гроздій и цвѣтовъ.
Увидимъ мы, какъ по цвѣтамъ катится
Струя душистая кудрей,
Какъ виноградъ, колеблясь, золотится
На мраморѣ трепещущихъ грудей...

IV

Янинская темница.

Небо Атики прекрасной
Надо мною не блестить,
И съ Олимпа мѣсяць ясный
Сквозь рѣшетку не глядитъ.

* *

Знать, подъ сѣнью Парѳенона
Я лобзалъ тебя въ уста,

Свѣтлоокая кукона,
Чтобъ проститься навсегда...

* * *
Но зачѣмъ съ тобою такъ мало
На прощаньи говорить,
И вокругъ ягѣты алой
Страстно рукъ я не обвилъ!

* * *
Освѣти же мракъ темницы
Взоромъ пламенныхъ очей:
Мнѣ давно не шлетъ денница
Свѣтлорадушныхъ лучей!..

* * *
Смерти жаждешь ты, Янина:
Слышу я, за мной идутъ...
Но альбанцы Тебелина
Крови грека не прольютъ!..

* * *
Паль, рыдая, на колѣни;
Онъ молитву сотворилъ
И о каменную стѣну
Буйну голову разбилъ.

V.

Русская колыбельная пѣсня.

Спи, мое дитяtko,
Спи мое милое,
Спи, когда снится!..

* * *
Скоро ты выростешь,
Съ теплаго гнѣздышка
Скоро слетишь...

Съ русой бородкою,
Дитяtko милое,
Горе прійдетъ.

Съ первой красавицей,
Съ первой зазнобушкой
Сонъ пропадетъ,

Съ женкой румяною,
Съ малыми дѣтками

Много заботъ!..

Теща сварливая
Съ тестемъ затѣйливымъ
Съ толку собьютъ
Пѣсня-ль старинная
Вспомнится радостно—
Хочешь загѣть...
Въ двери широкія
Ляжутся хлопоты,—
Пѣсня уйдетъ...
Сонъ ли украдкою
На изголовьце
Ляжетъ порой, —
Дума житейская,
Злая кручинунка
Сгонять его...
* * *
Спи, мое дитяtko,
Спи мое милос...

VI.

* * *
...И взвился тихій Донъ
Серебристой змѣей,
По зеленымъ лугамъ
Покатился рѣкой;
Далеко полетѣлъ
Сизокрылымъ орломъ
И на землю упалъ
Безконечнымъ лучомъ.
Донъ живою водой
Хитрыхъ грековъ поилъ,
И хозаровъ лихихъ
Онъ на битвы носилъ;
Подъ ладьями славянъ
Онъ привѣтно шумѣлъ;
Громки пѣсни свои
Имъ съ гусярами пѣлъ.

VII.

Кручина добраго молодца.

Разъ приглянулся яснымъ звѣздочкамъ
Свѣтель мѣсяць—добрый молодець

И пришли онъ съ челобитыцемъ
Къ свѣтлу мѣсяцу—доброу молодцу.

— «У тебя-ль, у мѣсяца, высокъ теремъ,
Изукрашенъ онъ лучше боярскаго,
Не изъ простаго камня бѣлаго,
Изъ самоцвѣтной бирюзы состроенный,
Въ ширину, въ длину, не семи сажень,
А надъ цѣлой землей онъ красуется.
Ты одинъ господинъ въ своемъ теремѣ,
Какъ Адамъ въ раю, похаживаешь,
Ясными очами посматриваешь,
Русую бородку поглаживаешь,
По плечамъ кудри разбрасываешь;
А постель у тебя—золоты облака:
Она мягче, пышнѣй невѣстной.
Ты со сна встаешь—умываешься,
Съ твоихъ рукъ идетъ вода чистая
На поля росой серебристою;
Ты, умывшись, утираешься
Не ширинкой простой, а радугой,
Изукрашенной, разноцвѣтною,
Златомъ шитою, краснымъ солнышкомъ.
Много есть у тебя, добрый молодець,
Добра всякаго и угодицевъ,
Только нѣтъ у тебя красной дѣвицы,
Нѣтъ подруженьки—ясной звѣздочки...
Выбирай себѣ изъ звѣздочекъ
Подруженьку, разлапушку,
Своему терему хозяйошку!..»

VIII.

Моя жизнь.

Какъ много надъ юной моей головою
Промчалось житейскихъ тревогъ
Въ тяжелой борьбѣ съ непокорной судьбою!..
Но пасть я духовно не могъ.

Я въ жизни боролся не съ бурей великой,
Не съ мощнымъ, разумнымъ врагомъ,
Но съ мелочью горя, но съ глушостью дикой
Въ упорствѣ ея мелочномъ.

Я брошенъ былъ рокомъ съ младенчества въ тину,
Не знаемъ никгьмъ изъ людей,
Но я въ ней нашелся, и въ ней не покину
Я мысли высокой моей.

И слышу отрадно я голосъ призывный
Въ житейской моей пустотѣ:
«Вся жизнь твоя будетъ одинъ непрерывный
И пламенный гимнъ красотѣ».

1850 г., октября 25.
Село Павловское.

Отрывки изъ неизданныхъ сатиръ и эпиграммъ Н. О.
Щербины:

1.

Некрасовъ.

Отъ генерала Муравьева
Онъ въ клубѣ кару вызывалъ
На тѣхъ, кому онъ самъ внушалъ
Дичь направленія гнилого,
Кого плодилъ его журналъ...
Ну, словомъ: «нашъ» онъ «либеральъ»,
Не говоря худого слова.

23 апрѣля.

2.

Лавровъ *).

Онъ Пиладъ студентской дружбы,
Онъ младенецъ въ цвѣтѣ лѣтъ;
Онъ полковникъ русской службы,
Русской мысли онъ кадетъ.

3.

Сѣверо-западный политикъ.

Квартальныхъ Зевсъ, Маккиавель пажей,
Теперь пональ въ администраторы:
Такъ повелось на родинѣ моей,
Гдѣ мѣтитъ всякъ кадетъ въ новаторы...

*) Извѣстный въ свое время артиллерійскій полковникъ, авторъ философскихъ писемъ, либераль, а затѣмъ эмигрантъ.

4.

Безъ названія.

Я на исторію сошлюся:
Отъ Рюрика и Синеуса
Тургій тѣхъ не было людей,
Что въ наши дни вертять дѣлами
И въ пропасть мчатся вмѣстѣ съ нами,
Во имя западныхъ идей.

10 декабря 1867 г.

5.

Р*** *).

Жалки намъ твои творенья,
Какъ германскій жалокъ Сеймъ.
Тредьяковскій обличенья,
Стихоборзый ***!

6.

Зараза.

Легче мнѣ бѣжать со свѣту
И въ глуши окончить вѣкъ,
Чѣмъ Корша читать газету;
Вѣдь, читая тупость эту,
Окоршится человѣкъ!

24 октября 1867 г.

7.

Еще о Валентинѣ **).

Я изъ міра сего многошумнаго
Помирился съ могильною сѣнью,
Занѣ Корша тамъ нѣтъ скудоумнаго,
Съ либеральной его дребеденью...
Еще Коршъ вѣдь пока не преставился
(Ему жъ годы прожить за годами);
Мнѣ тотъ свѣтъ за одно бѣ ужъ понравился,
Что съ такими не жить дураками.

30 марта.

*) Поэтъ М. П. Розенгеймъ.

***) Валентинъ Оседоровичъ Коршъ.

8.

Паки о ***.

Россійской пустотѣ, фразерству Петрограда
Всѣ города, смѣясь, даютъ свой контингентъ:
На что ужъ Чухлома,—и та куда какъ рада,
Пославъ * * въ нашъ Питерскій конвентъ!

16 января.

9.

Marquis de W***.

Рескриптъ тринадцатаго мая
Я, буква въ букву исполняя,
Тиблену разрѣшилъ журналъ:
Да поражаетъ онъ Каткова
Всей монтаньярской силой слова,
Чтобъ врагъ мой палъ и не возсталъ.

2 декабря 1867 г.

10.

Дополненіе къ „Русскому Толковому Сло- варю“.

«Камо поиду отъ духа твоего и отъ взора твоего камо бѣжу?» Псаломъ 130-й.

Когда въ Россіи многопьющей
Вамъ скажутъ слово «вездѣсущій»,—
Не разумѣйте Бога въ немъ:
Такъ начали, во время ***
(Сего грядущаго банкрота)
Именоватъ «питейный домъ».

14 ноября.

11.

Литія по усопшемъ рабѣ Божиємъ Г***.

Мы въ гербъ орла уничтожаемъ,
Гербъ мѣняемъ, Г***, черезъ тебя!
Кабакомъ орла мы замѣщаемъ...
Чтобъ точиѣ выразить себя...

12.

1869 годъ.

Трущобнымъ зоиламъ.

Я говорю, когда меня ругаютъ
Какой-то «Зетъ» и «Искра» и «Недѣля»:—

Сочиненія Г. И. Данилевскаго, т. XIV.

То на меня изъ подворотни лаютъ,
То расходился пьяный пустомеля.

2 января.

13.

XIX ВѢКЪ.

ВѢкъ девятнадцатый вѢкомъ бездарности
Долженъ въ Россіи прослыть,
Хоть за реформы его благодарности
И невозможно лишить.

Нижеслѣдующія три сатиры Н. О. Щербины, записанныя имъ для меня, хотя при жизни его ходили въ рукописныхъ копіяхъ, но не были включены въ печатное собраніе его сочиненій, а если были гдѣ-либо напечатаны, — въ спискѣ его сочиненій не значились:

14.

Наше время.

Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю,
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школь,
Въ судахъ мальчишки засѣдали,
Когда фразистый произволь
Либерализмомъ величали;
Когда могъ О . . хинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ,
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Писаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталь чиномъ генераль
Служебный яковинецъ С***
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ;
Когда бездарность и прогрессъ
Въ Россіи стали синонимомъ,
И здравый смыслъ совсѣмъ исчезъ,
Тургеневскимъ разсѣясь «Дымомъ»:--
Тогда въ бездѣйствіи влачили
Я жизни незамѣтной бремя,

И счастливъ, что незнаемъ былъ,
Въ сіе комическое время!..

20 ноябри 1867 г.

15.

Французскій терроръ въ русскомъ духѣ.

Доморощеннымъ гигантамъ
Должный путь мы указали;
Сообразно ихъ талантамъ,
На мѣста ихъ разсажали.

Робеспьеровъ по акцизу,
А Маратовъ по контролю,
Пусть все рушатъ сверху, снизу—
Либеральничалотъ вволю!

Надѣлать крестьянъ землею
Мы Бабефовъ разослали,
А Барбесовъ всею душою
Въ мировые суды взяли!

Терруанъ-де-Мирекюры
Школы женскія открыли,
Чтобъ оттуда наши дуры
Въ нигилистки выходили!

Клѣцъ нашимъ гимназистамъ
Проповѣдуютъ науку...
Словомъ, крайнимъ прогрессистамъ
Все теперь поплыло въ руку!

Но средь этой благодѣяни
Есть безъ жениха невѣста:
Только Разума богинѣ
Не нашлось въ Россіи мѣста!

1863 г.

16.

1861 годъ.

Вы зачѣмъ ихъ заключили
Въ стѣны крѣпости гранитной

И допросы имъ чинили,
Съ важной строгостью и скрытно?

Ихъ значенье такъ ничтожно,
Иль опасно такъ для трона,
Что допрашивать бы можно
Ихъ въ кондитерской Рабона...

Дать бы имъ конфектъ по фунту,
Воротить имъ ихъ воззванья—
Пусть идутъ, взывая къ бунту,
По Руси, безъ задержанья!

1861 г.

Привожу также изъ подлинной рукописи П. О. Щербинны, имъ подаренной мнѣ, слѣдующія: «*Дополненія къ Соннику современной русской литературы (1856 г.)*», — въ виду того, что въ печатномъ изданіи «Сонника» эти мѣста, касающіяся еще живыхъ въ то время лицъ, издателемъ были опущены:

Б., *Бенедиктова* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ увидѣтъ наяву фигуру индѣйскаго пѣтуха.

Г., *Глинку Осодора* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ побывать въ звѣринцѣ и смотрѣтъ тамъ на кривляюща обезьянки.

Д., *Дружинина* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ денди Выборгской стороны.

К., *Кукольника* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ изъ романтическаго трубадура превратиться въ черезчуръ классическаго чиновника и зашвоху.

Л., *Л—ва Михайла* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ для мужчинъ припадки сатириазиса, а для дамъ припадки нимфоманіи; иногда же предвѣщаетъ неприятно столкнуться съ грязной литературной тлей съ претензіями на лакейское остроуміе и циническій юморъ, отъ котораго, впрочемъ, всѣ невзыскательные цирюльники, сидѣльцы и холопы способны надорвать животикки.

М., *М—а* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ проглотить аршинъ или оскопиться духомъ и тѣломъ; иногда предвѣщаетъ быть одержимымъ глнстомъ-солитеромъ.

Н., *Некрасова* во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ изъ житей-

ской необходимости войти въ связи съ пустымъ и пошлымъ чело­вѣкомъ (въ родѣ Ивана Панаева).

С., *Ст—го А.*—во снѣ видѣть предвѣщаетъ: отца и мать въ грязь втоптать, лишь бы только плохую новѣстунку на­писать, или же увидѣть, какъ комически русская холопка корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

— *Соловьева*, московскаго профессора, и *Макарія эти­скаго Винницкаго* во снѣ видѣть предвѣщаетъ увидѣть на­яву первую занимающуюся зарю самобытной русской науки.

— *Соллогуба* графа во снѣ видѣть предвѣщаетъ взять и не отдать; иногда же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную севрскую вазу, на­полненную болотной тиной и смраднымъ навозомъ и при­крытую сверху букетами камелій.

— *С**** академика во снѣ видѣть предвѣщаетъ все знать и ничего не знать, прикрыть недостатки всякаго содержа­нія эгидою сухого черстватаго педантизма, бесплоднаго буквы­дства и шарлатанства, съ примѣсью хитрой злости, чѣмъ довольно выгодно для себя провести и облопошить дряхлый и выжившій изъ ума ареопагъ русской науки.

Х., *Хотинскаго* видѣть во снѣ сонъ нецензурный.

Ш., *Шестакова* (московскаго профессора) во снѣ видѣть предвѣщаетъ — въ слѣдующую ночь увидѣть тоже во снѣ Васи­лія Кирилловича Третьяковскаго, стоящаго на котур­нахъ Софокла, закутаннаго въ софокловскій гиматій и до­бродушно выдающаго почтеннѣйшей публикѣ свою «Демда­мію» за софоклова «Царя-Эдипа».

МОСКОВСКІЙ ДВОРЯНСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

(изъ школьныхъ воспоминаній)

Въ январѣ 1841 года меня, одиннадцатилѣтняго мальчика, отвезли изъ харьковскаго имѣнія покойнаго моего отца въ Москву, гдѣ опредѣлили въ дворянскій институтъ, бывшій университетскій благородный пансіонъ.

Въ институтъ принимались, по экзамену, только дѣти потомственныхъ дворянъ, уже достаточно подготовленные домашнимъ воспитаніемъ, на которое въ дворянскихъ семьяхъ и тогда обращалось особенное вниманіе. Сужу по своимъ товарищамъ-одноклассникамъ и по себѣ.

До поступленія въ институтъ я учился у частныхъ наставниковъ. Русскую азбуку, по странной случайности, впервые объяснилъ мнѣ, по какому-то замасленному букварю съ картинками, семидесятилѣтній старикъ-еврей, Бѣрко Семеновичъ, какъ его звали у насъ, наѣзжавшій въ имѣнія моего отца и дѣда, для починки часовъ и другихъ вещей, изъ сосѣдней, военно-поселенской слободки Андреевки, гдѣ теперь пересыльно-каторжная тюрьма. Это былъ маленькій, худенькій, съ длинною бѣлою бородой и бѣлыми нѣжными руками, въ черной шелковой ермолкѣ, самоучка-ремесленникъ, сперва винокуръ, потомъ часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Какъ теперь вижу его въ больномъ, пустынномъ послѣ смерти дѣда, деревенскомъ залѣ, съ бѣлыми позолоченными столами и стульями и съ чучелами птицъ на круглыхъ, въ видѣ фигурчатыхъ колоннъ, печахъ. Разобравъ и разложивъ на столѣ, у окна, части большихъ столовыхъ, англійскихъ, или карманныхъ часовъ, добродушный Бѣрко, съ оловянными очками на носу, просиживалъ передъ этимъ

столомъ цѣлые дни, напѣвая унылыя и пріятныя синагогальныя канты. Мнѣ было тогда пять лѣтъ. Обѣгавъ съ утра садъ, конюшни и огороды и врываясь въ залъ, гдѣ работалъ Бѣрко, я любилъ подсаживаться къ нему. Здѣсь онъ, работая и поглядывая на меня черезъ очки добрыми, ласковыми глазами, рассказывалъ мнѣ библейскія легенды, большею частью примѣняя ихъ къ себѣ и къ своему зятю, еврею Розенбергу, который былъ моложе Бѣрки, но тоже съ сѣдою бородой, и въ то время жилъ въ сосѣднемъ хуторѣ дѣда, Курбатовѣ, при винокурнѣ. Отъ Бѣрки я впервые узналъ объ Авраамѣ, Ноѣ и Давидѣ. Самсоу и Авессаломъ въ особенности тогда запыли меня. И я помню, что, сочтя себя тутъ же Самсономъ, я долго не позволялъ нянѣ своей Аграфенѣ стричь себѣ волосы, чтобы не потерять тѣлесной силы, и уступилъ ей, послѣ долгихъ споровъ и слезъ, только потому, что вспомнилъ о другомъ героѣ, Авессаломѣ, повисшемъ въ бѣгствѣ подъ деревомъ на длинныхъ волосахъ. Бѣрко, сколько помню, очень полюбилъ меня. Отдыхая среди работы, онъ вынималъ изъ кармана своего длиннополаго лапсердака разныя книжки, и медленно, тихо читалъ мнѣ изъ нихъ. Узнавъ, что я еще не знаю грамотѣ, онъ шутя сталъ объяснять мнѣ буквы и скоро научилъ меня разбирать по складамъ. Это сильно обрадовало моихъ родителей, рѣшившихъ, что пора, видно, браться за мою грамоту.

По шестому году ко мнѣ, для болѣе правильнаго обученія, моею матерью была приглашена Евгенія Ивановна Пчѣлкина, воспитанница перваго выпуска харьковскаго института, гдѣ кончила курсъ и моя мать. Это была необыкновенно кроткая, милая, религіозная особа, большая мастерица шить бисеромъ и гарусомъ по шелку и канвѣ. Невысокаго роста и слабаго здоровья, она, проснувшись съ зарей и поливъ на окнахъ любимыя матушкины жасмины и левкои, становилась передъ образомъ въ своей комнаткѣ, смежной съ моею, изрѣдка крестилась и, медленно покачиваясь изъ стороны въ сторону, простаивала на молитвѣ по часу и болѣе. Она объяснила мнѣ первыя понятія о вѣрѣ, обучила молитвамъ, бѣглому чтенію, писанію съ прописей и таблицѣ умноженія; притомъ я выучился у нея шить гарусомъ и шелкомъ и вязать на рогулькахъ какіе-то шнурки. Въ послѣднемъ искусствѣ, сколько помню, я сдѣлалъ у нея болѣе успѣховъ, чѣмъ въ обученіи чтенію и письму. Ев-

генія Ивановна Пчёлкина скончалась недавно въ тульской губерніи.

Отецъ на воспитаніе мое не имѣлъ особаго вліянія, такъ какъ умеръ, когда мнѣ было восемь лѣтъ. По отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его, это былъ въ высшей степени добрый, мягкаго и робко-застѣнчиваго права человѣкъ. Любя хозяйство и уединенную, простую, трудовую жизнь, онъ не имѣлъ склонности ни къ выѣздамъ, ни къ чтенію, и, сколько лично помню, заглядывалъ только въ изрѣдка доходившіе къ намъ отъ сосѣдей крошечные листы тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Проходя ученіе въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ полку, онъ, какъ потомъ самъ любилъ рассказывать, по праздникамъ навѣщалъ знакомаго своему родителю, по Чугуеву, грознаго временщика Аракчсева, который, освѣдомясь о музыкальныхъ способностяхъ своего гостя (отецъ игралъ на фортепіано и скрипкѣ), заставлялъ его, въ такія посѣщенія, строить свои клавикорды, но не помогъ ему, по окончаніи курса, пристроиться, согласно его желанію, въ Петербургѣ, а, напротивъ, настоялъ на переводѣ его въ глушь херсонскаго военнаго поселенія, въ бугскіе уланы. Отецъ не вынесъ этой службы. Выйдя вскорѣ въ отставку, онъ женился и нѣкоторое время служилъ депутатомъ, по выборамъ харьковскаго дворянства, между прочимъ, заступателемъ харьковской уголовной палаты. Крайне запутанное долгами состояніе дѣда принудило отца разстаться и съ этою службой. Поселясь въ деревнѣ, онъ до конца жизни занимался хозяйствомъ у себя и у родной сестры, всячески стараясь спасти разстроенное и едва не проданное съ молотка наслѣдственное свое имѣніе. Онъ вспоминается мнѣ не иначе, какъ съ постоянно озабоченнымъ, усталымъ, смугло-красивымъ лицомъ. Съ весны и до глубокой осени, онъ, буквально, не покидалъ верхового коня и бѣговыхъ дрожекъ, уѣзжая въ поля съ разсвѣтомъ и возвращаясь домой только къ вечеру. Въ ожиданіи поздняго обѣда, онъ, наскоро умывшись, бралъ иногда въ руки скрипку. И я помню, въ подобныя минуты, его статную, черноволосую, плечистую фигуру, въ одномъ жилетѣ, поверхъ рубахи, безъ сюртука, съ сильно загорѣвшимъ отъ солнца и вѣтра лицомъ, прижатымъ къ скрипкѣ, и съ темно-карими глазами, задумчиво устремленными въ садъ, пока его смычокъ выводилъ по струнамъ какую-либо грустную и, какъ онъ, самъ, робко-мечтательную мелодію.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ поле, во время спѣшной уборки хлѣба въ имѣнн сестры, отецъ внезапно заболѣлъ (какъ говорили потомъ, отъ солнечнаго удара). Погода стояла знойная. Степь замерла подъ наляющими лучами полудня. Рабочіе, пообѣдавъ, спрятались подъ тѣнью копѣнъ. Чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, отецъ рѣшилъ скорѣе возвратиться домой. Среди опустѣлаго поля некому было ему помочь. Онъ снялъ съ лошади вожжи и, чтобы не свалиться на пути, кое-какъ привязалъ себя ими къ сидѣнью дрожекъ, и затѣмъ впасть въ обморокъ. Вѣрный пѣвчій конь — я помню его, онъ потомъ долго еще жилъ на свободѣ въ нашемъ имѣнн, дойдя до такой старости, что, барахтаясь на травѣ, не могъ уже перевернуться съ боку на бокъ — привезъ его въ безсознательномъ положенн въ дворъ моей тетки. Съ тѣхъ поръ отецъ уже не поправлялся. Явилось воспаленіе печени. Больного, въ сопровожденн домашняго врача и друга нашей семьи, Ѳ. С. Цыцурина, повезли — было въ Харьковъ, для удобства лѣченн и совѣта съ другими врачами, но ему на дорогѣ подъ Чугуевомъ стало хуже. Привезенный обратно въ наше имѣнн, онъ почувствовалъ себя какъ бы лучше, но снова здѣсь заболѣлъ и вскорѣ, на тридцать шестомъ году жизни, скончался.

Моя мать (по второму мужу Иванчичъ Писарева) была совершенною противоположностью отцу. Оставшись по второму году круглою сиротой, она кончила воспитанн, подъ опекой своего дяди, въ харьковскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, по преданн, была одною изъ лучшихъ ученицъ извѣстнаго пианиста и композитора Борсичаго. Хорошо знакомая съ русскою и французскою литературами, всегда оживленная, веселая, подвижная и впечатлительная, она любила общество, выѣзды, театры, балы, и, гдѣ ни появлялась, всюду вносила особый, свойственный ея даровитой природѣ, отпечатокъ радушной, свѣтской общительности и тонкаго, недюжнянаго ума. Въ стѣпенныхъ домашнихъ обстоятельствахъ, рядомъ съ вѣчно озабоченнымъ мужемъ, она въ семейной жизни находила отраду только въ чтенн и въ музыкѣ. Въ моихъ ухахъ донинѣ раздаются звуки тѣхъ пьесъ, которыя она въ совершенствѣ исполняла, на приданомъ своемъ роялѣ, въ длинные, зимніе, деревенскіе вечера, какъ, наиримѣръ, отрывки изъ «Фенеллы» и

«Цампы», ариѣ Беллини и концертныя пьесы Калькбрёппера и Листа. Сохранивъ до кончины своей бодрость духа, симпатичный, живой нравъ и превосходную память, и обладая замѣчательнымъ для женщины красивымъ и четкимъ почеркомъ, она охотно вела съ родными и близкими оживленную переписку. По моей неотступной просьбѣ, за годъ до своей смерти, она начала писать мемуары и оставила мнѣ на память большую тетрадь своихъ воспоминаній, подъ именемъ «Моимъ внукамъ», хотя довела ихъ, къ сожалѣнію, только до первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ послѣ своего замужества.

По кончинѣ моего отца и отъѣздѣ отъ насъ заболѣвшей, первой моей наставницы, Пчѣлкиной, ко мнѣ была приглашена другая учительница, также харьковская институтка, Вѣра Як. Будакова, здравствующая понынѣ. У нея я выучился первымъ правиламъ ариѣтики, прошелъ съ нею часть русской грамматики Греча и кое-что изъ русской географіи Арсеньева и сталъ учиться французскому и нѣмецкому языкамъ. Первому одновременно меня обучалъ еще нѣкій, необыкновенно много курившій, харьковскій французъ А. Я. Пешъ, а второму — добродушная и толстая, чувствительная старушка-нѣмка, родственница сосѣдняго аптекаря Б. Б. Бодекъ, постоянно вязавшая шерстяные носки и горько плакавшая надъ чувствительными повѣстями, которыя она мнѣ читала вслухъ и которыхъ я тогда еще не понималъ, почему во время классовъ либо чертилъ карандашемъ домики и звѣрей, либо вырѣзывалъ изъ бумаги солдатъ, разсѣянно слѣдя за чтницей, какъ она—то плакала, вздыхая и повторяя: «Ахъ, герръ Готтъ! прѣклихъ, унваршѣйнлихъ!», то истерически хохотала надъ веселыми разсказами, изъ которыхъ одинъ, помню, назывался «Путешествіе изъ Штѣльпе въ Данцигъ». Благодаря совѣтамъ умной и дѣльной В. Я. Будаковой, когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, меня рѣшили отдать въ какое-либо хорошее учебное заведеніе и, послѣ долгихъ сборовъ и соображеній, остановились на Москвѣ.

Въ институтъ я поступилъ въ одинъ день и часъ съ другимъ однолѣткомъ-новичкомъ, землякомъ по Малороссіи, И. И. Соколовымъ, впоследствии извѣстнымъ профессоромъ живописи Императорской академіи художествъ, авторомъ жанровыхъ картинъ изъ малорусскаго быта: «Гаданіе на

бѣнкахъ», «Почъ на Ивана Купала» и проч. Послѣ подписанія институтскимъ врачомъ, И. В. Георгіевскимъ, обычныхъ пріемныхъ свидѣтельствъ, насъ, изъ опустѣвшей, тихой учительской комнаты ввели въ наполненный бѣгавшими и кричавшими въ увлеченіи игрой учениками рекреационный залъ.

Шумъ и гамъ веселой толпы невольно ошеломили робкихъ новичковъ. Оба бѣлокурые, робкіе, съ загорѣвшими отъ степного воздуха лицами, мы сперва сильно терялись. Надъ нами, какъ и надъ прочими новичками, старшіе и болѣе сильные товарищи, въ первые дни, произвели всѣ установленные на такой случай опыты. Одни до одурѣнія, не переставая, махали кулакомъ передъ нашими носами, не давая сторониться и говоря: «не смѣй мѣшать, воздухъ казенный!» Другіе, будто обнимая насъ, брали наши головы подъ мышки, тиская ихъ и спрашивая: «А чтѣ, заплачешь? пожалуешься?» Третьи, при ходьбѣ, давали намъ «подъножку», боролись съ нами и пр. Скоро, однако, послѣ невольной и поучительной сдачи съ нашей стороны, всѣ подобныя опыты стали рѣже и вовсе прекратились. Нѣсколько уроковъ въ классахъ, репетиціи и шумныя рекреации окончательно ознакомили насъ съ своеобразною, внутреннею жизнью школы. Она намъ понравилась, и мы незамѣтно и быстро къ ней привязались.

Одно угнетало меня въ первое время—это сонъ въ огромной дортуарной палатѣ, наполненной рядами бѣлыхъ, чистенькихъ кроватей. Всѣ улеглись, подъ оклики надзирателей: «still, Kinder!»—«silence!»; всѣ приткнулись къ подушкамъ, поболтали вполголоса, посмѣялись и заснули. Полуосвѣщенный ночными лампочками дортуаръ окончательно затихъ. Слышится только переступаніе ногами дежурящихъ въ коридорѣ ночныхъ надзирателей и дядекъ, отставныхъ солдатъ, да пискъ мышей гдѣ-нибудь въ углу, у нагрѣтой съ вечера печки. Дортуаръ исчезаетъ передъ глазами. Въ мысляхъ иная, недавняя картина: деревенскій родной домъ, посеребренные инеемъ дорожки сада, игра съ сельскими мальчиками въ снѣжки, ѣзда по степи съ приказчикомъ къ овчарнымъ сараямъ, охота съ дядей въ лѣсу, лай гончихъ, ружейные выстрѣлы. И едва, кажется, заснулъ, въ окнахъ еще темно, но уже звучитъ звонокъ урядника Кочурина. Шесть часовъ утра, и надзиратели — немецъ Гаусманъ,

пли французъ Венсанъ — идутъ вдоль кроватей, стуча по ихъ желѣзнымъ прутьямъ и выкрикивая: «Stehen sie auf, Kinder!» — «Levez-vous, messieurs! levez-vous!» — Мы въ классѣ, на ренетиціи. Аккуратный Гаусманнъ, съ коленкоровыми чехлами на рукавахъ форменнаго вицмундира, для ихъ сбереженія, сидитъ на каедрѣ, передъ огромною кружкой душистаго кофе со сливками; мы слышимъ запахъ кофе, переводимъ Корнелія Пёнота и думаемъ: «вотъ бы намъ, вмѣсто латыни, этого угощенія!»

Московскій дворянскій институтъ въ то время помѣщался на Тверской, въ приходѣ Успенія-на-овражкѣ. Его зданія, сооруженныя въ царствованіе Императрицы Екатерины II, были расположены въ видѣ печатной буквы Е, главнымъ фасадомъ—съ куполами по краямъ—на Тверскую, а боковыми флигелями—въ переулки Газетный и Долгоруковскій. Эти обширныя, до-нынѣ сохранившіяся зданія въ половинѣ XVIII вѣка принадлежали фельдмаршалу князю Трубецкому, потомъ межевой канцелярין; въ восьмидесятыхъ же годахъ прошлаго столѣтія въ нихъ помѣщалась типографія знаменитаго мартиниста Новикова и печатались подъ его редакціей «Московскія Вѣдомости», почему и переулокъ, куда выходила его типографія, въ народѣ прозвали Газетнымъ.

Дворянскій институтъ былъ основанъ сто десять лѣтъ тому назадъ. Учрежденный въ 1779 году, подъ именемъ «Вольнаго университетскаго благороднаго пансіона», онъ, спустя 54 года, въ 1833 г., былъ названъ дворянскимъ институтомъ, черезъ десять лѣтъ послѣ того переведенъ съ Тверской на Моховую, въ купленный для него извѣстный домъ Пашкова, гдѣ нынѣ помѣщается Румянцевскій музей, и еще черезъ шесть лѣтъ, въ 1849 году (въ семидесятую годовщину своего существованія) окончательно закрытъ и преобразованъ въ IV-ю московскую гимназію. Последнюю потомъ съ Моховой перевели на Покровку, въ приходъ Воскресенія въ Барашахъ, въ домъ, нѣкогда принадлежавшій графу А. К. Разумовскому, гдѣ она помѣщается и теперь.

Изъ шестилѣтняго институтскаго курса мнѣ пришлось первые три класса пробыть еще въ старомъ зданіи, на Тверской; остальные три класса я провелъ въ домѣ Пашкова, на Моховой. Директоромъ института, при мнѣ и до его закрытія, былъ извѣстный профессоръ московскаго университета по каедрѣ политической экономіи и статистики,

товарищъ Грановскаго и Кудрявцева, Александръ Иваловичъ Чивилёвъ. Призванный впоследствии въ Пестербургъ, въ воспитатели покойнаго цесаревича Николая Александровича, онъ кончилъ жизнь трагически—задохнулся во время внезапнаго пожара въ своей казенной квартирѣ, въ Запасномъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ. Нашимъ инспекторомъ былъ Г. М. Ронцѣвичъ; надзирателями — для практики въ новыхъ языкахъ—иностранцы: Дисленъ, Гаусманъ, Пейшесъ, Шпагенбергъ, Варнекъ, Безеръ, С-нъ Маркъ, Велсанъ, Губб, Жоппъ и др.

Институтъ былъ закрытымъ заведеніемъ, интернатомъ. Число воспитанниковъ, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ его зданіи, колебалось отъ 150 до 200 человекъ. За обученіе и содержаніе каждаго воспитанника взымалось по 300 рублей серебр. въ годъ. Классы, залы для отдыха и столовые были внизу, дортуары вверху. Домашняя церковь, на Тверской помѣщалась подъ правымъ куполомъ главнаго фасада, съ улицы; на Моховой—въ особомъ церковномъ зданіи, во второмъ правомъ дворѣ. Будничная одежда воспитанниковъ состояла изъ темнозеленой куртки съ краснымъ воротникомъ и бронзовыми пуговицами, съ московскимъ гербомъ; праздничная — изъ мундира такого же цвѣта съ такими же пуговицами и съ золотыми петлицами по красному воротнику. Кормили насъ хорошо. Бѣлье, посуда, отопленіе, освѣщеніе и воздухъ въ комнатахъ, особенно въ огромномъ домѣ Паникова, на Моховой, были прекрасные.

Будили насъ, по звонку урядниковъ Кочурнича и Медвѣдева, въ 6 ч. утра. Послѣ туалета и общей молитвы, была утренняя рететичія уроковъ, отъ 6^{1/2} до 8^{1/4} ч. утра; съ 8^{1/4} до 9 часовъ — чай и утренняя рекреация; отъ 9 до 12 ч. классы—два урока; ровно въ полдень (отъ 12 ч. до 12^{3/4} ч.)—обѣдъ. Послѣобѣденная большая рекреация—отъ 12^{3/4} до 2^{1/2} ч.; съ 2^{1/2} до 3 ч. — послѣобѣденная рететичія; съ 3 до 6 ч. — вечерніе классы (два урока); съ 6 до 6^{1/2} ч. — вечерній чай, съ 6^{1/2} до 7 ч. — вечерняя рекреация; съ 7 до 8^{1/4} ч. — вечерняя рететичія, съ 8^{1/4} до 9 ч. — ужинъ; съ 9 до 9^{1/2} ч. рекреация послѣ ужина, и съ десяти часовъ вечера—сонъ. Такимъ образомъ, на слушаніе и объясненіе уроковъ употреблялось въ день 6 часовъ; на ихъ приготовленіе и повтореніе—3^{1/2} часа, на рекреации (отдыхъ)—около 3 ч. и на сонъ—8 часовъ. Рекреации вес-

ной и осенью, и въ хорошую погоду зимой, проводились обыкновенно на воздухѣ, на институтскомъ дворѣ. Здѣсь, а въ дурную погоду въ залахъ, воспитанники веселою, шумною гурьбой играли въ бары (пятнашки), въ лапту (мячъ), въ чехарду и другія игры.

Зимой, во дворѣ, для насъ, кромѣ приспособленій для гимнастики, постоянно устраивались ледяныя горы съ санками и ледяныя площадки для катанія на конькахъ. Все это—какъ и уроки танцевъ у знаменитаго Югеля, — фехтованія у Трѣля и Иванова, а лѣтомъ уроки плаванія у Гока и прогулки въ праздникъ, шпикомъ за городъ, въ Марьину рошу, на Воробьевы горы, въ Шелепиху или Нескучное, на берега Москвы-рѣки, гдѣ надзиратели, какъ французъ Губо, учили насъ ботанизировать и собирать окаменѣлости—поддерживаю въ насъ отличное расположеніе духа и бодрость. Всѣ мы были, сколько помню, всегда здоровы и веселы. Особенно нравились намъ ледяныя горы и катанье на конькахъ. Бывало, вырвется шумная толпа изъ класса математики или латыни во дворъ, въ однѣхъ курткахъ и легкихъ фуражкахъ. Снѣгъ хруститъ подъ ногами, морозъ щиплетъ за уши. Крикъ, смѣхъ, бѣготня. Крошечныя санки на звонкихъ полозьяхъ летятъ вереницей съ горы. Конькобѣжцы попарно и вразсыпную мчатся по ледяной площадкѣ, обгоняя другъ друга и выписывая на-лету хитрые вензели. Нѣкоторые умудрялись спускаться съ горы даже на конькахъ. Одного изъ такихъ искусниковъ я и теперь точно вижу передъ собою. Здоровый, румяный мальчикъ до того изловчился въ этомъ искусствѣ, что съ разбѣга, на полугорѣ, мгновенно оборачивался лицомъ къ вышкѣ горы и остальное пространство, по ледяному полотну, мчался спиной къ низу, на одной ногѣ. Это былъ нынѣшній председатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—А. И. Георгіевскій.

Дворянскій институтъ былъ такою же строго-классическою школой, какъ и его тогдашнія (уваровскія) гимназіи; но его воспитанники не были изнуряемы чрезмѣрнымъ зубреніемъ грамматическихъ тонкостей латинскаго и греческаго языковъ, въ ущербъ изученію русскаго языка и русской исторіи, а главное—въ ущербъ ихъ здоровью. Воспитанники этого института, въ шесть лѣтъ, съ успѣхомъ, безъ репетиторовъ и приготовительныхъ классовъ, проходили тотъ же

курсъ классическихъ гимназій, для котораго потомъ крайніе поборники классицизма прибавили въ гимназіяхъ, къ семилѣтнему курсу, еще «восьмой» классъ и подавали мнѣнія о необходимости введенія даже «девятого»... Девять лѣтъ гимназическаго курса, а съ подготовительнымъ классомъ десять лѣтъ! Прибавьте четыре года университетскаго курса, а считая, что наилучшій питомецъ классицизма, въ гимназіи или въ университетѣ, можетъ, въ силу нездоровья или случайно-неудовлетворительной отмѣтки, остаться лишній годъ, и окажется, что для полученія университетскаго диплома надо пробыть въ ученіи пятнадцать лѣтъ—половину лучшей части жизни!

Воспитанники института не знали ни «переутомленія», ни вытекающихъ изъ него «нервныхъ» и другихъ страданій. Особенно выгодно отражались на нашемъ здоровьи гимнастика, катанье съ горъ и на конькахъ и уроки фехтованія.

Въ праздники, зимой, у насъ устраивались домашніе спектакли. Сверхъ того, насъ, на складчину, а иногда и на казенный счетъ, возили въ театръ смотрѣть Мочалова, Щепкина и Живокіни. Остававшіеся, подобно мнѣ, на лѣтнихъ вакансіяхъ, у родныхъ и знакомыхъ, близъ Москвы, увлекались ружейною охотой и рыбною ловлей. Весну встрѣчали у насъ особенными стихотворными возгласами:

«Вотъ она,
Вотъ весна!
Птички радостно запѣли,
Книги къ чорту полетѣли!»

Гостя въ вакантные мѣсяцы въ бронницкомъ уѣздѣ, въ имѣніи родныхъ моего отчима (с. Чеплыгинѣ, на рязанскомъ шоссе), за недостаткомъ ружья, какъ помню, я цѣлые дни проводилъ въ охотѣ, съ сѣткой, на перепеловъ. Старый поварь, Егоръ, ходившій со мной на эту охоту, зналъ и передалъ мнѣ множество сказокъ и старыхъ преданій, въ томъ числѣ о нашествіи Наполеона, котораго онъ когда-то лично видѣлъ, случайно оставшись въ сожженной Москвѣ.

Наши учителя въ классахъ не играли роли только экзаменаторовъ, не ограничивались однимъ лишь спрашиваніемъ и задаваніемъ уроковъ. Классы проходили въ ближайшемъ и подробномъ объясненіи, со стороны учителей, изучаемыхъ предметовъ, причемъ преподаватели постоянно старались о томъ, чтобы и слабѣйшіе изъ учениковъ могли

понять и усвоить проходимое. Учебниковъ, издаваемыхъ самими преподавателями, намъ, по протекціи ихъ авторамъ, не навязывали и, по чьему-либо капризу, безъ толку ихъ не мѣняли. При изученіи географіи не обременяли нашей памяти непомѣрнымъ грузомъ статистическихъ цифръ и сухимъ перечнемъ городовъ, мѣстностей и народовъ, а болѣе знакомили, въ общедоступной формѣ (учитель Соколовъ), съ общими картинами этихъ мѣстностей, городовъ и народовъ. Часть географіи, для практики въ нѣмецкомъ языкѣ, намъ преподавалась по-нѣмецки, какъ и для французскаго языка—естественная исторія—по-французски. Послѣдствіемъ такого порядка было то, что репетиціи представляли дѣйствительно только повтореніе, освѣженіе въ памяти преподаваемого въ классахъ, и самостоятельно на нихъ обрабатывались лишь сочиненія на заданныя темы, переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ, да провѣрялись, при помощи способнѣйшихъ учениковъ, рѣшенія наиболѣе трудныхъ математическихъ задачъ. Ненужными переводами съ русскаго на древніе, мертвые, языки насъ также не томили, а если это изрѣдка и требовалось, то лишь какъ исключеніе и только относительно способнѣйшихъ учениковъ. Вечерними репетиціями кончались всѣ наши занятія и, уходя послѣ ужина въ дортуары, никто болѣе не сидѣлъ надъ книгами, — подобнаго несвоевременнаго занятія не допускали и дежурные надзиратели. Къ 10-ти часамъ вечера въ институтѣ мирно засыпали всѣ 150—200 его питомцевъ.

Изъ этого правила допускалось единственное исключеніе, а именно — въ весенніе дни, во время нѣкоторыхъ, болѣе трудныхъ экзаменовъ въ старшихъ классахъ. Воспитанники и тогда не имѣли права проводить надъ книгами ночного времени; только во время экзаменовъ имъ дозволялось вставать и заниматься, при дневномъ свѣтѣ, ранѣе обыкновеннаго часа. Болѣзненныхъ, изнуренныхъ неспособными занятіями товарищей я не помню за все шестилѣтнее мое пребываніе въ институтѣ, какъ не помню, чтобы кто-либо изъ насъ, тайкомъ ли въ институтѣ, или въ праздники дома, просиживалъ, какъ это дѣлаютъ теперь, до 2—3 часовъ ночи надъ упражненіями въ экстемпориаліяхъ изъ древнихъ языковъ. Изъ питомцевъ института вышли, между тѣмъ, такіе поборники классицизма, какъ старшій меня по выпуску, П. М. Леонтьевъ, и кончившій курсъ всего годомъ ра-

нѣе меня, А. И. Георгиевскій. Нельзя при этомъ сказать, чтобы ученіе у насъ было легкое. Несмотря на всю его осмысленность и отличныхъ преподавателей, изъ числа учениковъ, поступавшихъ въ институтъ, кончали курсъ обыкновенно не болѣе одной трети. Часть отставала съ третьяго и четвертаго классовъ, переходя въ другія учебныя заведенія (лицей, школу правовѣднія и гимназін), иные же поступали въ военную службу, черезъ годъ, черезъ два потомъ навѣщая институтъ и плѣняя своихъ бывлыхъ товарищей блестящею мундирною формой. Были между нами, какъ вездѣ, и большіе, дерзкіе шалуны. Ихъ, какъ это водилось тогда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подвергали и тѣлеснымъ наказаніямъ. Помню грозный взоръ и голосъ исполнителя послѣднихъ, толстаго, невысокаго и со скривленнымъ лѣвымъ плечомъ, нашего инспектора Ронцевича и его помощника въ этомъ дѣлѣ, красноносаго урядника Кочурина. Живо вспоминаю тотъ ропотъ и то негодованіе, съ которыми мы всякій разъ встрѣчали эти наказанія, когда испытавшій ихъ мальчуганъ, а иногда и болѣе взрослый юноша, возвращаясь въ классъ «сверху» — со слезами, а то и съ похвальбой — рассказывали о томъ, что съ ними произошло и какъ они *это* вынесли. Намъ было жаль пострадавшихъ товарищей, но зато наказанія тѣмъ въ то время и ограничивались, и никто изъ моихъ соучениковъ не получилъ «волчьаго паспорта», не былъ исключенъ съ тѣмъ, чтобы впредь никуда, въ другія заведенія, его не принимали.

Насколько успѣшно проходили годы моего ученія въ институтѣ — теперь съ трудомъ помню. Одно могу сказать: мы, въ большинствѣ, очевидно, учились вообще недурно. Послѣ смерти моей матери, братъ мой и сестра, также покойные уже теперь, вручили мнѣ, по моей просьбѣ, ея бумаги и въ томъ числѣ всѣ мои письма, писанныя къ ней съ 1837 по 1877 годъ. Изъ этой, хранимой мною, сорокалѣтней хроники чуть не еженедѣльныхъ моихъ бесѣдъ съ матерью я особенно дорожу своими институтскими письмами. Послѣднія у нея сохранились съ 1843 года, когда мнѣ исполнилось 14 лѣтъ и я былъ въ 3-мъ классѣ. Перечитывая теперь эти письма и присланныя при нихъ, для прочтенія матери, классныя мои сочиненія на темы по русскому языку, съ отмѣтками учителей (за 1843 г.: «Шловецъ», «Чувства при видѣ Москвы»; за 1844 г.: «Зло-

умышленіе на жизнь Іоанна», «Московскій пожаръ»; за 1845 г.: «Дружба» и проч.), я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Мы, четырнадцатилѣтніе и пятнадцатилѣтніе мальчики, писали тогда, по совѣсти надо сказать, правильнѣе, чѣмъ теперь пишутъ нѣкоторые изъ молодыхъ людей, двадцати и болѣе лѣтъ, съ аттестатами зрѣлости, поступающихъ въ университетъ послѣ восьми и девятилѣтняго обученія въ гимназіяхъ. Въ слабыхъ познаніяхъ нынѣшней молодежи по русскому языку, надо думать, убѣдились не въ одной редакціи періодическихъ изданій, куда ищущіе умственнаго труда нерѣдко обращаются съ предложеніемъ своихъ работъ.

Что же было ближайшею причиною тому, что воспитанники бываго московскаго дворянскаго института успѣвали такъ скоро достигать желаемаго успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, какъ теоретическое и практическое изученіе отечественнаго языка? Находящіеся въ живыхъ, немногіе и болѣею частью уже убѣжденные свѣдншіе, питомцы этого заведенія (каждому изъ нихъ теперь, по малой мѣрѣ, не менѣе 55—60 лѣтъ, такъ какъ институтъ закрытъ въ 1849 году, т.-е. ровно сорокъ лѣтъ назадъ) могутъ, положа руку на сердце, отвѣтить на это слѣдующее: во-1-хъ, то, что насъ, въ ущербъ изученію русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи, не забывали сверхъ мѣры обязательнымъ изученіемъ обоихъ древнихъ языковъ, а требовали изученія одного изъ нихъ, латинскаго, предоставляя намъ добровольно учиться или не учиться другому (греческому), и, во-2-хъ, то, что у насъ былъ превосходный директоръ и отличные, стоявшіе на высотѣ своего призванія, подобранные имъ учителя, какъ, на примѣръ, по русскому языку — извѣстный въ педагогической литературѣ авторъ «Грамматикн старославянскихъ языковъ», «Практической русской грамматики», «Русскаго стихосложенія» и другихъ сочиненій, Петръ Мироновичъ Перевѣтскій († 1867 г.), по исторіи — Николай Васильевичъ Смирновъ, по римскимъ и греческимъ древностямъ — А. К. Фабриціусъ, П. И. Шѣвниціи, Громанъ и Ю. К. Фелькель, авторъ перевода «Записокъ Пезаря» (съ объясненіями), по математикѣ — Саханскій и Оглоблинъ, по физикѣ — Мохтшиъ, по нѣмецкому языку — К. Зейдлицъ, по французскому — Пеланъ-д'Анжѣ и по закону Божию — отецъ Іоаннъ Рождественскій. Здѣсь же былъ равнѣ преподавателемъ греческаго языка знаменитый впо-

слѣдствіи профессоръ древностей московскаго университета Д. А. Крюковъ.

Надъ дворянскимъ институтомъ въ Москвѣ, какъ и надъ родственнымъ ему во многихъ отношеніяхъ, хотя и болѣе молодымъ по времени открытія, Александровскимъ лицеемъ въ Петербургѣ, незримо какъ бы вѣяло знамя русской литературы, свѣдѣнія о которой, впрочемъ, у меня, при отъѣздѣ изъ деревни, были самыя ограниченныя. Наслушавшись въ дѣтствѣ народныхъ украинскихъ сказокъ отъ моей няни, старушки Аграфены, и ея мужа, Анисима, я отъ комнатнаго слуги бабки, Абрама, учившагося въ Харьковѣ переплетному мастерству и потому кое-что читавшаго, впервые, по пятому году, услышалъ о Гоголѣ. Добывъ изъ шкапа бабки «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», Абрамъ прочелъ мнѣ и нянѣ въ саду нѣсколько изъ повѣстей Рудаго-Панька, восхитивъ насъ этимъ до безконечности. Онъ же потомъ познакомилъ меня и съ фантастическими разказами барона Брамбеуса. Помню свой неудержимый смѣхъ, при чтеніи Абрамомъ разказа «Большой выходъ у Сатаны», когда царь чертей проглатываетъ, въ видѣ сухаря, романъ «Петръ Выжигинъ», запивая его, вмѣсто вина, дегтемъ. Впослѣдствіи, хотя мнѣ и удавалось раза два пробираться въ комнату матери, во время чтенія у нея вслухъ модныхъ тогдашнихъ романовъ «Рославлевъ» — Загоскина и «Мустангъ» — Поль-де-Кока, моя мать, замѣтивъ непрошенное мое присутствіе при этомъ чтеніи, меня тотчасъ же удаляла.

Вступавшимъ подъ кровлю института ученикамъ товарищи прежде всего указывали на золотую доску въ его рекреационномъ залѣ, гдѣ были написаны имена Жуковскаго, Грибоѣдова, кн. Шаховскаго и другихъ знаменитыхъ русскихъ писателей, кончившихъ здѣсь курсъ ученія. Подобно тому, какъ лиценсты въ Петербургѣ съ гордостью называютъ имена Пушкина, кн. А. С. Горчакова, гр. Д. А. Толстого, В. П. Безобразова, М. Е. Салтыкова, Я. К. Грота, Н. К. Гирса и другихъ писателей, ученыхъ и государственныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ Александровскаго лицея, воспитанники московскаго дворянскаго института называли и называютъ рядъ именъ, прославившихъ это дорогое для нихъ училище. Здѣсь прошли курсъ ученія, кромѣ Жуковскаго, Грибоѣдова и князя Шаховскаго, слѣдующіе, между прочимъ, русскіе писатели и ученые: А. Θ. Воейковъ, Д. Дашковъ,

П. В. Свиньинъ, С. П. Жихаревъ, А. С. Норовъ, кн. В. О. Одоевскій, С. П. Шевыревъ, О. И. Тютчевъ, Н. В. Калачовъ, А. О. Вельтманъ, — П. М. Леонтьевъ и С. А. Усовъ (профессора), А. А. Майковъ, А. В. Вышеславцевъ, В. И. Родиславскій (основатель общества драматическихъ писателей), С. Н. Шубинскій (редакторъ «Историческаго Вѣстника») и другіе; государственные дѣятели: А. П. Ермоловъ (извѣстный кавказскій герой), графъ Д. А. Милютинъ (бывшій министр), В. П. Титовъ, — А. И. Георгіевскій, Е. А. Кожуховъ и Н. П. Рыжовъ (предсѣдатели высшихъ государственныхъ учрежденій въ Петербургѣ и Варшавѣ), Д. П. Батюшковъ (бывшій екатеринославскій губернаторъ), В. А. Татариновъ (бывшій государственный контролеръ), А. Е. Тимашевъ (бывшій министр), бар. А. П. Моренгеймъ (нынешній посолъ во Франціи), В. Х. Книперъ (нынешній директоръ Императорскаго стекляннаго завода), многіе губернскіе и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ (Л. В. Вышеславцевъ), присяжные повѣренные (А. А. Кожуховъ, Тетѣра), мировые посредники и судьи, и пр. Здѣсь же въ началѣ также учились: М. Ю. Лермонтовъ, С. А. Юрьевъ и — переведенные потомъ въ Александровскій лицей — гр. Д. А. Толстой (бывшій министр), М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), В. П. Безобразовъ, А. М. Унковскій и др. Между институтцами въ мое время шло преданіе, что здѣсь же учился и даже былъ записанъ на золотую доску и несчастно-погибшій впоследствии поэтъ К. О. Рылѣевъ, и что эту доску, послѣ арестовъ по дѣлу четырнадцатаго декабря, сожгли и замѣнили другою, гдѣ его имя было пропущено.

Жуковскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ... Какимъ восторгомъ бились наши сердца при упоминаніи только этихъ трехъ бывшихъ воспитанниковъ института, въ которомъ хранились и повторялись преданія о нихъ! Учителя русскаго языка Архидіаконскій, Билевичъ и Перевлѣскій, задавая намъ учить Жуковскаго, указывали тѣ первыя стихотворенія, которыя дебютантомъ-поэтомъ были написаны въ стѣнахъ института: «Ода на благоденствіе Россіи», «Майское утро», «Добродѣтель» и др. Встрѣчая весну, мы твердили изъ Жуковскаго:

«Бѣло-румяна

Восходить зоря;

<http://www.cerf.org.pl>

Фебъ златозарный
Все оживилъ;
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась
И процвѣла...»

Безсмертную комедію Грибоѣдова, какъ и всего почти Лермонтова, мы знали наизусть. Перевлѣскій познакомилъ насъ и съ первыми стихотвореніями Аполлона Ник. Майкова, незадолго передъ тѣмъ появившимися въ печати и ходившими въ спискахъ. Особенно нравились намъ антологическія пьесы: «Искусство», «Барельефъ» и «Вертоградъ», и мы повторяли:

«Срѣзалъ себѣ я тростникъ у побережія шумнаго моря;
Измъ опъ, забытый, лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной...»

Или:

«Посмотри свой вертоградъ,
Въ немъ нарцисъ ужъ распустился;
Зелень кедръ, вокругъ обвился
Ранній, цвѣтнй випоградъ...
Яблонь въ цвѣтѣ благовонномъ,
Будто въ снѣжномъ серебрѣ;
Рѣзвой змѣйкой по горѣ
Ключъ бѣжитъ къ долинамъ соннымъ...»

Въ 1844 году, когда мы были въ четвертомъ классѣ, Перевлѣскій принесъ намъ однажды красиво-изданную книжку, на которой стояла надпись «Гаммы,—стихотворенія М. Полюнскаго». «Съ новымъ талантливымъ поэтомъ, господя!» сказалъ онъ, съ обычною своею шутливостью, мягкимъ развальцемъ входя, съ книгой подъ мышкой, на класную каѳедру. И мнѣ помнится до нынѣ этотъ классъ, ярко освѣщенная весеннимъ солнцемъ комната, свѣжій румянецъ щекъ тогда еще молодого, любимаго нашего учителя, его густые, черные, какъ вороново крыло, волосы, красивые скобками спадавшіе на синій бархатный воротникъ его всегда изящнаго, безъ пылинки, вицмундира, разогнутая въ рукахъ книга «Гаммъ» и темно-каріе, радостно съ каѳедры улыбавшіеся намъ его глаза. Онъ читалъ намъ «Въ дорогѣ», «Мѣсяць» и другія пьесы изъ принесенной книги,— о томъ, какъ «Почью въ колыбель младенца мѣсяць лучъ свой заронилъ», о томъ, какъ «Священный благовѣсть торжественно звучитъ,—во храмахъ ѳніамъ, во храмахъ пѣнопѣнье», и о чудесахъ моря, подъ таинственною, водною пучиною:

«Тамъ, гдѣ груды перламутра,
При мерцающей лунѣ,
При лучахъ пурпурныхъ утра
Тускло свѣтится на днѣ...»

Мы, замирая отъ восторга, радовались, что если безжалостный поединокъ унесъ Лермонтова, какъ недавно передъ тѣмъ онъ унесъ Пушкина, то на мѣсто погибшихъ любимцевъ нашихъ нарождались новые поэты. Сѣмя падало на подготовленную почву. Между институтцами стали появляться свои домашніе поэты. Прошла молва, что стихи пишутъ И. П. Макаровъ, А. В. Вышеславцевъ и А. И. Рыжовъ; по рукамъ ходила цѣлая поэма Миклашевскаго. Она называлась «Баронъ Іоко» и, составляя сатиру на главнаго нашего педагога, начиналась такъ:

«Пою Іоко, онъ славный малый,
Философъ, риторъ и поэтъ,
Ловлѣсь и шутъ, какихъ немало,
И франтъ пятидесяти лѣтъ...»

Увы! всѣхъ этихъ поэтовъ давно нѣтъ на свѣтѣ; съ ними безъ слѣда исчезли и ихъ юношескія произведенія. Одного унесла чахотка, другой умеръ, не кончивъ труда объ искусствѣ въ Италіи, третьяго предательски убили... Но не исчезли изъ памяти живущихъ институтцевъ преданія о ихъ дорогой, вскорѣ затѣмъ закрытой и преобразованной подъ заурядный строй всѣхъ гимназій, родной школѣ.

Учитель русской и всеобщей исторіи въ институтѣ, П. В. Смирновъ, скончавшійся вскорѣ по закрытіи этого заведенія, былъ небольшого роста, подвижной и худенькій человекъ, съ темнорусыми волосами. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, онъ умѣлъ, съ появленіемъ на классной кафедрѣ, совершенно овладѣвать обыкновенно непосѣдливыми и разсѣянными слушателями. Негромкій, мягкій его голосъ, ясно отчеканивавшій слова, такъ и вивался въ душу. Порывисто нюхая закатую въ пальцахъ, иногда въ теченіе цѣлаго класса, взятую у кого-либо изъ коллегъ въ учительской комнатѣ, щепотку табаку, онъ мастерски излагалъ преподаваемый предметъ. Не вдаваясь въ мелочи, въ педантическій перечень разныхъ войнъ и междуособій и въ хронологію мелкихъ, давно исчезнувшихъ и забытыхъ народовъ, онъ болѣе старался объяснять и освѣщать главнѣйшія изъ историческихъ событій, въ связи ихъ съ общимъ теченіемъ вѣка. Обрисованныя имъ событія и лица изъ римской исторіи,

какъ Августъ и Калигула, крестовые походы, Лютеръ, тридцатилѣтняя война, кровавыя насилія французской революціи и нашествіе Наполеона на Россію—до нынѣ стоятъ въ моей памяти, какъ живыя. Излагая какое-либо крупное историческое событіе, Н. В. Смирновъ читалъ намъ, въ его поясненіе, отрывки изъ великихъ писателей, касавшихся той же эпохи,—Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Шатобріана, Шиллера и родныхъ авторовъ. Объясняя однажды способъ рисовки типовъ у иностранныхъ писателей, онъ указалъ намъ на своеобразныя въ этомъ отношеніи приемы Гоголя, и тутъ же на лекціи прочелъ намъ изъ появившихся незадолго передъ тѣмъ и еще не всѣмъ намъ знакомыхъ «Мертвыхъ душъ», характеристики Машилова, Собакевича и Ноздрева.

Преподавателемъ Закона Божія въ институтѣ былъ о. Іоаннъ Рождественскій, донинѣ благополучно здравствующій (состоитъ священникомъ при церкви Черныговскихъ чудотворцевъ, за Москвой-рѣкой). Также невысокаго роста, съ сѣдою уже и тогда, пушистою и длинною бородой, Іванъ Николаевичъ Рождественскій неслышною, слабою походкой входилъ въ классъ, расправлялъ рукава темнокоричневоі шелковой своей рясы, съ золотымъ наперснымъ крестомъ на лентѣ, медленно опускался въ кресло на каедрѣ и внимательно-ласково большими карими глазами окидывалъ стихавшій при его появленіи классъ. Отъ всей его благодушной и кроткой фигуры вѣяло чѣмъ-то неизъяснимо-привѣтливомъ и въ то же время строго вразумляющимъ и ободряющимъ. На своихъ питомцевъ онъ имѣлъ большое вліяніе, нравственно-поддерживая неособенно даровитыхъ, возбуждая къ труду лѣнливыхъ и укрощая черезчуръ рѣзвыхъ и шаловливыхъ и кротко-настойчиво дисциплинируя всѣхъ насъ вообще.—«Богохульники! скоморохи!»—останавливалъ онъ съ улыбкой или строго сдвинувъ брови, не въ мѣру иногда острившихъ и потѣшавшихъ классъ шалуновъ: «гдѣ вы? въ священной храминѣ наукъ, или въ стойлѣ?»

Къ говѣнью, на третьей или на четвертой недѣлѣ великаго поста, мы готовились обыкновенно съ искреннимъ благочестіемъ. Толковая и разумная основѣдь и затѣмъ торжественное причащеніе у отца Іоанна всякій разъ оставляли въ душѣ необъяснимое ощущеніе радостнаго покоя и теплоты. Вечери, обѣды и длинныя всенощныя выстаивались въ маленькой институтской церкви во имя св. Николая чу-

дворца, въ домѣ на Моховой, безъ особаго утомленія. Директоръ А. И. Чивилёвъ устроилъ и заботливо поддерживалъ у насъ собственный ученической хоръ пѣвчихъ. Учителемъ церковнаго хора былъ преподаватель музыки Черновъ, а его помощникомъ регентомъ одинъ изъ учениковъ, нашъ одноклассникъ, Д. И. Георгіевскій. Однимъ изъ пѣвчихъ въ этомъ хорѣ состоялъ и я, начавшій въ то время брать уроки на фортепіано.

Время близилось къ выпуску. Институтъ при мнѣ былъ удостоенъ посѣщеніемъ, во время нашего обѣда, Государя Николая Павловича и вскорѣ потомъ, во время класса, его послѣдника, Цесаревича Александра. Нашимъ радостямъ отъ этихъ посѣщеній не было границъ. Стали говорить, что институтъ предположено сравнять въ правахъ съ Александровскимъ лицеемъ и школой правовѣдѣнія. Эти слухи, впрочемъ, не подтвердились. Какъ теперь вижу статную и красивую фигуру Государя Николая, при прощаніи съ нами, благодарившаго попечителя графа Строганова и показывавшаго ему, съ улыбкой, на себѣ, что нашъ наружный видъ, особенно поступь, нѣсколько мѣшковаты. Узкая, онъ приказалъ дать нашимъ дядькамъ московскій гербъ на ихъ гладкія, бронзовыя мундирныя пуговицы. Этимъ, впрочемъ, и кончились наши мечты объ увеличеніи правъ института.

По праздникамъ, въ первые годы ученія, меня отпускали къ роднымъ моего отчима, Смирновымъ, на Никитскій бульваръ и ко Вдовьеву дому, а также къ матери моего соученика и друга, И. И. Соколова, въ Барашовскій переулокъ, близъ Покровки. Въ высшихъ классахъ, по праздникамъ, я павѣщалъ знакомцевъ моихъ родныхъ, Наумовыхъ, Толстыхъ, Крѣкшиныхъ и др. Но болѣе всего я стремился, какъ видно изъ сохранившихся моихъ писемъ къ матери, бывать у ея чугуевского знакома, свитскаго офицера К. Ф. Саблера, жившаго съ 1844 года въ Фурманномъ переулкѣ, въ приходѣ Харитонія-въ-огородникахъ.

Мнѣ до мелочей памятенъ мой посѣщенія К. Ф. Саблера, такъ какъ онъ первый указалъ мнѣ на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Живо представляются мнѣ небольшія, чистенькія, красиво-убранныя комнаты квартиры К. Ф. Саблера, гдѣ съ утра, въ праздники, когда хозяинъ былъ еще въ церкви или съ визитами въ городъ, я обыкновенно заставалъ въ гостини, на кругломъ столѣ,

кучу книгъ, газетъ и журналовъ, и жадно принимался ихъ читать. Здѣсь я впервые прочелъ съ восхищеніемъ «Юрія Милославскаго», «Каштанскую дочку» и переводъ въ какомъ-то журналѣ «Монте-Кристо», потомъ сводившій насъ всѣхъ въ институтъ съ ума. Высокій, темноволосый и стройный, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и серебрянымъ академическимъ аксельбантомъ, К. Ф. Саблеръ, заставая меня за этимъ занятіемъ и привѣтливо поглядывая на меня, говорилъ о свѣтломъ поприщѣ высшихъ научныхъ познаній и—спрашивая, неужели я, кончивъ курсъ института, забалую себя тотчасъ на службу или въ деревню, на хозяйство, — объяснялъ мнѣ, что выше умственнаго, свободнаго труда нѣтъ наслажденій на свѣтѣ. Его слова часто потомъ вспоминались мною въ жизни, какъ и его восторженные отзывы о нашемъ директорѣ Чивилѣвѣ и попечителѣ московскаго учебнаго округа, гр. С. Г. Строгановѣ, которыхъ, по его мнѣнію, мало цѣнили въ высшемъ правительствѣ, такъ какъ министръ просвѣщенія гр. Уваровъ видѣлъ въ Строгановѣ опаснаго себѣ соперника, а на Чивилѣва смотрѣлъ, какъ на его любимца.

Чтобы обрисовать мое настроеніе передъ окончаніемъ курса въ институтъ, позволяю себѣ здѣсь привести нѣсколько отрывковъ изъ моихъ писемъ того времени къ матери.

Стремясь расположить мать, не обладавшую достаточными средствами, къ разрѣшенію мнѣ продолжать ученіе въ университетъ и переѣхать для того въ Петербургъ, я ей писалъ, между прочимъ (17-го марта 1846 года), слѣдующее:

«Вообще всѣ наши молодые люди, окончившіе курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, поступаютъ въ университетъ, откуда дорога на всѣ четыре стороны — свободна и богата. Мало ли что въ будущемъ, если окончишь со славой курсъ? И путешествіе за границу для обширнѣйшихъ познаній, и лавры славной учености. О! кто не пожертвуетъ всѣмъ, чтобы только перейти эти привлекательныя ступени жизни? Вся молодежь тѣснится въ университетъ; но странно — большая часть просится ѣхать либо въ Дерптъ, либо въ Петербургъ. Я видѣлъ недавно примѣръ, что вышедшій изъ нашего института, Х—въ, изъ любви къ своимъ родителямъ, остался въ харьковскомъ университетѣ, но не прошло и года, онъ возвратился въ Москву, съ больною головою отъ тамошнихъ профессоровъ, которые, какъ слышно, знаютъ не болѣе на-

нихъ институтскихъ учителей. Что касается до разницы между московскимъ и петербургскимъ университетами, то, по слухамъ, здѣсь чуть ли не такая же разница, какъ между Харьковомъ и Москвой. Послушайте, что говорятъ о петербургскихъ студентахъ. Ихъ тамъ все ищутъ; тамошній университетъ любить и самъ государь, а что касается до одинокой жизни студента тамъ и здѣсь, то она почти та же. Притомъ-же Петербургъ—новый совершенно городъ, граничный уже почти свѣтъ; тамъ все лучшее общество даже изъ Москвы, все наши литераторы. И Богъ знаетъ, куда заводитъ меня мечта въ эти минуты! О, если бы вы пашли это возможнымъ? Взгляните, вѣрно ли я мечталъ, и справедливо ли будетъ мое разочарованіе. Свѣтъ идетъ впередъ, свѣтъ живетъ—не остается на мѣстѣ... а я? Иначе, къ чему эти свѣтлыя познанія, эти труды образованія, эти игривыя надежды, если будетъ нужно ихъ схоронить—подъ киверомъ солдата, во фронтѣ, подъ халатомъ украинскаго, мелкопомѣстнаго дворянина, или, наконецъ, подъ зеленымъ фраккомъ шпца... Нѣтъ, разочарованіе будетъ слишкомъ убійственно! Въ первый разъ я еще объ этомъ думаю, и, какъ свинецъ, эти думы тѣснятъ мою душу. Иные говорятъ, что пыль юности проходитъ лѣтами; я же, напротивъ, себя чувствую, въ томъ, что касается до сердца и души, такимъ же, какъ чувствовалъ себя за два года и болѣе. Свою юность я поддерживаю на многіе годы. Мой духъ устарѣетъ тогда, когда я превращусь въ пыль, которую какой-нибудь франтъ, съ досадою, будетъ отчищать отъ сапоговъ своихъ».

Поступленіе мое въ петербургскій университетъ состоялось. Семнадцати лѣтъ, осенью 1846 года, я съ институтскимъ аттестатомъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ принятъ въ тамошній университетъ, безъ экзамена, на юридическій факультетъ.

Въ началѣ 1847 года (15-го февраля), вспоминая недавнее свое прошлое—дѣтскіе годы и курсъ ученія въ институтѣ—я писалъ слѣдующее объ этомъ прошломъ своей матери, которая всею душой сочувствовала моимъ стремленіямъ къ дальнѣйшему ученію и поддерживала меня въ этомъ всемъ, чѣмъ могла, особенно своими разумными совѣтами:

«Съ 10-ти лѣтъ у меня первую задушевную мыслью было—быть чѣмъ-нибудь, не какъ подобные мнѣ изъ окружающихъ. Я «все» хотѣлъ,—не то, чтобы выучить,—а разомъ выпить, въ одинъ глотокъ, жить въ покоѣ, жить въ

глухой тишинѣ, но въ счастья—это мнѣ не было по душѣ. Нѣтъ, меня что-то тревожило безпрестанно; и чувствовалъ въ душѣ что-то странное, и это все было у меня тогда смѣшано безотчетно, а романовъ я тогда еще не читалъ, и некому было мнѣ объ этомъ натоковать, кромѣ учителя Пѣша (который все курилъ трубку) да брата ***, который все мечталъ объ усахъ и эполетахъ. Шалунъ я былъ страшный, пока не отвезли меня въ Москву.

«Въ институтѣ я учился, школьничалъ. Набравшись наукъ, я просвѣтлѣлъ головой и иначе посмотрѣлъ на жизнь. Правый взглядъ на вещи заставилъ меня рано подумать о будущности. Я рано — еще за два года — составилъ себѣ (въ мысляхъ) карьеру, особенно послѣ вакацій, послѣ вашихъ совѣтовъ. Я созналъ въ себѣ много силъ къ осуществленію мысли: быть другимъ, чѣмъ близкіе къ моей жизни, быть выше ихъ—это облагородило мои увлеченія. Я не связался съ молодежью Москвы; я рвался оттуда... Я до безумія влюбился въ поэзію. Когда я увѣрился въ себѣ, я написалъ къ вамъ первое письмо, въ которомъ просилъ васъ дать мнѣ возможность ѣхать учиться въ Петербургъ. Зачѣмъ именно въ Петербургъ? Москву слишкомъ хорошо я разглядѣлъ—эту беззаботную жизнь, это равнодушіе къ ученю, эту грязную мелочность молодежи—все я разглядѣлъ, вмѣстѣ съ чудною Москвой-матушкой, ея бѣлокаменнымъ Кремлемъ, который часъ отъ часу грустнѣе смотритъ на переменчивое поколѣніе и ворчитъ, сверкая крестами. Харьковъ я не зналъ, но я его понималъ. Я боялся заразиться Москвой и Харьковомъ. Я боялся сдѣлаться такимъ человѣкомъ, который, вышедши изъ университета, поступитъ на службу, огрубѣетъ, пройдетъ для міра, какъ канетъ въ воду, и только послѣ него у иного почешется за ухомъ и тотъ скажетъ: «да, добрякъ былъ, чурбанъ лѣнливый! славная паливка у него бывала!» Вотъ чѣмъ я боялся тамъ заразиться... а это такъ искусительно для многихъ! Вѣрно много я ждалъ впереди, вѣрно чувствовалъ себя сильнымъ, когда рѣшился оставить это легкое и пустился одинъ, безъ совѣтника, за полторы тысячи верстъ. Я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; я не разрушилъ ни одного и изъ ожиданій вашихъ. Больно рвалась душа при разставаньи съ вами; я точно умеръ, когда повозка скрылась изъ виду вашего — я даже было рѣшился вернуться... За эти жертвы Богъ меня не оставитъ!»

И тогда же, вспоминая свой проѣздъ изъ Чугуева, черезъ Москву, въ Петербургъ, я писалъ матери:

«Директоръ (Чивилевъ) просто меня восхитилъ. Онъ велѣлъ придти за его письмомъ къ профессору петербургскаго университета, знаменитому Порошину, его близкому другу, и велѣлъ мнѣ самому ему сказать только слова: «мой директоръ, такой-то, прислалъ меня учиться въ этотъ университетъ» — и этого будетъ довольно съ его письмомъ. При выходѣ отъ директора встрѣтилъ я нашего учителя литературы (Черевтѣвскаго), который велѣлъ къ нему зайти тоже, по дорогѣ, за письмами рекомендательными къ Гребенкѣ и Кукольнику...»

Юношески-восторженные, хотя черезчуръ, быть-можетъ, поэтому, напыщенные мои письма того времени къ матери показываютъ, однако, насколько благотворно для насъ, учениковъ института, было гуманитарное и возвышающее вліяніе послѣдняго. Большинство изъ насъ, несмотря на преподаваніе намъ, изгнанной потомъ изъ гимназій, естественной исторіи и на упражненія всякаго рода спортомъ (фехтованіе, плаваніе, гимнастика, катаніе на конькахъ и пр.)—были искреннѣйшіе идеалисты. Одни серьезно изучали иностранныхъ историковъ, другіе переводили стихами «Фауста»—Гете (А. Рыжовъ), «Турандота»—Шиллера (Губчицъ), оды Горация (С. Анненковъ), я—Гельти и Вольтера; третьи усильно рисовали (Н. Н. Соколовъ, Кардо-Сысоевъ), неподражаемо декламировали Гоголя и Грибоедова (Усовъ, Лашкевичъ), занимались скульптурною лѣжкой (А. и Е. Протасевы) и музыкой (Н. Малово, Лопатинъ и Ладыженскій). Гуманитарное вліяніе школы, кромѣ занятій изящными искусствами, отражалось на насъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ міровой политикѣ было полное затишье. Россія не воевала ни съ одною изъ европейскихъ державъ, а потому, вѣроятно, горячихъ военныхъ головъ между нами тогда и не было. Военный патріотизмъ институтцевъ моего времени проявился позднѣе, въ восточную войну, когда многіе изъ моихъ товарищей посильшили въ военную службу (Н. Рыжовъ, С. Анненковъ, А. Маловъ, кн. Оболенскій, братья Араповы и др.). Въ сороковыхъ годахъ у Россіи, однако, шла кровавая пограничная борьба съ Кавказомъ. Горныя экспедиціи противъ Шамиля ежегодно поглощали множество жертвъ.

Проходя по Моховой, мимо сосѣдняго съ институтомъ военнаго экзерциргауза, мы, съ болью въ сердцѣ, видѣли здѣсь все новые и новые пѣхотные батальоны, которые отсюда, послѣ смотровъ, отправлялись въ то время на Кавказъ.

«На убой миленькихъ ведутъ! на погибель, свѣтиковъ родныхъ!» голосили, причитывая передъ нами, съ плачемъ, матери и жены, провожавшія уводимыхъ солдатъ. — «Какъ помочь ихъ бѣдѣ? и какъ облегчить родинѣ покореніе Шамлиа, а съ нимъ и Кавказа?» мыслили мы тогда и толковали между собой. Разрѣшить эту загадку нашлась горячая голова, въ тайнѣ отъ всѣхъ задумавшая и рѣшившая привести въ исполненіе фантастическій замыселъ «безкровнаго замиренія и покоренія Кавказа». Это случилось въ 1843 году, когда я перешелъ въ четвертый классъ.

Между моими одноклассниками былъ пятнадцатилѣтній, чернокудрявый и черноглазый, худощавый юноша, И. П. Скюдери, сынъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго московскаго врача. Однажды, осенью, уходя утромъ въ воскресенье къ знакомымъ своего отца, бывшаго въ то время въ богатомъ рязанскомъ своемъ помѣстьѣ, с. Ромодановѣ, Скюдери сказалъ мнѣ и другому своему однокласснику и другу, С. П. Анненкову: «Ну, товарищи, прощайте! не говорите никому — не скоро теперь увидимся... услышите обо мнѣ!» Больше онъ намъ ничего не объяснилъ, какъ мы ни допытывали его, и, пожавъ намъ, съ привѣтливою улыбкой, руки, ушелъ изъ института. До сихъ поръ вижу его красивую, кудрявую голову, всегда нѣсколько блѣдное лицо и оживленные, быстрые глаза, какъ бы говорившіе: «да! увидите и услышите обо мнѣ нѣчто замѣчательное!» Надо прибавить, однако, что слова Скюдери не особенно насъ удивили. Мы кое-что знали о его душевномъ настроеніи. Незадолго передъ тѣмъ онъ случайно увидѣлъ въ католической церкви, куда ходилъ съ знакомыми отца, нѣкую, неопisanной красоты, княжну грузинскую и, какъ сообщилъ намъ по секрету, влюбился въ нее по уши. Вспомнивъ это, мы съ Анненковымъ рѣшили, что нашему другу, очевидно, повезло вызвать въ его возлюбленной взаимное расположеніе къ себѣ, что они, по всей вѣроятности, положили болѣе не разставаться и для того, разумѣется, задумали бѣжать куда-либо изъ Москвы, за тридевять земель. Строя воздушные замки о будущемъ

блаженствѣ влюбленной пары, мы положили обо всемъ до времени молчать.

Быль конецъ августа. Стояла превосходная, теплая и сухая погода. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было. «Если Скюдери съ его возлюбленною — думали мы — рѣшили уѣхать въ чужіе края, то письменное извѣстіе отъ него должно придти къ намъ изъ перваго пограничнаго города, никакъ не далѣе недѣли или десяти дней». Но прошло болѣе двухъ недѣль. Свѣдѣній о бѣглецахъ къ намъ не доходило. Невозвращеніе Скюдери изъ отпуска къ вечеру воскресенья и въ первую недѣлю послѣ того никого особенно не озаботило. — «Очевидно, заболѣлъ», рѣшило начальство: «выздорѣветъ, явится». Но прошло еще одно воскресенье — Скюдери въ институтъ не возвращался. Начальство произвело дознаніе; оказалось, что Скюдери не было и у тѣхъ знакомыхъ, къ которымъ его отпускали по просьбѣ отца. Прошелъ еще день, другой, и дѣло стало объясняться. Заговорили, что Скюдери еще въ то воскресенье, когда былъ отпущенъ къ знакомымъ, пробылъ у нихъ до вечера, взяли съ собою кое-какія вещи, какъ бы для отвоза ихъ въ институтъ, съѣлъ со слугой отца, Семеномъ, на извозчика, уѣхалъ куда-то и съ тѣхъ поръ безъ вѣсти пропалъ. Въ то время, какъ начальство предполагало, что онъ находится у знакомыхъ, послѣдніе были убѣждены, что онъ пребываетъ въ институтѣ; невозвращеніе же къ нимъ жившаго у нихъ Семена объясняли тѣмъ, что тотъ давно выказывалъ недовольство службой у нихъ, все просился обратно въ деревню и, очевидно, просто сбѣжалъ къ своему господину, въ Ромоданово, куда они и не замедлили написать. Отвѣтъ отца Скюдери, что Семенъ не появлялся и въ деревнѣ, совпалъ съ первыми справками институтскаго начальства. Поднялась общая тревога. Московскимъ генераль-губернаторомъ были разосланы эстафеты объ исчезнувшемъ безъ вѣсти ученикѣ института во всѣ концы Россіи. Негласные и гласные розыски не привели, однако, ни къ чему.

Подъ напоромъ разспросовъ товарищей и убѣжденій начальства, знавшаго близость и дружбу Скюдери со мной и съ Анненковымъ, и, въ виду слуховъ о скорби и отчаяніи старика-отца Скюдери, немедленно посѣщившаго изъ деревни въ Москву, мы съ Анненковымъ рѣшили слегка приподнять завѣсу надъ случаемъ съ товарищемъ.

Соображая, что бѣглецы, безъ сомнѣнія, уже въ недосигаемой дали, гдѣ-нибудь въ заоблачныхъ горахъ Швейцаріи, или на островахъ Атлантическаго океана, — когда директоръ сообщилъ намъ разсказъ знакомыхъ отца Скъюдери о встрѣчѣ его сына, въ церкви, съ грузинскою княжной, и спросилъ насъ, не увлеченіе ли ею было причиной рокового и, быть-можетъ, гибельнаго исчезновенія нашего совоспитанника, — мы великодушно отвѣтили: «да, здѣсь несомнѣнно романъ! но успокойте отца, Скъюдери, бѣглецы несомнѣнно внѣ всякой опасности и вскорѣ, вѣроятно, приплывутъ о себѣ вѣсть». — «Но куда же они направились?» допрашивалъ директоръ. На это мы ничего не могли сказать вѣрнаго. Княжна была уроженкой Кавказа, куда, вскорѣ послѣ встрѣчи съ Скъюдери, какъ говорили въ городѣ, и уѣхала съ теткой. Въ исходѣ сентября, въ институтѣ пронесся слухъ, что Скъюдери, наконецъ, найдены, но не въ горахъ Швейцаріи и не на островахъ Атлантическаго океана, какъ мы думали, а на пути къ Кавказу, въ городѣ Екатеринославѣ, причемъ выяснилось, что фантастическій свой побѣгъ онъ предпринялъ далеко не изъ одного увлеченія грузинскою княжной. Нашимъ товарищемъ двигала другая, болѣе возвышенная причина, о которой онъ, рѣшаясь на побѣгъ, не намекнулъ ни словомъ даже ближайшимъ изъ своихъ сотоварищей.

Дѣло было такъ. Житель Екатеринослава, какой-то еврей-торговецъ, встрѣтивъ на городскомъ базарѣ двухъ истомленныхъ, въ поношенной одеждѣ, необычнаго вида путниковъ, изъ которыхъ одному было пятнадцать, другому около двадцати лѣтъ, заподозрилъ въ нихъ опасныхъ бродягъ (тогда сильно преслѣдовали бѣглыхъ крестьянъ, стремившихся селиться на вольныхъ южныхъ, приморскихъ степяхъ) и допесъ на нихъ полиціи. На допросѣ у екатеринославскаго полицеймейстера Скъюдери откровенно и безъ утайки изложилъ причину и способъ неудавшагося своего побѣга. Полицеймейстеръ подробно записалъ и прислалъ въ Москву его показанія. — Видя съ прискорбіемъ, — говорилъ въ этихъ показаніяхъ Скъюдери, — что война съ Шамилемъ, обрекая на гибель столько жертвъ, такъ долго не приводитъ къ желаемому усилѣху, онъ, Скъюдери, рѣшился положить этому конецъ, для чего задумалъ тайно проникнуть на Кавказъ, при посредствѣ знакомой ему грузинской княжны, добро-

вольно передаться Шамилю, заслужить его расположение, войти въ полное его довѣріе, и такъ какъ онъ, Шамплъ, очевидно, не знаетъ всего величія души и нрава царя Николая, то объяснить ему это величіе и склонить его къ мирной передачѣ Кавказа во власть Россіи, за что Государь несомнѣнно возвелъ бы его, Шамиля, въ санъ русскаго фельдмаршала и назначилъ бы его самого, съ потомствомъ, правителемъ Кавказа. Для этой цѣли онъ, Складери, уговоривъ слугу своего отца, Семена, слѣпо слушаться и помогать ему въ пути, ѡтѣхалъ съ нимъ за Серпуховскія ворота, рассчитавъ тамъ извозчика и съ пятью рублями въ узелкѣ платка пустился съ Семеномъ пѣшкомъ по большой почтовой дорогѣ, черезъ Тулу, Орель, Харьковъ и Екатеринославъ, на Кавказъ. Сухая и теплая августовская погода благопріятствовала путникамъ. Днемъ они шли, ночью спали на поляхъ, вблизи дороги, или у опушки сосѣднихъ съ дорогой лѣсовъ. До курской губерніи питались, покупая съѣстные принасы; за Курскомъ послѣднія деньги были потрачены. Странники, однако, въ дальнѣйшемъ пути не голодали. Войдя вскорѣ въ малорусскіе предѣлы, они встрѣтили такое гостепріимство и такое вниманіе къ себѣ, что, угощаясь вездѣ вдоволь и даромъ, не замѣтили, какъ изъ двухтысячеверстнаго пути отъ Москвы миновали почти половину и бодрые, и веселые, обносившись сильно только обувью, вошли въ улицы Екатеринослава. Великодушный и смѣлый замыселъ безкровнаго пріобрѣтенія Кавказа рухнулъ на 945-й верстѣ отъ Москвы. У его исполнителя, въ екатеринославской полицейской части, потребовали видъ о его личности. Складери спокойно вынулъ изъ кармана казенной куртки печатный отпускной институтскій билетикъ съ своимъ именемъ и тотчасъ же былъ арестованъ. Послѣ должной переписки мѣстныхъ властей съ Москвой, онъ былъ съ подобающимъ вниманіемъ благополучно препровожденъ на почтовыхъ къ его обрадованному, хотя и долго еще потомъ ворчавшему на него, родителю. Въ институтъ онъ уже болѣе, къ нашему огорченію, не возвращался. Поступивъ, черезъ два года, въ петербургскій университетъ, я узналъ, что Складери также въ Петербургѣ, въ медико-хирургической академіи, и когда я снова нашелъ его, въ его студенческой квартиркѣ на Кронверкскомъ проспектѣ, моей радости и разспросамъ о его странствованіи на Кавказъ не было конца.

О своемъ неудавшемся подвигѣ онъ, однако, говорилъ неохотно, объясняя и свое поступленіе въ медици однимъ желаніемъ принести въ будущемъ посильную пользу бѣднымъ раненымъ и искалѣченнымъ въ сраженіяхъ страдальцамъ. Служа потомъ во флотѣ и еще недавно въ арміи, въ войну за Болгарію, онъ вполне достигъ исполненія своихъ юношескихъ мечтаній. Его заботливость о раненыхъ была такъ сильна, что онъ, въ качествѣ старшаго врача одного изъ пѣхотныхъ полковъ, умудрялся возить на передкѣ своихъ докторскихъ дрожекъ кѣтку съ живыми курами, чтобы, въ случаѣ нужды, опасно раненому всегда было возможно приготовить бульонъ, и велъ неутомимую борьбу съ интендантскими поставщиками, бракуя у нихъ безъ сожалѣнія партіи испорченныхъ сухарей.

Еще помню два случая съ моими товарищами-одноклассниками. Одинъ изъ нихъ, П. П. Макаровъ, подъ вліяніемъ чтенія житій св. отцовъ и мучениковъ за вѣру, сперва устроилъ изъ образковъ въ классномъ своемъ ящикѣ нѣчто въ родѣ крошечнаго иконостаса и усердно молился передъ нимъ, а потомъ, незадолго до окончанія курса, поступилъ въ монахи и долго жилъ у Троицы-Сергія въ особой кельѣ, собственноручно вырытой имъ въ лѣсу, у откоса холма, гдѣ я лично его навѣщалъ. Другой мой товарищъ, Н. Ѳ. Маловъ, увлекшись чарующими голосами заѣзжихъ итальянскихъ пѣвцовъ, Сальви и Ассандри, и втайнѣ стремясь вслѣдъ за ними въ Италію, сталъ прилежно брать уроки пѣнія, достигъ въ немъ замѣчательнаго искусства и позднѣе, подъ иностранною фамиліей, успѣшно дебютировалъ и пѣлъ на театрахъ въ Италіи.

Такими-то были питомцы нашего института. Много потомъ всѣми нами переживалось странныхъ и тяжелыхъ событій, которымъ, по возможности, подыскивались подходящія объясненія. Одного никто изъ насъ не могъ вполне понять: въ силу какихъ обстоятельствъ и для чего, сорокъ лѣтъ назадъ (въ 1849 году), былъ закрытъ и преобразованъ въ одну изъ гимназій нашъ былой московскій дворянскій институтъ? На вопросъ объ этомъ мнѣ не дали тогда отвѣта и перешедшіе на другую службу въ Петербургъ—нашъ незабвенный директоръ Чивилевъ и учитель нашъ Перевлѣскій, который уѣхалъ изъ Москвы, подаривъ на память бывшимъ своимъ сослуживцамъ по институту литографированный свой

портретъ съ загадочнымъ собственоручнымъ надписаніемъ на этомъ портретѣ народной поговорки: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». Закрѣпить же институтъ, въ виду какихъ-либо особыхъ правъ и привилегій, которыя онъ, будто бы, давалъ, никому не могло придти въ голову: кончавшіе въ немъ курсъ получали тѣ же права, что и питомцы всѣхъ тогдашнихъ гимназій. Закулисною причиною здѣсь, вѣроятно, было нѣчто, схожее съ тѣмъ, на что мнѣ намекалъ покойный К. Ф. Саблеръ, а именно, какіе-либо личные счета между высшими дѣятелями въ тогдашнемъ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія.

Что же касается официальныхъ данныхъ относительно закрытія московскаго дворянскаго института, то извѣстно лишь, что дальнѣйшее его существованіе, съ учрежденіемъ въ Москвѣ, въ іюнь 1849 г., втораго кадетскаго корпуса, было признано «безполезнымъ», и вслѣдствіе того сперва послѣдовало распоряженіе о его полномъ закрытіи, съ передачей воспитанниковъ меньшихъ его классовъ въ кадетскій корпусъ и съ оставленіемъ въ немъ высшихъ классовъ только до окончанія курса того года. При этомъ на волю родителей предоставлялось, если они не согласятся на переводъ своихъ дѣтей въ кадеты, взять ихъ къ себѣ обратно. Но къ исполненію этого перваго распоряженія встрѣтились неожиданныя препятствія. Въ институтѣ, въ томъ году, оказалось 167 воспитанниковъ, изъ которыхъ правомъ для замѣщенія 58 дворянскихъ вакансій въ корпусѣ могли, по возрасту (отъ 9¹/₂ до 11¹/₂ лѣтъ), воспользоваться всего только «трое» учениковъ, но и то лишь въ случаѣ полученія ожидавшагося на это согласія ихъ родителей. Въ окончательномъ же 6-мъ классѣ института тогда было 16 учениковъ. Слѣдовательно, около 150 питомцевъ института подлежали возвращенію родителямъ, изъ которыхъ большая часть постоянно жила внѣ Москвы и преимущественно въ отдаленныхъ губерніяхъ. Встрѣтилось и еще одно немало-важное затрудненіе: изъ 45 преподавателей и чиновниковъ института 28 не имѣли иной службы, а во всѣхъ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа, для размѣщенія ихъ, въ то время было всего «двѣ» соотвѣтствующихъ свободныхъ вакансіи. Самая, наконецъ, покупка, перестройка и должное обзаведеніе зданія, въ которое, всего за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, былъ переведенъ институтъ, обошлись послѣд-

нему болѣе чѣмъ въ 250,000 руб. сер., и изъ этой суммы институтъ, въ 1849 году, былъ еще долженъ московскому университету 75,000 р., а въ число ежегодной штатной суммы въ 53,000 руб. сер. на содержаніе института отъ государственнаго казначейства отпускалось только 8,000 р., причѣмъ остальные 45,000 р. пополнялись изъ платы за пансіонеровъ. Эти важныя справки заставили измѣнить первоначальное распоряженіе о полномъ закрытіи института, и послѣдній былъ упраздненъ, съ преобразованіемъ его въ четвертую московскую гимназію, которую въ 1850 году открыли въ томъ же зданіи, до сдачи послѣдняго подъ переведенный изъ Петербурга Румянцевскій музей.

1890 г.

30 января.

Оглавленіе

ХІV ТОМА.

Восемьсотъ двадцать пятый годъ. (1821—1825).

(Отрывки изъ неоконченнаго романа М. И. Анненковой)...

	СТР
I. Каменка.	3
II. Шервудъ у Аракчеева.	50
III. Въ зимнемъ дворцѣ.	61
Знакомство съ Гоголемъ. (Изъ литературныхъ воспоминаній). . .	92
Сторія о Господѣ и землѣ. (Къ воспоминаніямъ о Гоголѣ). . .	128
Поѣздка въ Ясную поляну. (Помѣстье графа Л. Н. Толстого). .	136
Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. Ѳ. Щербина. (Его письма и неизданныя стихотворенія).	153
Московскій дворянскій институтъ (Изъ школьныхъ воспоминаній). .	198

F

24.137

1.13-15